

Изъ Петрограда черезъ Москву, Парижъ и Лондонъ въ Одессу

1917—1918 г.г.

В. I. Гурко

I.

Сверженіе Врем. правительства. Отъездъ изъ Петрограда въ Москву. Захватъ власти большевиками въ Москвѣ. Зима 1917-18 годовъ въ Москвѣ. Московскія политическія организаціи: Совѣтъ общественныхъ дѣятелей, правый центръ, Военныя контръ-революціонныя организаціи, Союзъ освобожденія Россіи, Союзъ возрожденія Россіи. Мысли объ образованіи новаго фронта на Уралѣ. Сношенія праваго центра съ представителями Германіи. Поѣздка въ Петроградъ въ поискахъ вождя. Разъездъ изъ Москвы общественныхъ дѣятелей.

Мощные орудійные выстрѣлы огласили въ ночь на 26-ое октября 1917 г. пугливо притаившійся изъ за событій предшествующаго дня Петроградъ. То крейсеръ Аврора, проникшій въ Неву, бомбардируетъ въ упоръ Зимній Дворецъ, гдѣ укрылись всѣ министры временнаго правительства, за исключеніемъ предусмотрительно бѣжавшаго Керенскаго. Давно ли эти господа, полные вѣры въ себя, отважно повалили царское правительство и засадили царскихъ министровъ въ ту самую Петропавловскую крѣпость, куда ихъ нынѣ, послѣ захвата Зимняго Дворца, ведутъ самихъ, какъ покорное стадо барановъ.

Результатъ паденія временнаго правительства для всѣхъ ясенъ. Въ Петербургѣ во всякомъ случаѣ дѣлать больше нечего. *Finita la comedia!* Пробираюсь на другой день на Николаевскій вокзалъ, пробираюсь, за полнымъ отсутствіемъ извозчиковъ, пѣшкомъ, подъ свистъ шальныхъ пуль, которыя кому то вздумалось пускать вдоль Невскаго, и помѣщаюсь въ почти совершенно пустой курьерскій поѣздъ, направляющійся въ Москву. Туда уже съ ранней осени переселилась моя семья. Поѣздъ отошелъ въ положенное время и безъ малѣйшаго опозданія прибылъ въ Москву на слѣдующій день утромъ.

Москва представляла свой обычный видъ, развѣ что извозчики повысили свои цѣны: вмѣсто гривенниковъ счетъ идетъ на рубли.

— «Ну что, какъ у Васъ здѣсь?» спрашиваю у моего возницы.

— «Да, ничего. Третьяго дня у Кремлевскихъ воротъ была драка, да юнкера быстро порѣшили съ бунтовщиками. Теперъ тихо».

Подъ впечатлѣніемъ этого успокоительнаго извѣстія приѣзжаю къ своимъ въ большой Аванасьевскій переулокъ, что у Арбата, чтобы не выбраться оттуда и быть

лишеннымъ сообщенія со всѣмъ внѣшнимъ міромъ въ теченіе шести сутокъ. Съ вечера дня моего приѣзда началось движеніе мятежниковъ противъ Александровскаго военнаго училища, гдѣ укрѣпились юные защитники видимости порядка, и мы очутились въ непосредственной близости отъ одного изъ центровъ междоусобной брани въ той нейтральной полосѣ, которая отдѣляла два враждующіе стана. Мятежныя войска, какъ оказалось вполнѣдствіи, установили артиллерійскія орудія на Прѣсенской площади у входа въ Арбатскую улицу и оттуда обстрѣливали шрапнелью Арбатскую площадь и выходящее на нее Александровское училище. Цѣлыхъ шесть дней съ оглушительнымъ трескомъ взрывались надъ домомъ, гдѣ мы жили, артиллерійскіе снаряды, не причиняя намъ никакого вреда, но все болѣе распатывая нервы обитателей нашего квартала. Изъ заднихъ оконъ нашей квартиры была видна часть Арбатской площади и неоднократно происходившія на ней атаки защищавшихъ Александровское училище юнкеровъ противъ насѣдавшихъ на нихъ окончательно распропагандированныхъ большевиками мятежныхъ войскъ.

Хотя никакихъ извѣстій о творящемся въ городѣ до насъ въ теченіе дня доходить не могло, ибо если въ домѣ было довольно безопасно, то выходить на улицу, на которую сыпались шрапнельныя пули, было все же рисковано, тѣмъ не менѣе разнообразныя слухи безпрестанно циркулировали между разношерстными обывателями нашего дома, слухи, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ въ этой же средѣ зарождавшіеся, но все же не содѣйствовавшіе подъему настроенія. То говорили, что артиллеріей большевиковъ управляетъ какой-то австрійскій полковникъ изъ военно-плѣнныхъ, знатокъ этого дѣла, то утверждали, что чернь выступила на улицу и громить всѣ попадающіеся на ея пути дома, причемъ быстро приближается къ нашему переулку. Провѣрить эти слухи не было никакой возможности.

Удивительныя несообразности представляетъ гражданская война. Такъ, въ эти дни въ Москвѣ, когда въ различныхъ ея частяхъ происходила почти непрерывная перестрѣлка, базары продолжали, тѣмъ не менѣе, дѣйствовать, и нашъ поваръ, со свойственнымъ русскому человѣку презрѣніемъ къ опасности, ежедневно въ ранніе утренніе часы, когда, правда, перестрѣлка стихала, отправлялся за провизіей и приносилъ вмѣстѣ съ ней кое-какія свѣдѣнія, достовѣрность которыхъ была, конечно, по меньшей мѣрѣ сомнительна.

Къ вечеру шестого дня нашего осажденнаго положенія артиллерійскій огонь замѣтно усилился и даже принялъ какой-то зловѣщій характеръ, чтобы затѣмъ внезапно совершенно прекратиться. Тишина наступила полная, но одновременно инстинктивно утратилась и надежда на пораженіе большевиковъ.

Какъ мы узнали вполнѣдствіи — ссажденные большевиками части, разстрѣлявъ всѣ имѣвшіеся у нихъ патроны, вынуждены были сдать позиціи, лишь выговоривъ себѣ личную свободу и неприкосновенность.

Наступило властвованіе большевиковъ.

Проявили они по началу много ловкости и макиавелизма. Дѣйствуя все время на точки наименьшаго сопротивленія и придавая всѣмъ своимъ дѣйствіямъ характеръ защиты интересовъ народныхъ массъ, они въ первую голову принялись за лишеніе средствъ нападенія и защиты наиболѣе страшную для нихъ силу — крупную буржуазію. Въ этихъ видахъ они обязали всѣ банки, куда они впрочемъ съ мѣста посадили своихъ контролеровъ, выдавать по текущимъ счетамъ не болѣе какой то ничтожной, на сколько помнится — 500 рублей, суммы въ недѣлю.

Съ этого началась первая большевицкая зима, тягучая, нудная, изобиловавшая декретами, все болѣе и болѣе стѣснявшими всякую дѣятельность, всякую свободу. Бѣгство буржуазіи изъ Москвы началось почти тотчасъ послѣ побѣды боль-

шеви́ковъ. Уѣзжали въ Крымъ, но въ особенности на Кавказъ, гдѣ многіе изъ искавшихъ тамъ убѣжище погибли — отъ тѣхъ-же большевиковъ. Однако, остатки политическихъ организацій, или вѣрнѣе отдѣльные политическіе дѣятели, вскорѣ принялись за работу, въ цѣляхъ сверженія большевицкой власти. Но, увы, тотчасъ же выяснилось, что если большевиковъ никто не желаетъ видѣть у власти, то большинство политическихъ партій почти въ равной мѣрѣ вообще никому не желаетъ вручить власть, кромѣ какъ самимъ себѣ. При этомъ, чѣмъ лѣвѣе были политическія партіи, т. е. чѣмъ ближе къ большевикамъ, тѣмъ онѣ ревнивѣе охраняли чистоту своей программы, тѣмъ нетерпимѣе относились ко всѣмъ остальнымъ политическимъ вождѣлѣніямъ, а въ особенности къ ихъ лидерамъ. Наибольшей сговорчивостью отличались правыя партіи, быть можетъ, вслѣдствіе охватившаго ихъ чувства безнадежности осуществить въ данное время собственные государственные идеалы.

На общемъ тускломъ, сѣромъ фонѣ истекшей зимы припоминается, какъ все ту же затягивалась накинутая на буржуазію большевицкая петля, какъ все тяжелѣе и нестерпимѣе становились бытовыя условія. Аресты, обыски, отбирание всякаго имущества, рѣшительно во всемъ и вездѣ царствующій произволъ и нестерпимое хамство, наконецъ, довольно медленное по началу, а затѣмъ быстрое и рѣзкое повышение цѣнъ на всѣ жизненные припасы нарушали повседневные интересы все болѣе широкихъ круговъ населенія. Пудъ бѣлой муки, стоившій въ октябрѣ около 20 рублей, въ августѣ 1918 года съ трудомъ получался изъ подъ полы за 800 рублей, при соответственномъ повышеніи стоимости всѣхъ другихъ продуктовъ.

Да, ухудшилось матеріальное положеніе почти всѣхъ и вся, ухудшилась еще въ большей мѣрѣ та нравственная атмосфера, которая окружала и душила. Упраздненіе всякой прессы, кромѣ опредѣленно большевицкой — погрузило въ невѣдѣніе о творящемся не только за предѣлами страны, но и внутри ея. Между тѣмъ событія чередовались одни за другими, событія крупныя, но какъ-то тонушія въ общемъ маразмѣ, охватившемъ не только культурные слои населенія, но даже и массу. Постыдный Брестъ-Литовскій миръ, звѣрское убійство всей Царской семьи, появленіе въ предѣлахъ Государства политическихъ новообразованій, какъ то Украины, Всевеликаго Дона, Грузіи — все это скользило по обывателю, не вызывало массоваго негодованія и, тѣмъ болѣе, активнаго отпора. Однако террора, въ точномъ смыслѣ слова, еще не было: массовые разстрѣлы начались лишь въ августѣ. Неприкосновенности личности, конечно, тоже не было; совершенно случайные, ничѣмъ не обоснованные аресты производились во множествѣ, но убійства были еще рѣдкимъ явленіемъ. За исключеніемъ отдѣльныхъ, особенно пугливыхъ и нервныхъ людей, ни населеніе, ни даже высшіе, по общественному положенію, слои страха за свою жизнь не испытывали.

Такъ, еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, по полученіи извѣстія о мученической кончинѣ Государя и его семьи, была открыто отслужена заупокойная обѣдня въ церкви Спиридонія, что на Спиродоновкѣ, и на службѣ этой присутствовали всѣ находившіеся въ Москвѣ остатки высшей бюрократіи, придворныхъ круговъ и правыхъ общественныхъ организацій. Былъ ясный, погожий день, и послѣ церковной службы множество собравшихся высыпало на улицу и тутъ-же на мостовой оживленно обмѣнивались чувствами и мыслями по поводу совершившагося событія, хотя рядомъ, въ домѣ Тарасова, помѣщался комиссаріатъ иностранныхъ дѣлъ, служащіе въ которомъ «товарищи» обоюга пола облѣпили всѣ окна занимаемаго ими зданія и не безъ злой усмѣшки наблюдали за весьма своеобразнымъ, по условіямъ времени, сборищемъ. Правда, что въ ту же ночь, священникъ, служившій царскую панихиду, былъ аресто-

ванъ и заключенъ въ тюрьму, но, однако, насколько помнится, вскорѣ выпущенъ.

Къ моменту большевицкаго переворота въ Москвѣ была лишь одна политическая организація, образовавшаяся еще въ августѣ за нѣсколько дней до Московскаго Государственнаго Совѣщанія, а именно, такъ называемый Совѣтъ общественныхъ дѣятелей. Въ составъ этой организаціи, первоначально образованной петроградскими представителями общественности, среди коихъ находились — Родзянко, С. И. Шидловскій, бар. Меллеръ-Закомельскій и другіе члены законодательныхъ палатъ — входили кромѣ того представители другихъ разнообразныхъ политическихъ теченій — вплоть до нѣкоторыхъ умѣренныхъ народныхъ социалистовъ, какъ, на примѣръ, Бѣлоруссовъ. Наканунѣ московскаго государственнаго Совѣщанія организація эта связалась съ ген. Корниловымъ, пригласила его на свое собраніе и встрѣтила горячими привѣтствіями. Въ дальнѣйшемъ это имѣло нѣкоторыя послѣдствія. Среди тѣхъ авантюристовъ, которые подбивали ген. Корнилова къ выступленію противъ Петрограда и къ возглавленію власти въ странѣ, нѣкоторые ссылались на названный Совѣтъ, будто-бы тоже обѣщавшій свою поддержку Корнилову. Однако, на дѣлѣ вопросъ этотъ названнымъ Совѣтомъ никогда не обсуждался, а поддержка его во всякомъ случаѣ никакого реального значенія имѣть не могла. Это была обыкновенная политическая говорильня, не имѣвшая никакихъ связей въ широкихъ слояхъ населенія, и за отсутствіемъ какихъ-либо средствъ, не только не проявлявшая, но не имѣвшая ни малѣйшей возможности проявить какую-либо реальную дѣятельность. Съ наступленіемъ большевицкой эры, когда немного осмотрѣлись въ новой обстановкѣ, совѣтъ общественныхъ дѣятелей возобновилъ свои собранія, столь же, разумѣется, бесплодныя, какъ и раньше. Убѣдившись, что организація эта, состоявшая къ тому времени преимущественно изъ Московскихъ второстепенныхъ дѣятелей, ни къ какимъ конкретнымъ результатамъ привести не можетъ, нѣкоторые изъ ея членовъ (Кривошеинъ, выбранный къ тому времени въ качествѣ предсѣдателя правленія товарищества Морозова и Ко., предсѣдателемъ какой-то крупной торгово-промышленной, чисто дѣловой организаціи, Струве, проф. Новгородцевъ и нѣкоторые другіе¹⁾ рѣшили образовать весьма ограниченную, по числу входящихъ въ нее лицъ, группу, поставившую себѣ съ мѣста цѣлью связаться съ военными кругами и при ихъ помощи создать силу, могущую свергнуть большевиковъ. Группа эта, вначалѣ именовавшаяся, по числу составлявшихъ ее лицъ, «девяткой» (по три члена отъ совѣта общественныхъ дѣятелей, отъ партіи к. д. и изъ торгово-промышленной среды), вскорѣ включила въ свою среду еще нѣсколькихъ лицъ со стороны и не столько наименовалась, сколько шла, подъ кличкой праваго центра. Предсѣдателемъ состоялъ проф. Новгородцевъ. Нѣкоторыми средствами группа обладала — ими снабжали торгово-промышленные круги. Приблизительно въ февралѣ 1918 г. удалось войти въ сношеніе съ нѣкоторыми конспиративными военными кругами, при чемъ связь съ ними была возложена на двухъ лицъ — прис. повѣр. Кистяковскаго и члена Гос. Думы В. А. Степанова. Оба они держали себя весьма конспиративно, однако точными свѣдѣніями о томъ, насколько тѣ военные круги, съ которыми они связались, многочисленны по своему составу и представляютъ организованную силу, они не обладали. Свѣдѣнія, которыя они давали правому центру, были во всякомъ случаѣ чрезчуръ оптимистичны и, какъ потомъ выяснилось, не соответствовали

¹⁾ Я переименовываю здѣсь только тѣхъ, входящихъ въ Московскія организаціи лицъ, о которыхъ мнѣ завѣдомо извѣстно, что они нынѣ не находятся въ предѣлахъ Совдеціи, либо открыто перешли къ большевикамъ.

дѣйствительности. Впрочемъ, Кистяковскій вскорѣ уѣхалъ въ Кіевъ и замѣненъ былъ мною, который и поддерживалъ эту связь сначала вмѣстѣ съ В. А. Степановымъ, а послѣ его отъѣзда весной на югъ, единолично. Проникнуть въ сущность военныхъ конспиративныхъ организацій мнѣ долго не удавалось. Свѣдѣнія, которыми они согласны были подѣлиться, были до крайности туманны и, въ общемъ, вся военная подпольная организація производила впечатлѣніе чего то не серьезнаго и, во всякомъ случаѣ, отнюдь не мощнаго.

Впослѣдствіи, приблизительно къ іюню мѣсяцу, Московская военная организація дѣйствительно разрослась, но къ этому времени появились другіе факторы, которые ее систематически ослабляли и даже разрушали.

Однако, главнымъ дефектомъ Московской конспиративной военной организаціи — было отсутствіе во главѣ ея какого-либо общепризнаваемаго, пользующагося неоспоримымъ авторитетомъ и обладающаго организаторскимъ талантомъ вождя. Возглавлявшій первоначально эту организацію, мало кому извѣстный ген. Довгиртъ былъ къ тому же настолько опасливъ, что повидимому заботился лишь о сокрытіи собственнаго существованія. Свидѣться съ нимъ для лицъ, наиболѣе близкихъ къ будто-бы возглавляемому имъ дѣлу, было сопряжено съ величайшими затрудненіями и удавалось лишь рѣдко. Впрочемъ, онъ вскорѣ счелъ за благо совершенно исчезнуть изъ Москвы, послѣ чего Московскіе военные круги разбились на отдѣльныя организаціи, члены которыхъ сплотились между собою по роду ихъ оружія, причемъ организаціи эти другъ съ другомъ органически не были даже связаны.

Наиболѣе энергичными организаторами офицерскихъ отрядовъ въ Москвѣ были два молодыхъ кавалерійскихъ офицера — ротмистръ Московскаго драгунскаго полка Золотаревъ и ротмистръ одного изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ Л. Судьба послѣдняго мнѣ точно неизвѣстна (онъ, повидимому, погибъ), что же касается Золотарева, то онъ былъ арестованъ большевиками и почти тотчасъ разстрѣлянъ, причемъ они очевидно не знали, что въ его рукахъ были многія нити подготавливаемаго дѣйствія — ибо въ противномъ случаѣ вѣроятно не такъ скоро бы съ нимъ расправились въ надеждѣ выпытать отъ него имена причастныхъ лицъ. Весьма дѣятельное участіе въ организаціи конспиративной военной силы въ пѣхотныхъ частяхъ принималъ молодой офицеръ военнаго времени приватъ-доцентъ К., человекъ исключительной смѣлости, энергіи и организаторскихъ способностей. Взоры офицерства были обращены къ жившему въ Москвѣ ген. Брусилову, который не отказывался вообще въ будущемъ возглавить военное движеніе, однако, личнаго участія въ организаціи его принимать не желалъ, ограничившись избраніемъ для себя въ будущемъ въ качествѣ начальника своего штаба ген. Дрейера, который и состоялъ въ нѣкоторыхъ сношеніяхъ съ тѣми офицерами, которые возглавляли отдѣльныя офицерскія организаціи. Однако, самъ генералъ Дрейеръ не только, никакимъ авторитетомъ среди офицеровъ не пользовался, но не пользовался даже ихъ довѣріемъ. Впослѣдствіи, недовѣріе это дошло до такой степени, что, когда начались аресты съ послѣдующими разстрѣлами наиболѣе дѣятельныхъ членовъ офицерскихъ организацій, среди офицерства упорно циркулировали слухи, что виновникомъ ихъ былъ самъ ген. Дрейеръ. Наиболѣе распространенная версія сводилась къ тому, что ген. Дрейеръ сообщилъ имена главныхъ организаторовъ нѣмцамъ, которые съ своей стороны сообщили ихъ большевикамъ. Однако, никакихъ реальныхъ данныхъ въ подтвержденіе этого обвиненія никто представить не могъ, свидѣтельствовали же эти слухи вѣрнѣе всего о нервности, которая уже охватила жителей Москвы.

Если лица, могущія возглавить военное pronunciamiento, либо вообще уклонялись отъ этого, либо придерживались чрезмѣрной конспираціи, то рядовое офицерство,

котораго въ Москвѣ къ веснѣ 1918 г. стеклось великое множество, отличалось необыкновенной болтливостью. О своемъ участіи въ «организаціяхъ» офицерство громко разговаривало на излюбленномъ ими для прогулокъ Пречистенскомъ бульварѣ, проявляя при этомъ невѣроятную довѣрчивость ко всякому лицу, носящему военный мундиръ (офицерство въ то время лишено было погонъ, но все же продолжало носить военную форму). Этимъ, конечно, воспользовалась Московская чека и подсылала къ юнымъ конспираторамъ своихъ агентовъ, переодѣтыхъ въ военную форму. Увы, были среди этихъ агентовъ и настоящіе офицеры. Среди многотысячнаго разношерстного офицерства не могло не быть и предателей.

Ген. Брусиловъ ставилъ условіемъ для возглавленія военного движенія наличность въ Москвѣ вполне сплоченнаго офицерскаго контингента не менѣе 6 тысячъ. «Дайте, сказалъ онъ мнѣ, шесть тысячъ штыковъ и я выступлю». Но до этого числа набрать офицерскій отрядъ въ Москвѣ, переполненной офицерами, какъ это ни странно, не удалось. Препятствовали этому многія причины, какъ то: недостаточность средствъ, отсутствіе, какъ я уже упомянулъ, внушающаго довѣріе офицерству боевого вождя и, наконецъ, едва ли не больше всего, то обстоятельство, что на ряду съ лицами, стремившимися образовать военную силу для сверженія большевицкой власти въ центрѣ, въ Москвѣ были другія лица, которыя наоборотъ стремились извлечь офицеровъ изъ Москвы, одни на Донъ — въ Добровольческую армію, другія на Уралъ, для образованія тамъ новаго восточнаго фронта. Припутались тутъ и пресловутыя «оріентаціи», одна на германцевъ, другая на державъ согласія. Дѣйствительно за Московскимъ офицерствомъ, искавшимъ и дѣла и необходимаго для существованія заработка, одновременно ухаживали и стремились заманить въ свои ряды три организаціи, олицетворявшія три основныя общественныя теченія. Наиболее дѣятельнымъ былъ несомнѣнно въ этомъ направленіи Савинковъ, образовавшій такъ называемый Союзъ освобожденія Россіи. Работая на средства Антанты, преимущественно Франціи, онъ по ея мысли, всемѣрно старался образовать новый анти-германскій фронтъ на Уралѣ, желая одновременно, уже по собственному почину, поднять мѣстныя возстанія въ различныхъ провинціальныхъ центрахъ, расположенныхъ къ востоку отъ Москвы. Въ томъ же направленіи извлечения офицеровъ изъ Москвы работали агенты добровольческой арміи, орудуя отчасти на средства тѣхъ же союзниковъ, отчасти на средства Московскихъ денежныхъ круговъ.

Несчастное офицерство, сразу лишившееся и положенія, и средствъ существованія, естественно искало выхода изъ создавшагося положенія и попадало при этомъ въ водоворотъ окружавшихъ его политическихъ теченій. Вотъ эта то вербовка на югъ въ добр-армію, а въ особенности на Уралъ и не давала возможности увеличить ту боевую силу, которая необходима была для сверженія большевиковъ въ самой Москвѣ — единственному по существу способу ихъ одолѣнія. Били по оконечностямъ, били при этомъ неудачно, и оставляли голову въ покоѣ, тогда какъ въ ней одной была реальная сила, она одна имѣла значеніе. Необходимо кромѣ того помнить, что въ ту пору силу лѣвыхъ политическихъ партій, въ особенности эсъ-эровъ, почти всѣ значительно преувеличивали и поэтому рядовое офицерство, не разбиравшееся ни въ политическихъ программахъ, ни въ сущности работы отдѣльныхъ партій, склонялось къ мысли, что дѣйствіе, возглавляемое лидерами лѣвыхъ, имѣетъ большіе шансы на успѣхъ. Имѣли, повидимому, значеніе и тѣ матеріальныя условія, которыя предлагались Савинковымъ. Московская офицерская группа получала опредѣленные ежемѣсячныя пособія за счетъ средствъ, отпускавшихся промышленными кругами. Сумма эта въ общемъ была довольно значительная, достигнувъ въ маѣ и іюнѣ по 800 тыс. рублей, но самый размѣръ пособія для каждаго отдѣльнаго лица

былъ не великъ, превышая лишь для отдѣльныхъ лицъ 250 рублей въ мѣсяцъ. Между тѣмъ цѣны на всѣ продукты непрерывно росли, и прожить на 250 рублей въ мѣсяцъ, при цѣнѣ пуда хлѣба въ 400 руб., въ Москвѣ не было возможности. Наоборотъ, Савинковъ, насколько намъ было извѣстно, ежемѣсячныхъ пособій не выдавалъ и вѣроятно ихъ даже не обѣщалъ, но зато одновременно, на расходы по переѣзду выдавалъ значительно большую сумму. Расчетъ былъ при этомъ простъ. Разъ выѣхавъ изъ Москвы на Уралъ, офицерство уже оказывалось всецѣло въ фактической власти тѣхъ, къ которымъ оно примкнуло, а посему, даже полное прекращеніе выдачи имъ содержанія уже не могло повлечь ихъ уходъ изъ рядовъ войскъ — уйти было некуда.

Однако, едва-ли не наибольшей вредъ окончательной организаціи Московской вооруженной анти-большевистской силы нанесла группа офицеровъ генеральнаго штаба, состоявшая въ тѣсной связи съ Савинковымъ и по его наущенію усердно вооружавшая офицерство противъ тѣсной связи съ правымъ центромъ, будто-бы всецѣло связавшимся съ нѣмцами. Вопросъ такъ называемыхъ ориентацій весьма сложный, но раньше чѣмъ его коснуться, не могу не сказать, что именно въ этотъ періодъ въ Москвѣ, въ средѣ офицеровъ генер. штаба, которымъ я пытался объяснить положеніе, занятое правымъ центромъ, я впервые вполнѣ постигъ ту фатальную роль, которую сыграли штабные офицеры въ развалѣ русской арміи и тѣмъ самымъ въ развалѣ государства.

Наша академія генеральнаго штаба, имѣвшая по существу задачей создать мозгъ русской арміи и заполонившая своими воспитанниками всѣ высшія командныя должности, фактически привела къ двумъ результатамъ. Съ одной стороны, она развила въ обучаемой ею средѣ разсудочность въ ущербъ волевымъ качествъ, съ другой — она породила въ ней духъ интриги и безпринципнаго карьеризма. Достаточно вспомнить, что декларация правъ солдата была единогласно одобрена штабными офицерами, а также, что тѣ же штабные офицеры первые перелицевались на революціонный ладъ до такой степени, что собраніе этихъ офицеровъ въ Петроградѣ, гдѣ участвовали верхи военнаго министерства, пришло къ заключенію, что имъ слѣдуетъ всѣмъ in сохроге записаться въ члены партіи социаль-революціонеровъ. Отъ рѣшенія этого отказались лишь послѣ того, какъ однимъ изъ собравшихся было резонно заявлено, что въ искренность такого массоваго перехода никто не повѣритъ, а потому выгоды имъ не доставитъ. Наконецъ, спрашивается, кто-же составляетъ ядро красной арміи, кто первый пошелъ на зовъ большевиковъ поступить къ нимъ на службу, какъ не тѣ же офицеры генеральнаго штаба. Что-же мудренаго, что тѣ же офицеры генеральнаго штаба всего охотнѣе отозвались на зовъ Савинкова, усматривая въ немъ представителя того политическаго теченія, которое въ то время въ глазахъ большинства имѣло наибольшіе шансы замѣнить у власти большевиковъ. Мотивъ для отхода отъ праваго центра однако выставлялся другой, а именно — та нѣмецкая ориентація, которой будто бы придерживался этотъ центръ. Дѣйствительно, политическихъ разногласій между правымъ центромъ и Савинковымъ въ то время не возникало. Разногласіе было тактическое. Правый центръ полагалъ, что большевиковъ можно свалить только разгромивъ ихъ въ Москвѣ, Савинковъ думалъ, что легче поднять возстаніе одновременно во многихъ мѣстныхъ центрахъ и уже оттуда подойти къ Москвѣ. Тщетно я объяснялъ, что у праваго центра нѣтъ иной ориентаціи кромѣ русской и что въ выборѣ между державами согласія и Германіей единственное начало, которымъ центръ этотъ руководствуется — это польза государственная. Приводилъ я и извѣстныя слова Пальмерстона, нѣкогда сказавшаго, что у Англіи нѣтъ постоянныхъ союзниковъ, а есть лишь постоянные интересы.

Чувства непріязни и даже вражды къ націи, съ которой вели ожесточенную войну въ теченіе трехъ слишкомъ лѣтъ, вполне понятны, но руководствоваться чувствами въ политикѣ нельзя. Точно также немыслимо говорить о какой то вѣрности союзникамъ, когда эти же самые союзники заявили готовность поддерживать у власти поработителей Россіи, лишь бы они согласились продолжать борьбу съ Германіей. Слѣдуетъ помнить, что согласно латинскому изреченію — *vetita privatim, publice jubentur* — запрещенное въ частныхъ отношеніяхъ въ отношеніяхъ общественныхъ обязательно. Когда вѣрность государства принятымъ имъ на себя обязательствамъ смертельно вредна интересамъ народа, соблюденіе этой вѣрности правителями является ни чѣмъ инымъ какъ предательствомъ по отношенію къ своему народу. Честь правителей зиждется не на соблюденіи принятыхъ ими международныхъ обязательствъ, а на всемѣрномъ охраненіи интересовъ своего народа. Иной образъ дѣйствій не только не разумный, но и преступный. Люди, взявшіе на себя бремя охраны интересовъ своего народа, не имѣютъ права руководствоваться иными соображеніями, кромѣ отвѣчающихъ этимъ интересамъ. Тутъ вопросамъ чести не мѣсто. На международномъ рынкѣ расцѣнивается не честь народовъ, а лишь степень ихъ мощи. Соблюдая во что бы то ни стало принятыя государствомъ обязательства, правители въ сущности ограждаютъ не честь народа, свойства котораго отъ этого не измѣнятся, а лишь собственную, личную честь, иначе говоря, дѣйствуютъ сами того, быть можетъ, не сознавая, въ высшей степени эгоистично.

Подобно тому какъ офицеры генеральнаго штаба въ Москвѣ склонялись на сторону организациі Савинкова подъ предлогомъ, что національный центръ придерживается германской оріентаціи, а въ сущности потому, что усматривали большія выгоды въ союзѣ съ Савинковымъ, нежели съ организаціями, состоявшими въ связи съ правымъ центромъ, такъ и образовавшійся въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1918 г. союзъ возрожденія Россіи порвалъ существовавшую у него дотолѣ связь съ правымъ центромъ, подъ разными несущественными предлогами, при чемъ думается мнѣ, что истинной причиной была боязнь, что въ случаѣ возстановленія русской государственности правыми кругами, вновь восторжествуетъ тотъ государственный строй, который былъ поверженъ еще февральской революціей.

Союзъ возрожденія состоялъ изъ отдѣльныхъ представителей партіи к. д., народныхъ социалистовъ и эсъ-эровъ, объединившихся однако лишь персонально. Изъ его состава два лица — Н. И. Астровъ и В. А. Степановъ входили одновременно и въ правый центръ, составляя, такимъ образомъ, живую связь между этими двумя группами. Нѣкоторыя шереховатости между Степановымъ, а въ особенности Астровымъ, и остальными членами праваго центра возникли весьма скоро. Обнаружилось это въ особенности, когда въ правомъ центрѣ возникъ вопросъ о включеніи въ его составъ нѣсколькихъ лицъ изъ состава крайней правой группы, гдѣ наиболѣе вліятельное положеніе занимали протоіерей Восторговъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ и А. Д. Самаринъ. Противъ такого включенія члены Союза возрожденія рѣшительно возражали; не сочувствовали этому впрочемъ и многіе члены самого праваго центра. Переговоры съ этой группой тѣмъ не менѣе были начаты, однако лишь послѣ выхода изъ состава праваго центра Астрова и Степанова. Переговоры эти ни къ чему не привели, да и самое объединеніе это не могло, съ точки зрѣнія праваго центра, имѣть какое-либо реальное значеніе. Крайне-правыя группы въ то время находились въ полной изолированности и никакими реальными орудіями борьбы не обладали.

Что же касается окончательнаго разрыва связи между правымъ центромъ и Союзомъ возрожденія, то произошелъ онъ на почвѣ той же оріентаціи, а именно на вопросѣ о привлеченіи японцевъ къ высадкѣ своихъ войскъ на Дальнемъ Востокѣ

и продвиженіи ихъ до Урала, съ цѣлью образованія тамъ новаго анти-германскаго фронта со включеніемъ въ его составъ какъ чехословацкихъ военноплѣнныхъ, преобразовавшихся, къ тому времени, въ вооруженные отряды, такъ и русскихъ добровольцевъ. Предположеніе это возникло въ Парижѣ и было протелеграфировано В. А. Маклаковымъ, черезъ посредство французскаго консула въ Москвѣ, Гренара, члену праваго центра, кн. Е. Н. Трубецкому. Идея эта была совершенно фантастичная и могла возникнуть лишь въ охваченныхъ страхомъ отъ крушенія русскаго восточнаго фронта французскихъ правительственныхъ кругахъ. Совершенно не осведомленный объ истинномъ положеніи дѣлъ въ Россіи, при которомъ ни о какомъ продолженіи нашей борьбы съ Германіей не могло быть и рѣчи, Маклаковъ горячо поддерживалъ эту мысль. Союзъ Возрожденія, видѣвший въ дальнѣйшей помощи державамъ согласія — вѣрнѣйшій способъ обезпеченія окончательнаго закрѣпленія тѣхъ демократическихъ лозунговъ, которые, съ такой стремительностью проводило свергнутое временное правительство кн. Львова, также присоединился къ этой несурасной, съ точки зрѣнія русскихъ національныхъ интересовъ, мысли. Принявшій участіе въ обсужденіи этого вопроса правымъ центромъ генераль Циховичъ сдѣлалъ точный расчетъ времени, потребнаго для сосредоточенія на Уралѣ сколько-нибудь крупной японской арміи. Оказалось, что это осуществимо лишь въ весьма продолжительный срокъ, если память мнѣ не измѣняетъ, 6—8 мѣсяцевъ. Смущало кромѣ того правый центръ и самое привлеченіе японцевъ къ участію въ международной войнѣ на русской территоріи. Было очевидно, что для нашихъ прекрасныхъ глазъ японцы никакой помощи намъ не окажутъ (предполагалось, что японскіе войска поведутъ не только борьбу противъ Германіи, но помогутъ и свергнуть большевицкую власть) и что единственнымъ реальнымъ результатомъ всего этого предпріятія будетъ захватъ японцами Владивостока и всего Уссурийскаго края. Полученныя черезъ того же Маклакова завѣренія японцевъ, гарантированныя державами согласія, что никакихъ территоріальныхъ захватовъ они за счетъ Россіи не произведутъ и по окончаніи войны тотчасъ отведутъ свои войска въ свои предѣлы, насъ мало успокаивало. Такимъ образомъ, самое образованіе новаго, анти-германскаго фронта въ предѣлахъ Россіи на Уралѣ, представлялось болѣе чѣмъ сомнительнымъ; но мало этого, если-бы оно дѣйствительно совершилось, то даже одно продвиженіе японцевъ черезъ Сибирь къ Уралу сопряжено было съ огромнѣйшей опасностью для ядра русскаго государства — его европейской части. Первымъ, неизбѣжнымъ его послѣдствіемъ явился бы тѣснѣйшій союзъ германцевъ съ большевицкой властью и всемѣрная ея поддержка. Между тѣмъ правый центръ вполне постигалъ, что главное зло для Россіи представляли именно большевики, до сверженія которыхъ установленіе въ странѣ какого-либо государственнаго порядка совершенно немыслимо. Между тѣмъ свергнуть большевиковъ возможно было если не при участіи Германіи, то по крайней мѣрѣ при условіи сохраненія ею нейтральнаго положенія по отношенію къ коммунистамъ.

Какъ бы то ни было переговоры съ французскими представителями велись въ теченіе нѣкотораго времени отдѣльными членами праваго центра. Велись они на квартирѣ кн. Е. Н. Трубецкого, а участвовали въ нихъ, кромѣ хозяина квартиры, А. В. Кривошеинъ, П. Б. Струве, авторъ этихъ строкъ и, однажды, Н. И. Астровъ. Припоминаю, что при этомъ мы старались доказать французамъ, что до сверженія большевицкой власти не можетъ быть никакой надежды на возобновленіе Россіей борьбы съ Германіей, что если союзники желаютъ этого достигнуть, то они должны прежде всего снабдить насъ тѣми денежными средствами, безъ которыхъ мы свалить большевиковъ не въ состояніи.

На самоувѣренныя и легкомысленныя убѣжденія французовъ, совершенно не разбиравшихся въ русскихъ дѣлахъ и переоцѣнивавшихъ силу и значеніе русскихъ социалистическихъ круговъ, объединиться всѣмъ русскимъ политическимъ партіямъ съ этой цѣлью воедино, нѣкоторые изъ насъ возражали, что это не только невозможно, но и безцѣльно. Соціалъ-демократы-меньшевики и эсъ-эры намъ столь же чужды и представляются намъ столь же вредоносными для русскаго государственнаго бытія, какъ и большевики. Союзъ Возрожденія и его представитель медоточивый Астровъ съ обычной ему «безпокойной ласковостью во взорѣ» держались иного мнѣнія. Ихъ военный специалистъ — ген. Болдыревъ — впоследствии вошедшій въ составъ Уфимской директоріи, настаивалъ на возможности созданія, при помощи японцевъ, грознаго анти-германскаго фронта на Уралѣ въ сравнительно короткій срокъ. Въ результатѣ Союзъ Возрожденія рѣшилъ обратиться съ просьбой къ Японіи объ оказаніи помощи своими войсками на русской территоріи. По той или по иной причинѣ, но японцы дѣйствительно высадили во Владивостокѣ довольно значительное количество войска и хотя, какъ извѣстно, и близко къ Уралу не подошли, но все же нанесли нашимъ стремленіямъ свергнуть большевиковъ въ Москвѣ роковой ударъ.

Дѣйствительно, какъ разъ въ то время, когда велись переговоры съ французами объ образованіи Уральскаго фронта, нѣкоторые представители германскаго правительства завязали сношенія съ группой политическихъ дѣятелей умѣренно-праваго направленія въ Петербургѣ. Со стороны этой группы наиболѣе дѣятельное участіе принимали В. Ѳ. Треповъ (впоследствии разстрѣлянный въ качествѣ одной изъ искупительныхъ жертвъ за убійство комиссара Урицкаго) и баронъ Б. Э. Нольде. Объ этихъ переговорахъ былъ освѣдомленъ Московскій правый центръ, и тутъ впервые возникъ вопросъ о возможности опереться на германцевъ въ дѣлѣ сверженія большевиковъ. Вопросъ этотъ вызвалъ весьма горячіе споры и довольно продолжительное время оставался открытымъ. За сговоръ съ нѣмцами весьма рѣшительно съ мѣста высказался А. В. Кривошеинъ. Признаюсь, я былъ противоположнаго мнѣнія и даже изложилъ его на письмѣ.

Исходя изъ того положенія, что интересы Германіи органически противоположны русскимъ интересамъ, что германскій *Drang nach Osten* не есть результатъ политики какихъ либо отдѣльныхъ германскихъ государственныхъ дѣятелей, а органическое стремленіе германской, черезчуръ по размѣрамъ ея территоріи расплодившейся, націи на просторъ рѣдко населеннаго востока, а посему никакихъ иныхъ чувствъ, кромѣ завоевательныхъ, Германія питать къ намъ не можетъ, я утверждалъ, что и мы съ своей стороны, чтобы отстоять свои національные интересы должны воспитать въ себѣ не чувства дружбы къ Германіи, а священную месть за причиненное намъ зло, за условія Брестъ-Литовскаго договора.

Положенія эти, сами по себѣ безспорныя, не отвѣчали однако условіямъ и требованіямъ момента. Если на длительномъ историческомъ протяженіи Германія можетъ стремиться лишь къ расширенію своихъ владѣній за счетъ Россіи, то это еще не обозначаетъ, что въ какіе либо отдѣльные моменты ея бытія, ей не было выгодно заручиться содѣйствіемъ, или хотя бы нейтралитетомъ Россіи путемъ временнаго отказа отъ осуществленія своихъ постоянныхъ вождедѣній. Именно такимъ моментомъ была середина 1918 г., когда Германія убѣдилась, что, не опираясь на естественныя богатства Россіи, она не въ состояніи продолжать своей борьбы съ державами согласія. Это въ особенности ясно сознавали германскіе военные круги и посему именно въ ихъ средѣ господствовала мысль о восстановленіи Россіи и о сверженіи большевиковъ, дабы такимъ путемъ создать въ Россіи власть,

ей дружественную. Иначе смотрѣло на этотъ вопросъ германское правительство, еще не утратившее надежды выйти побѣдителемъ изъ міровой борьбы и потому строившее планы о перекройкѣ карты Европы, согласно длительнымъ германскимъ интересамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Германія, хотя и вступила въ переговоры съ русскими общественными кругами, но одновременно, тѣмъ не менѣе, поддерживала тѣсную связь съ большевиками. Политика ея была двойственная. Но эта политика не была основана на коварствѣ, а являлась лишь результатомъ тѣхъ внутреннихъ трений, того разномыслія, которое происходило въ ея собственной средѣ. Порукой этого является, между прочимъ и то, что германскіе агенты, которые вели переговоры съ русскими общественными кругами, твердо вѣрили, что именно они проводятъ политику, отвѣчающую истиннымъ намѣреніямъ германскаго правительства. Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что если бы въ моментъ этихъ переговоровъ русская общественность не раскололась по вопросу объ «оріентаціи», если бы она пошла навстрѣчу нѣмецкимъ предложеніямъ, если бы добровольческая армія не задрапировалась въ тогу скудоумнаго Ламанческаго рыцаря — Донъ-Кихота, а послѣдовала бы мудрой государственной политикѣ Донскаго атамана Краснова, то Германія исполнила бы свои обѣщанія, а именно пересмотрѣла бы Брестъ-Литовскій договоръ, вернула бы намъ наши владѣнія, за исключеніемъ губерній Царства Польскаго, отъ которыхъ мы уже сами, въ бытность временнаго правительства, отказались, и возстановила бы въ Россіи русскую государственную власть. О большевикахъ давно бы не было и помину. Конечно, сдѣлала бы она это не даромъ, а въ обмѣнъ потребовала бы отъ насъ прекращенія военныхъ сношеній съ Антантой, опредѣленнаго заявленія, что мы отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ міровой войнѣ отказываемся и что одновременно мы предоставляемъ Германіи возможность черпать изъ нашихъ предѣловъ продовольственные продукты и необходимое для ихъ военной промышленности сырье.

Но когда Германія убѣдилась, что она можетъ имѣть дѣло только съ правыми русскими общественными кругами, что вся, такъ называемая, передовая общественность не желаетъ имѣть съ ней дѣла, она естественно отказалась отъ мысли строить свои планы на воссозданіи порядка въ Россіи и это тѣмъ болѣе, что она переоцѣнивала значеніе русскихъ лѣвыхъ социалистическихъ теченій, да и не могла не переоцѣнивать, когда видѣла, что подъ влияніемъ той же переоцѣнки, какъ добровольческая армія, такъ и вообще офицерская среда шла на соглашеніе съ этими лѣвыми теченіями.

Были двѣ основныя причины, положившія окончательный конецъ переговорамъ съ нѣмцами. Первой изъ нихъ была мысль объ образованіи новаго русско-японскаго фронта на Уралѣ и состоявшаяся вслѣдъ за этимъ высадка японскихъ войскъ въ Владивостокѣ. То и другое стало конечно тотчасъ извѣстно германцамъ, причемъ какъ разъ въ тотъ моментъ (іюнь мѣсяцъ 1918 г.), когда германское правительство перешло на точку зрѣнія германскихъ военныхъ круговъ о необходимости въ германскихъ интересахъ воссоздать порядокъ въ Россіи и покончить съ большевиками. Но тутъ произошло перемѣщеніе ролей, тутъ уже германское верховное командованіе, наткнувшееся на крайнюю неприязнь добровольческой арміи и освѣдомленное объ усиленной тягѣ русскаго офицерства въ Сибирь, на Уралъ, для образованія тамъ новаго, враждебнаго ему фронта, рѣшительно заявило, что ни о какомъ восстановленіи Россіи не можетъ быть и рѣчи, что наоборотъ необходимо разваливать Россію и въ этихъ видахъ поддерживать большевицкую власть.

Не могу здѣсь не отмѣтить, что ни лѣвыя общественныя теченія, ни добровольческая армія не сумѣли даже использовать передъ Антантой своего отказа отъ всякаго соглашенія съ Германіей, не сумѣли поставить условіемъ соблюденія донъ-Кихотской вѣрности союзникамъ полученіе отъ нихъ крупныхъ денежныхъ средствъ для борьбы съ явно находившимися въ зависимости отъ Германіи большевиками.

Какъ и подобаетъ Ламанческимъ рыцарямъ, они мечтали покорить своихъ враговъ безъ необходимыхъ средствъ, безъ надлежащаго вооруженія, основываясь исключительно на правотѣ того дѣла, которое защищали.

Какъ бы то ни было, но Московскій правый центръ довольно продолжительное время вѣрилъ въ возможность сговориться съ нѣмцами и при ихъ помощи свергнуть большевиковъ. Велись по этому поводу двумя, командированными съ этой цѣлью, членами центра переговоры съ совѣтникомъ германскаго посольства Ритцлеромъ. Были, впрочемъ, и другіе посредники между представителями Германіи и русскими общественными дѣятелями. Живое участіе принималъ въ этомъ дѣлѣ, между прочимъ, и бывший оберъ-прокуроръ Св. Синода въ кабинетѣ Витте, кн. Алексѣй Д. Оболенскій, высказывавшій даже во время войны германофильскія чувства. На частномъ совѣщаніи по этому вопросу въ квартирѣ Оболенскаго принималъ между прочимъ участіе специально пріѣхавшій съ этой цѣлью изъ Петрограда бар. Б. Э. Нольде.

Была и вторая причина, которая склоняла нѣкоторыхъ членовъ праваго центра къ соглашенію съ Германіей и ея правительствомъ — надежда такимъ образомъ спасти жизнь Государя и его семьи. Опасность, которой подвергалась Царская семья, была для всѣхъ очевидна и отворотить ее возможно было только мощной иностранной интервенціей. Страны согласія, даже если бы они къ этому стремились, защитить Государя лишены были возможности. Наоборотъ Германія, зависимость отъ которой совѣтской власти была очевидна, думалось, въ состояніи была оказать эту защиту. Въ этихъ видахъ нѣкоторые члены праваго центра во главѣ съ Кривошеинымъ вели переговоры съ германскимъ представителемъ въ Москвѣ. Въ переговорахъ этихъ я не участвовалъ и въ подробности ихъ не былъ посвященъ, однако отчетливо помню, что хотя нѣмцы и говорили, какъ это упомянуто въ показаніи Кривошеина, приведенномъ въ книгѣ Соколова, излагающей произведенное имъ слѣдствіе о гибели Царской семьи, что ихъ интересуетъ лишь судьба великихъ княгинь нѣмецкаго происхожденія, однако одновременно они утверждали, что Царь находится въ безопасности и что они имѣютъ при немъ своихъ людей, которые его охраняютъ. По цѣлому ряду мелкихъ подробностей, которыя теперь ни возсоздать, ни припомнить я не въ состояніи, у меня тогда создалось опредѣленное убѣжденіе, что нѣмцы были весьма заинтересованы охраненіемъ жизни тѣхъ членовъ Царской семьи, которые могли занять русскій престолъ. Всѣ опубликованныя съ тѣхъ поръ данныя лишь укрѣпили меня въ этомъ убѣжденіи. Для меня совершенно ясно, что вывозъ Царской семьи изъ Тобольска произошелъ по германской инициативѣ и что ѣздившій въ Тобольскъ за Государемъ Яковлевъ былъ въ связи съ германцами. Не оцѣнили лишь нѣмцы той опасности, которой подвергался Государь при проѣздѣ черезъ захваченные большевиками края.

Мнѣ сдается, что дѣло происходило такъ. Германцы неоднократно требовали отъ Московской центральной власти доставленія къ нимъ Государя. Въ послѣдній разъ произошло это какъ разъ послѣ убійства ихъ посла Мирбаха, когда они заявили намѣреніе ввести въ Москву часть своихъ войскъ. Большевики этому самымъ рѣшительнымъ образомъ воспротивились. Тогда нѣмцы отказались отъ этого намѣренія, подъ условіемъ передачи имъ русскаго Императора. Большевики на это согла-

сились, одновременно тогда же рѣшивъ, что уничтожатъ всю Царскую семью, сваливши отвѣтственность на какія-нибудь мѣстныя учрежденія. Такъ они и сдѣлали, своевременно увѣдомивъ Екатеринбургскій большевицкій комитетъ о предстоящемъ отъѣздѣ Царя. Дѣйствительно, если бы Яковлевъ, везшій Государя, былъ только агентомъ большевиковъ и дѣйствовалъ на основаніи ихъ искреннихъ намѣреній, то ему не было никакой надобности утверждать, что везетъ Государя въ Москву, и затѣмъ усиленно стараться это исполнить. Онъ бы прямо сказалъ, что везетъ его въ Екатеринбургъ. Московская большевицкая власть съ другой стороны никогда не могла сама возымѣть мысль о переводѣ Государя въ Москву — слишкомъ это было рискованный для нихъ шагъ. Пошли на это, да и то лишь на словахъ, только по настоянію германцевъ.

Во всякомъ случаѣ, я утверждаю, что убійство Государя было для германцевъ не только совершенно неожиданнымъ, но и весьма нежелательнымъ событіемъ. Именно гибель Царя измѣнила ихъ отношеніе къ вопросу о сверженіи большевиковъ. Нѣмцы тогда еще вполне понимали то, чего вожди бѣлаго движенія понять не сумѣли, а именно: что всякое антибольшевицкое движеніе, не возглавляемое перерекаемымъ, въ представленіи народныхъ массъ да и не ихъ однихъ, авторитетомъ, не сулитъ успѣха. Ихъ отношеніе къ группѣ, ведшей съ ними переговоры объ оказаніи помощи въ дѣлѣ сверженія большевиковъ, рѣзко измѣнилось именно со времени полученія извѣстія о гибели Государя. До этого момента они говорили о возможности прибытія въ Москву изъ Смоленска, гдѣ они находились, нѣкоторыхъ нѣмецкихъ воинскихъ частей, для непосредственнаго участія въ переворотѣ; послѣ этого они опредѣленно заявили, что непосредственнаго участія въ переворотѣ принять они не могутъ, и лишь усиленно убѣждали представителей праваго центра произвести его собственными силами, говоря, что они съ своей стороны лишь помогутъ косвенно, давъ возможность русскимъ контръ-революціоннымъ силамъ проникнуть въ склады оружія, а также заставивъ къ нимъ примкнуть, будто-бы всецѣло отъ нихъ зависящій, одинъ изъ латышскихъ батальоновъ.

Что же касается убійства Государя, то германцы не скрывали своего крайняго смущенія по этому поводу и даже огорченія.

Повторяю, таковы были намѣренія лишь одной части германскихъ правящихъ круговъ, намѣренія, основанныя именно на убѣжденіи, что при наличности въ ихъ власти русскаго Императора они могутъ обезпечить прочное возстановленіе порядка въ Россіи безъ опасенія, что въ такомъ случаѣ страна эта въ той или иной мѣрѣ вновь станетъ въ ряды противниковъ Германіи.

Коль скоро непререкаемаго представителя царской власти въ Россіи не стало, и эта часть германскихъ правителей отступилась отъ мысли смѣнить въ Россіи большевицкую власть какой-либо иной.

Между тѣмъ, правый центръ въ связи съ надеждой на германскую помощь вновь принялся за поиски такого лица изъ русскихъ военныхъ, который могъ бы возглавить предполагаемое движеніе. Пытались съ этой цѣлью связаться съ ген. Лукомскимъ, находившимся въ ту пору въ Харьковѣ. Поддерживали одновременно сношенія съ Кіевскою организаціей, носившей названіе Азбуки, гдѣ наиболѣе видными членами были Шульгинъ и ген. А. М. Драгомировъ, однако сочувствія своимъ германскимъ планамъ и здѣсь не встрѣтили. Наконецъ, рѣшили обратиться либо къ Рузскому, либо къ Юденичу, находившимся по слухамъ въ Петроградѣ. Съ этой цѣлью отправился я и еще одинъ изъ членовъ праваго центра въ самыхъ первыхъ числахъ іюля въ Петроградъ. Поѣздка эта совпала съ выступленіемъ, почти одновременно въ обѣихъ столицахъ, соц.-революціонеровъ и послѣдовавшими, вслѣдъ за

этимъ, первыми проявленіями террора. Вхатъ въ Петербургъ можно было лишь по предъявленіи своихъ докумен овъ, и мнѣ достали билетъ и командировку на имя товарища Гайкина. По этому поводу произошелъ довольно нелѣпый случай. Мы уговорились съ моимъ компаньономъ по путешествію, что встрѣтимся при отъѣздѣ на Николаевскомъ вокзалѣ, но здѣсь оказалась такая толпа, что найти другъ друга не было никакой возможности. Мой компаньонъ, желая тѣмъ не менѣе меня разыскать принялся кричать во все горло: «товарищъ Гайкинъ», вмѣстѣ съ другими слышалъ, разумѣется, эти вопли и я, но, не представляя себѣ, что они относятся ко мнѣ, даже подумавъ — «эка дался ему этотъ Гайкинъ, къ тому же очевидно глухой». Такъ мы въ Москвѣ другъ съ другомъ и не встрѣтились. Путешествіе было еще довольно сносное; шли вагоны перваго класса, даже спальныя, но сидячаго мѣста найти однако не удалось, пришлось пробыть всю дорогу въ коридорѣ, примостившись на ребрѣ чемодана. Было однако и болѣе непріятное обстоятельство: въ вагонѣ оказались лица не столько знакомыя, сколько знающія меня въ лицо. Пришлось ихъ всячески сторониться — не равно пройдетъ контроль, потребуетъ документы, что фактически и случилось, и придется предъявлять документъ на имя товарища Гайкина, причемъ тутъ только я сообразилъ, что выкликали на вокзалѣ именно меня.

Поѣздка наша оказалась безплодной; ни Рузскаго, ни Юденича увидѣть не удалось, да ихъ повидимому и не было въ городѣ. Видѣлъ я зато лицо, называвшее себя главой петроградской конспиративной военной организаціи полковника Ш., и пришелъ въ ужасъ. Это была смѣсь необузданной хлестаковщины съ примитивными политическими представленіями и взглядами. Его послушать — во всѣхъ совѣтскихъ учрежденіяхъ имѣются свои вѣрные люди и, слѣдовательно, все въ нихъ происходящее вполне военной организаціи извѣстно; черезъ этихъ людей они могутъ сдѣлать все, что имъ угодно, и вообще свергнуть большевикоръ рѣшительно ничего не стоитъ. Кончился его разговоръ обычнымъ заявленіемъ — «нужны деньги».

Для меня стало ясно, что если московская военная организація страдаетъ отъ отсутствія обще-признаннаго авторитетнаго военнаго вождя, то петербургская просто не существуетъ; имѣется лишь небольшой кружокъ лицъ, усердно втирающихъ очки, что они будто-бы что то представляютъ, и на этой почвѣ извлекающихъ нѣкоторыя личныя матеріальныя выгоды.

Вернувшись въ Москву, я сразу замѣтилъ ту рѣзкую перемену, которая тамъ произошла за короткій срокъ моего отсутствія. Воздухъ былъ насыщенъ надвигавшимся и уже кое-гдѣ проявившимся терроромъ, толчокъ коему былъ данъ неудачнымъ выступленіемъ эсъ-эровъ. Произведенная, вслѣдъ за этимъ обязательная регистрація офицеровъ, выразилась прежде всего въ томъ, что всѣхъ явившихся задержали, причемъ тутъ же слѣдомъ начались массовыя разстрѣлы.

Вообще іюль 1918 г. ознаменовался переменной большевицкаго способа управленія. Приступивъ, почти тотчасъ послѣ захвата власти къ осуществленію своей программы (впрочемъ, уже отчасти осуществленной временнымъ правительствомъ, усердно расчищавшимъ путь коммунистамъ), большевики дѣйствовали, однако, до лѣта 1918 года съ нѣкоторой постепенностью и нарочитой осторожностью.

Держась у власти въ этотъ періодъ преимущественно на разжиганіи низменныхъ инстинктовъ невѣжественныхъ народныхъ массъ и на всяческихъ поблажкахъ разыгравшимся аппетитамъ толпы и посему не только дозволяя, но даже поощряя всякую распущенность и беззаконіе, они тѣмъ временемъ направляли всѣ свои усилія къ созданію, для своего владычества, твердой механической опоры, въ видѣ вооруженной опричнины, подчиненной желѣзной дисциплинѣ и крѣпко съ ними

спаянной общностью интересовъ и страхомъ отвѣтственности за сообѣда содѣянные преступленія.

Созидалась эта опричнина подъ именемъ чрезвычайной слѣдственной комиссіи, съ одной стороны, и красной гвардіи, съ другой, хотя послѣднюю всемѣрно старались изобразить какъ силу, создаваемую взаимѣнъ императорской арміи, для отпора внѣшнимъ врагамъ государства, что было необходимо для привлеченія въ ея среду офицерства.

Къ лѣту 1918 г. обѣ эти силы получили достаточное развитіе и организованность, почему и появилась возможность почти не считаться съ настроеніемъ неорганизованной и невооруженной народной массы и проводить свою программу во всей полнотѣ, независимо отъ степени сочувствія этихъ массъ къ отдѣльнымъ предпринимаемымъ на ея основаніи мѣропріятіямъ.

Вообразившая, что она получила безграничную свободу, толпа не успѣла оглянуться, какъ оказалась въ рабскихъ, ею самою выкованныхъ цѣпяхъ. Однако, сразу съ этимъ помириться не могли ни отдѣльныя единицы, постигшія, наконецъ, въ какую бездну влекутъ страну социаль-демократы большевицкаго толка, ни наиболѣе имущественно обезпеченная часть народной толпы.

Послѣдовалъ, какъ я упомянулъ, рядъ возстаній въ различныхъ провинціальныхъ центрахъ; были попытки свергнуть власть и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, попытки, задуманныя и проведенныя подъ флагомъ социалистовъ революціонеровъ, но осуществленныя консервативными элементами — преимущественно офицерскимъ составомъ и вовсе не ради предоставленія власти этой политической группѣ, а лишь для сверженія большевиковъ.

Попытки эти, какъ извѣстно, не удались, и на смѣну имъ, уже въ августѣ, послѣдовали покушенія на жизнь нѣкоторыхъ большевицкихъ вожаковъ. Въ Петербургѣ были убиты комиссары — Володарскій и Урицкій, въ Москвѣ былъ раненъ Ленинъ.

Большевики, декретомъ отъ 23-го августа ст. ст. отвѣтили провозглашеніемъ террора, приступивъ, однако, къ его широкому примѣненію еще до изданія этого декрета и установивъ одновременно институтъ заложничества. Созданная къ этому времени опричнина, набранная преимущественно изъ инородцевъ — латышей, эстонцевъ и китайцевъ — оказалась при такомъ способѣ дѣйствій, невзирая на ея сравнительную малочисленность, вполне достаточной. Приступили къ массовымъ арестамъ и массовымъ разстрѣламъ. Кровь потекла ручьями.

Жизнь въ Москвѣ, для принадлежащихъ къ прежнимъ зажиточнымъ слоямъ населенія, а тѣмъ болѣе, для причастныхъ къ прежней государственной или общественной дѣятельности стала совершенно невозможной. О какой либо политической работѣ съ малѣйшей надеждой на усѣхъ, не могло быть и рѣчи. Унести ноги отъ непосредственной близости къ большевицкому застѣнку — вотъ на чемъ приходилось сосредоточивать свои усилія. Сопряжено это было съ всевозможными затрудненіями. Большевицкая Россія была окружена кольцомъ чекистскихъ отрядовъ и благополучно пробраться мимо нихъ удавалось далеко не всѣмъ. Выѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ возможенъ былъ только для лицъ, снабженныхъ особыми разрѣшеніями. Тѣмъ не менѣе, начался массовый исходъ всего, что не могло примириться съ большевицкимъ строемъ и находило въ себѣ достаточно рѣшимости для оставленія насиженныхъ мѣстъ, всего сохранившагося еще у нихъ имущества и даже денежныхъ средствъ засеквестрованныхъ большевиками въ банкахъ и сейфахъ, а также достаточно мужества какъ для преодоленія опасностей, сопряженныхъ съ переѣздомъ границы Совдепіи, такъ и для исканія убѣжища и заработка въ другихъ, для многихъ совершенно невѣдомыхъ, краяхъ.

Надо было прежде всего рѣшить, куда ѣхать и какими путями. Вопросъ сводился собственно къ тому, перебраться ли въ Малороссію, внезапно превратившуюся, по нѣмецкому велѣнію, по Скоропадскаго тщеславію, въ Украину, или на югъ къ Ростову. Но къ добровольцамъ имѣло смыслъ ѣхать военнымъ или вообще способнымъ по возрасту владѣть оружіемъ: Людямъ пожилымъ — тамъ дѣлать было нечего. Оставалась Украина. Какъ туда ѣхать? Послѣ недолгихъ размышленій, мой покойный другъ баронъ В. В. Меллеръ-Закомельскій (б. предсѣдатель центра Государственнаго Совѣта) и я рѣшили попытаться пробраться черезъ Смоленскъ и Оршу въ Кіевъ. Особымъ фаворомъ пользовались въ то время, такъ называемые украинскіе поѣзда, вывозившіе изъ Москвы украинскихъ гражданъ.

Въ Москвѣ было учреждено особое украинское консульство, причемъ во главѣ его оказался мелкій служащій общеземскаго союза, Кривскій. Выборъ очевидно случайный, но удачный. Кривскій отличался отмѣнной любезностью и готовностью помочь всѣмъ и каждому. Регистрація принадлежности къ уроженцамъ Украины была самая фантастическая, но, увы, гарантій противъ большевицкаго произвола она не давала никакихъ, до такой степени, что даже служба въ самомъ консульствѣ не обезпечивала отъ ареста и разстрѣла. Такъ, служившій въ консульствѣ, украинецъ по паспорту, офицеръ л. гв. Гродненскаго гусарскаго полка Раупахъ былъ схваченъ и безъ всякаго суда и слѣдствія разстрѣлянъ, невзирая на всѣ протесты консула, подкрѣпленные мотивами, въ изложеніи которыхъ принимало участіе нѣсколько выдающихся московскихъ юристовъ.

Извѣстіе объ этомъ убійствѣ было получено въ консульствѣ вечеромъ, какъ разъ въ то время, когда я тамъ случайно находился, и сталъ свидѣтелемъ чрезвычайно тяжелой сцены. Въ консульство пришелъ узнать о судьбѣ сына отецъ Раупаха. Старикъ, отставной военный съ дрожью въ голосѣ передавалъ, что утромъ этого дня его жена ходила въ тюрьму, гдѣ заключенъ ихъ сынъ, для передачи ему посылки съ провизіей, но посылки этой отъ нея не приняли, говоря, что въ пей ей сынъ болѣе не нуждается. Въ то время въ Москвѣ еще не знали, что это былъ способъ, принятый большевиками для освѣдомленія родственниковъ и близкихъ, что тотъ, которымъ они интересуются, по ихъ циничному выраженію «выведенъ въ расходъ». Только здѣсь въ консульствѣ несчастный старикъ узналъ горькую правду.

Мы предпочли при такихъ условіяхъ остаться русскими гражданами. Раздобыли послѣ немалыхъ мытарствъ подборъ документовъ, какъ то пропуска, командировки и иныя удостовѣренія на имена Мищенко и Грищенко, въ томъ числѣ разрѣшеніе германскихъ властей на въѣздъ въ оккупированную ими территорію. Недоставало только разрѣшенія покинуть предѣлы Совдепіи: его получить не удалось. Раздумывать было некогда: въ Москвѣ почва горѣла у насъ подъ ногами, а по сему 30 августа ст. ст. (1918 г.) съ тяжелымъ сердцемъ, но за то съ весьма легкимъ багажомъ, запрятавъ, какъ умѣли, захваченныя нами деньги, поплелись мы на Ванькѣ по разваливавшейся Московской булыжной мостовой на Брестскій вокзалъ.

II.

Отъѣздъ изъ Москвы. Приѣздъ въ Оршу. Германскія войска въ Оршѣ. Дорога до Гомеля. По Днѣпру отъ Гомеля до Кіева. Нѣмцы въ Кіевѣ. Гетманъ и его правительство. Кіевскія мѣстныя общественныя организаціи. Офицерство въ Кіевѣ. Организаціи, созданныя въ Кіевѣ петроградскими общественными дѣятелями.

Огромныя помѣщенія московскаго вокзала Александровской дороги, загрязненныя, заплеванныя и засыпанныя скорлупой подсолнечныхъ сѣмечекъ кишѣли наро-

домъ. Взятничество уже господствовало во всю въ большевицкихъ учрежденіяхъ, а по сему запрещеніе выѣзда изъ столицы фактически сводилось къ уплатѣ нѣкоторой дани большимъ и малымъ совѣтскимъ вершителямъ. Мзду эту платилъ всякій, кто только могъ, и если было множество взяточниковъ, то еще гораздо большее множество желавшихъ дать взятку, только бы выбраться изъ московскаго пекла. Не мудрено, что выѣздъ изъ Москвы, невзирая на запретъ, шелъ массовый.

Надо ли описывать путешествіе при такихъ условіяхъ? Увы, картина слишкомъ знакомая всѣмъ, жившимъ въ то время въ Совдепіи. Набитыя до потолка вагоны, постоянная провѣрка документовъ и осмотръ багажа, изъ котораго осматриватели безцеремонно извлекали всѣ цѣнности, то куда то ихъ передавая, то просто присваивая себѣ. Дикіе возгласы при видѣ образовъ въ серебряныхъ окладахъ, которые немедленно срывались при возгласахъ: «Боговъ раздѣвать»; нескончаемыя остановки въ пути по неизвѣстнымъ причинамъ, и сверхъ всего этого отвратительное всеподавляющее чувство незащитности отъ обнаглѣвшихъ хамовъ, достойныхъ не столько висѣлицы, сколько нагайки, — вотъ, что представляло всякое передвиженіе въ предѣлахъ хозяйничанья большевиковъ.

Къ вечеру другого дня дотащились мы, усталые и разбитые, до Смоленска. Здѣсь пасъ встрѣтилъ посланный барономъ Меллеромъ впередъ юркій еврейчикъ. Необходимо было это, такъ какъ въ Москвѣ выдавали билеты только до Смоленска. Со свойственной его племени ловкостью раздобылъ намъ нашъ посланецъ билеты для дальнѣйшаго слѣдованія, и мы въ его сопровожденіи двинулись въ Оршу, куда онъ тоже успѣлъ уже съѣздить и обезпечить намъ тамъ ночное убѣжище, а равно удостовѣриться, что при помощи денегъ оттуда можно перебраться на территорію, занятую германцами.

Въ Оршу мы прибыли лишь поздно ночью. Въ темнотѣ по грязи, волоча наше несложное имущество, пошли мы подъ водительство нашего чичероне по невѣдомымъ намъ улочкамъ и закоулкамъ грязнаго захудалаго городишки, вошли въ какой то дворъ и по скрипучимъ ступенькамъ шатающагося крылечка добрали до запертой входной двери. Дворъ былъ абсолютно темный. Изъ дома, который, повидимому, былъ нашимъ ближайшимъ этапомъ, не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта. На осторожный, негромкій стукъ нашего проводника, показавшійся мнѣ по размѣренности ударовъ условленнымъ, дверь отворилась въ столь же, если не большую темноту, что господствовала во дворѣ. Ощупью влѣзли мы въ эту темноту, насыщенную какимъ то весьма сложнымъ по происхожденію запахомъ, дверь за нами затворили и лишь послѣ этого отворили дверь въ сосѣднюю комнату, гдѣ тускло свѣтила всякая керосиновая лампа, слабо освѣщая стоящій по срединѣ комнаты столъ съ кипящимъ на немъ самоваромъ и нѣсколько сидящихъ за нимъ грузныхъ фигуръ. Края комнаты скрывались въ тѣни и чуть виднѣлись очертанія объемистыхъ ящиковъ, бауловъ и разнообразныхъ тюковъ. Воздухъ былъ нестерпимо душный; наполнявшій комнату табачный дымъ тщетно старался перебить природный запахъ помѣщенія.

Приглядѣвшись, мы скоро поняли, что находимся въ вертепѣ контрабандистовъ, гдѣ готовится переправа, по условіямъ времени, помимо мертваго еще и живого груза, въ видѣ бѣгущихъ изъ совѣтской Россіи буржуевъ. Воскресли въ памяти литературныя описанія контрабандистовъ и ихъ промысла и намъ стало одновременно и жутко, и смѣшно.

Избѣгая лишнихъ разговоровъ съ хозяйкой помѣщенія, пожилой еврейкой, какъ полагается, въ рыжемъ парикѣ, объяснившей намъ, что время опасное, что именно въ эти часы, случается, обходятъ дома мѣстные чекисты, мы, поужинавъ остатка-

ми захваченной изъ Москвы провизіи, поспѣшили удалиться въ отведенную намъ комнату. Не раздѣваясь, улеглись мы втроемъ на двухъ составленныхъ узкихъ кроватяхъ, причемъ особенно плохо было барону Меллеру, расположившемуся между мною и своимъ сыномъ, надъ самой щелью отдѣлявшей предоставленныя намъ лѹжа. Невзирая на всю непривлекательность обстановки и на многочисленныя неудобства, изъ коихъ не меньшей была неизвѣстность ближайшаго будущаго, усталость взяла свое, и я скоро крѣпко заснулъ.

Проснулся я утромъ отъ какихъ то размѣренныхъ не то причитаній, не то завываній, издаваемыхъ цѣлымъ хоромъ голосовъ. Что за бѣсъ? Спросить однако некого. Мои спутники уже встали, и въ комнатѣ я одинъ. Недоразумѣніе продолжалось недолго. Оказалось, что въ сосѣднемъ, расположенномъ на томъ же дворѣ, домишкѣ, окна котораго находились на какую нибудь сажень отъ оконъ отведенной намъ комнаты, помѣщалась еврейская школа, гдѣ, очевидно, подъ руководствомъ меламеда происходило совмѣстное заучиваніе вслухъ талмуда толпой еврейской дѣтвѹры. Мнѣ, совершенно выбитому изъ обычной жизненной колеи, показалось въ высшей степени несообразнымъ, что въ то время, какъ въ моемъ представленіи рушился цѣлый міръ, разваливалось великое государство и происходила какая то всеобщая бѣсовская свистопляска, одновременно продолжается жизнь во всѣхъ ея обыденныхъ проявленіяхъ, существуютъ школы и въ нихъ производится обученіе, да еще такое, на мой взглядъ, нелѣпое.

Задумываться, однако, не приходилось. Еврейчикъ барона Меллера, успѣвшій съ утра сбѣгать на пропускной въ оккупационную зону пунктъ, сообщилъ намъ, что все налажено: за три тысячи рублей (деньги въ то время еще не малыя) пограничная большевицкая стража соглашается насъ безпрепятственно выпустить изъ предѣловъ Совдепіи, не освѣдомляясь вовсе о томъ, кто мы такіе, и не спрашивая никакихъ документовъ.

Не стану, разумѣется, описывать наше путешествіе по грязному мѣстечку, довольно непріятную встрѣчу съ какимъ то неузнаннымъ мною лицомъ, окликнувшимъ меня, къ крайнему моему и моихъ спутниковъ неудовольствію, по имени и отчеству, пропускъ черезъ какой то проходной сарай, гдѣ важно на креслахъ возсѣдали мѣстные грабители-большевики, за проволочныя загражденія, отдѣлявшія нейтральную зону между Совдепіей и территоріей, занятой германцами, продолжительное ожиданіе въ этой зонѣ на обширномъ лугу передъ линіей нѣмецкихъ проволочныхъ огражденій, и наконецъ, пропускъ черезъ эту, увы, вождѣлѣнную для насъ черту — все это нынѣ не представляетъ интереса. Скажу лишь, что судьба намъ безусловно благоволила. Едва лишь успѣли мы пройти черезъ мѣстный пограничный контроль, какъ онъ былъ замѣченъ московскими чекистами, специально командированными въ Оршу изъ Москвы, чтобы слѣдить за лицами, проходящими черезъ имѣвшійся тамъ пропускной пунктъ, и безпрепятственный нелегальный проходъ лицъ, не имѣющихъ на то разрѣшенія, сталъ невозможенъ даже и за крупныя деньги. Поступали проще: отбирали всѣ деньги и цѣнности у пытавшихся выбраться изъ сага патіа, а ихъ самихъ арестовывали. Надо было пробираться уже опредѣленно контрабанднымъ способомъ между наблюдающими за границей большевицкими кордонами, что было сопряжено съ немалой опасностью.

Продержавъ насъ нѣсколько часовъ на лугу, нѣмецкій часовой, все время прогуливавшійся по ту сторону загражденій, наконецъ соблаговолилъ открыть устроенную въ нихъ калитку, передъ которой мы и съ десятокъ другихъ лицъ покорно ожидали пропуска, и послѣ весьма поверхностнаго осмотра документовъ впустилъ насъ

въ охраняемые имъ предѣлы. Здѣсь насъ сразу охватило непередаваемое чувство освобожденія отъ испытаннаго въ Совдепѣ гнета.

По широкой, хорошо укатанной дорогѣ, пролегающей черезъ небольшой, живописный лѣсокъ, попадаемъ въ мѣсто расположенія нѣмецкихъ воинскихъ частей. Вдоль линіи желѣзной дороги, образуя цѣлое поселеніе, вытянулись въ нѣсколько рядовъ обширные и на видъ опрятные бараки, снабженные соответствующими ихъ назначенію четкими надписями. Тутъ же небольшой баракъ-ресторанъ. Какіе то предприимчивые русскіе молодые люди обоюга пола — мужчины въ студенческихъ фуражкахъ — бойко торгуютъ всавозможной снѣдью по весьма умѣреннымъ, по сравненію съ московскими, цѣнамъ. Бѣлыя булки, которыхъ Москва уже съ полгода не видѣла въ торговлѣ, лежатъ грудами; имѣется въ изобиліи и сахаръ. Переменная картина для насъ волшебная.

Въ нѣмецкой Оршѣ приходится оставаться до вечера, когда отходить поѣздъ на Гомель и далѣе въ Кіевъ. Наблюдаемъ отъ нечего дѣлать за нѣмецкими порядками и за нѣмецкимъ воинствомъ и скоро убѣждаемся, что за внѣшнимъ порядкомъ кроется и уже замѣтно выступаетъ наружу начавшееся внутреннее разложеніе. Поражаетъ прежде всего отнюдь не бравый видъ германскаго солдата: очевидно, что все лучшее, физически крѣпкое, молодое и боеспособное переведено на французскій фронтъ, а здѣсь противъ большевицкихъ растяпъ собранъ весь людской бракъ. Корявые, низкорослые, подслѣповатые — большинство въ очкахъ — германскіе воины далеки были отъ столь извѣстнаго типа прусскаго солдата. Одѣты довольно чисто, но въ достаточной степени неряшливо, мундиры не застегнуты, безкозырки, служащія головнымъ уборомъ, посажены на затылки. Видъ людей, слоняющихся безъ дѣла. Однако оказывается, что дѣло у нихъ есть, но дѣло это частное: всѣ сплошь спекулируютъ. Идетъ, во-первыхъ, усиленный обмѣнъ русскихъ денегъ на нѣмецкія и обратно, процвѣтаетъ бойкая торговля разнообразнымъ мелкимъ товаромъ. Офицеры до нѣкоторой степени этому препятствуютъ, но замѣчанія ихъ не производятъ большого впечатлѣнія, да и дѣлаются они въ какой то робкой формѣ: дисциплина очевидно подорвана. Тлетворный духъ большевизма оказываетъ свое дѣйствіе даже черезъ огражденную съ обѣихъ сторонъ проволокой широкую нейтральную зону.

Что касается насъ самихъ, то мы испытываемъ разнородныя чувства. Съ одной стороны тяжело видѣть германскія части, хозяйничающія на русской землѣ. Для насъ обонхъ — барона Меллера и меня — еще, казалось, такъ недавно русская побѣда надъ нѣмцами не подлежала никакому сомнѣнію. Участвуя въ особомъ совѣщаніи по оборонѣ, побывавъ въ составѣ парламентской делегаціи весной 1916 года на французскомъ фронтѣ, я доподлинно зналъ, что никогда еще съ самаго начала войны ни наши союзники, ни мы не обладали такими техническими боевыми средствами, ни такимъ количествомъ оружія и снарядовъ, какъ въ моментъ русскаго революціоннаго взрыва. Многіе признаки къ тому уже явно указывали, что Германія — ея войска и ея мирное населеніе выдыхается.

Да, тяжело было видѣть торжествующаго нѣмца, распоряжающагося въ нашихъ исконныхъ предѣлахъ, но долженъ признаться, что тяжело это было въ умственномъ представленіи, а не по испытываемому чувству. Развитію чувства негодованія и ненависти къ нѣмцамъ препятствовало съ одной стороны весьма корректное, скажу даже, любезное ихъ отношеніе къ намъ. Мы видѣли передъ собой не высоко-мѣрнаго иностранца-побѣдителя, а расхлябаннаго, изнуреннаго человѣка. Съ другой стороны мы и въ Россіи не чувствовали себя со времени властвованія большевиковъ у себя дома, а наоборотъ испытывали чувство состоянія въ неволѣ какой то враждебной, чуждой, не русской силы.

Наконецъ, въ области чувствъ надо всѣмъ господствовало ощущеніе освобожденія отъ состоянія затравленнаго зайца, отъ того гнета — физическаго и нравственнаго, подъ которымъ мы жили въ теченіе всей зимы и лѣта въ Москвѣ. Гнетъ этотъ усиливался постепенно, напозналъ исподволь, медленно и даже незамѣтно, но зато обволакивалъ всецѣло. Однако, именно вслѣдствіе его постепеннаго усиленія и захвата мы переставали, пока оставались въ Совдепіи, въ полной мѣрѣ его сознавать. Атмосфера гнета постепенно превращалась въ нашемъ сознаніи въ нѣчто обыденное и чуть что не нормальное: мы переставали понимать, что находимся въ состояніи постоянного нервнаго напряженія. Лишь теперь, вырвавшись изъ подъ этого гнета и попавъ въ нормальныя условія человѣческой жизни, постигли мы въ полной мѣрѣ всю тяжесть испытаннаго. Сказывалось это во множествѣ разнообразныхъ мелочей и понижывало все наше существованіе.

Только вырвавшись изъ Совдепіи, ощутили мы вполнѣ, что въ теченіе долгихъ мясцевъ мы жили въ обширной тюрьмѣ, гдѣ имущественная обезпеченность, чувство собственнаго достоинства и самая жизнь подвергались ежечасно безмѣрно большей опасности, нежели въ любой настоящей тюрьмѣ. Произволь, безудержное хамство, вотъ что окрашивало все существованіе, составляло тотъ фонъ, на которомъ протекала вся жизнь въ ея самыхъ обыденныхъ бытовыхъ мелочахъ.

Къ вечеру забрались мы въ поѣздъ, состоявшій изъ старыхъ, распатанныхъ, дребезжащихъ вагоновъ 2-го и 3-го класса и, медленно двигаясь, добрались къ утру слѣдующаго дня до Гомеля. Вагоны были, конечно, переполнены, освѣщенія не полагалось и входившіе на каждой остановкѣ новые пассажиры начинали съ того, что усаживались въ темнотѣ на колѣняхъ уже находившихся. Поднимался, разумѣется, крикъ, обмѣнивались не лестными эпитетами, и о снѣ нельзя было и помышлять. Все это до такой степени насъ извело, что мы рѣшили попытаться проѣхать изъ Гомеля въ Кіевъ на пароходѣ по Днѣпру. Поѣхавъ прямо на удачу на пристань, мы попали почти на немедленно отошедшій пароходъ. Пассажировъ и на немъ было множество, но нашъ еврейчикъ и тутъ оказался весьма полезенъ. Какими то судьбами раздобылъ онъ намъ единственную, имѣвшуюся на пароходѣ, притомъ весьма помѣстительную каюту, гдѣ мы и расположились.

Путешествіе по Днѣпру, продолжавшееся болѣе сутокъ, было сплошнымъ наслажденіемъ. На пароходѣ оказался недурной, хорошо снабженный буфетъ, и мы почувствовали себя совсѣмъ прежними презрѣнными, наслаждающимися жизнью буржуями. Тихій, теплый, совсѣмъ лѣтній день, плавный неторопливый ходъ нашего суденышка, а въ особенности полнѣйшая тишина кругомъ, послѣ всѣхъ испытанныхъ нами передрыгъ дѣйствовали въ высшей степени успокоительно. Точно послѣ бурнаго морского перехода мы вошли въ устье тихой рѣки.

Не было здѣсь ни большевиковъ, ни нѣмцевъ, ни войны, ни политики, ни безудержнаго хамства, ни его спутника — чувства беззащитности, а одна только тишь да гладь. Ближайшее прошлое отошло куда то вдаль и воскресла прежняя Русь — спокойная, тихая, сонная

Берега Днѣпра въ той его части, которую мы проходили засвѣтло, поражали безлюдствомъ. Не то что города или хотя бы села, но ни единой деревушки не видно было съ рѣки; урожай былъ снятъ и свезенъ, яровой клинъ взметанъ, въ поляхъ дѣлать было нечего, а потому не видно было людей и вообще никакого живого существа. Пустыненъ былъ и Днѣпръ, не видно было и на немъ проявленія человѣческой дѣятельности. Съ пароходной рубки передъ нами разстилалась, на сколько глазъ могъ видѣть, огромная восточно-европейская равнина — гладкая, безмолвная, пустынная безъ всякаго признака старой или хотя бы современной культуры.

Припоминались берега Рейна съ ихъ причудливыми скалами и тщательно обработанными виноградниками, съ ихъ столь четко выступающими памятниками многолѣтняго историческаго прошлаго, съ ихъ многочисленными признаками современной сложной культуры и изумительной техники, и въ умѣ невольно возникалъ мучительный вопросъ, почему же здѣсь въ почти столь же благодатныхъ естественныхъ условіяхъ прежняя жизнь не наложила своего отпечатка, а новая не проявилась въ какихъ либо техническихъ сооруженіяхъ и хозяйственныхъ усовершенствованіяхъ. Исчезла Гоголевская благоухающая степь, но замѣнили ее лишь небрежно вспаханныя поля, да унылыя выгорѣвшія жнивья. Что мѣшало и мѣшаетъ умному, талантливому русскому племени умѣло использовать щедро предоставленныя ему провидѣніемъ необозримыя плодородныя поля и разнообразныя естественныя богатства?

Причиной ли тому та самая ширь, среди которой оно живетъ и хозяйничаетъ, ширь, влекущая его не къ сосредоточенію своихъ усилій на какомъ либо одномъ ограниченномъ пространствѣ, а къ ихъ распространенію, по мѣрѣ надобности, на все большее протяженіе, безсознательно отдавая предпочтеніе количеству передъ качествомъ. Вѣдь не даромъ же не тѣсно расселенные западно-европейскіе народы, а широко и просторно раскинувшійся русскій народъ провозгласилъ: «куренка выгнать некуда!» Или повело къ этому отсутствіе охраняющихъ страну естественныхъ преградъ — горныхъ цѣпей и глубокихъ долинъ, легко защищаемыхъ опорныхъ мѣстъ, вслѣдствіе чего русская равнина въ историческомъ прошломъ хронически подвергалась набѣгамъ сосѣднихъ племенъ и служила мѣстомъ переселенія кочующихъ народовъ; набѣгамъ, уничтожавшимъ слѣды прежней жизни, лишавшимъ страну памятниковъ ея старины и тѣмъ самымъ стойкихъ историческихъ традицій.

Не содѣйствовало ли тому же и отсутствіе прочнаго строительнаго матеріала и обиліе скоро разрушающагося лѣса, вслѣдствіе чего единственными сохранившимися памятниками старины являются каменные храмы Божіи, на сооруженіе которыхъ русскій народъ искони не жалѣлъ ни средствъ, ни труда, храмы, говорящіе однако не о прошломъ народа, а о томъ, что внѣ времени и пространства, и являющіеся тѣмъ самымъ лишнимъ поводомъ для устремленія народной мысли въ безбрежный просторъ времени, также точно какъ населенная имъ равнина влекла въ безбрежную ширь пространства.

Не причиной ли тому и климатъ, препятствующій распространенію многолѣтнихъ сельско-хозяйственныхъ культуръ, требующихъ продолжительнаго изъ года въ годъ тщательнаго ухода и тѣмъ прикрѣпляющихъ человека къ мѣсту и побуждающихъ цѣнить трудъ, затраченный имъ въ прошломъ, и защищать его плоды.

Наконецъ, не всѣ ли эти причины въ совокупности привели къ тому, что и до революціи, окончательно все стершей, какъ съ грифельной доски, имѣвшіеся въ странѣ памятники пережитаго народомъ были ничтожны и рѣдки и народомъ не цѣнимы. Отсутствіе традицій сказывалось и въ раздѣлѣ между непосредственно смѣняющимися поколѣніями, въ міровоззрѣніи отцовъ и дѣтей, вслѣдствіе чего каждое поколѣніе принималось строить государственную жизнь на новыхъ началахъ, не имѣя однако для этого прочнаго основанія.

Да и за старину то мы почитали то, что у западно-европейскихъ народовъ признается за вчерашній день. Незначительны и малочисленны были у насъ и признаки современной разнообразной и мощной техники.

Да, восплѣтая Гоголемъ степь утратила свои былыя чары, свою дѣвственную красоту, не пріобрѣтя однако взамѣнъ того пестраго разнообразія и тщательной

отдѣлки, которой отличаются сельскія мѣстности у культурныхъ народовъ. Отъ одного берега — первобытнаго приволья и патриархальной простоты нравовъ отстали. Къ другому берегу — умѣлому использованию естественныхъ богатствъ и управляемому строгими юридическими нормами бытовому укладу не пристали. Не обладая ни желѣзнымъ остовомъ прочныхъ традицій, ни разумѣниемъ сущности современнаго хозяйственнаго уклада, заимствовавъ отъ Запада его страсть къ наживѣ, но не перенявъ отъ него ни умѣнья, ни способовъ наживанья, мы превратились въ игральщице еще сохранившихся у насъ первобытныхъ инстинктовъ и присущихъ намъ безбрежныхъ вождельній.

Но вотъ и Кіевъ, Кіевъ, уже побывавшій во власти Винниченки и Петлюры, Кіевъ, испытавшій засилье большевиковъ, видѣвшій массовые разстрѣлы русскихъ офицеровъ и убійство своего митрополита, Кіевъ, хранящій въ видѣ множества полуразрушенныхъ зданій слѣды происходившихъ за него боевъ, а нынѣ формально подвластный опереточному гетману, въ сущности же, поставившему его германскому воинству.

Политическая обстановка въ Кіевѣ въ ту пору была чрезвычайно сложная, но съ внѣшней стороны она мало въ чемъ проявлялась. Нѣмцы отвели для своего главнаго командованія особый кварталъ города — часть Липокъ, который послѣ убійства ихъ главнаго вождя, Эйхгорна, окружили барьерами и часовыми, но зато внѣ этого квартала, вѣрнѣе, вдали отъ окружающихъ его заставъ, ихъ присутствіе почти не замѣчалось, а въ особенности не ощущалось. Правда, проходили по улицамъ германскія воинскія части, встрѣчались на улицахъ нѣмецкіе офицеры и солдаты, виднѣлись кое гдѣ нѣмецкія надписи, но держали себя нѣмцы не вызывающе и видимо избѣгали всего, что могло бы раздражить населеніе и дать ему понять, что настоящими хозяевами города являются они, а не украинская бутафорія.

Находившіеся въ Кіевѣ германскіе полки, по физической крѣпости ихъ личнаго состава, были много выше видѣнной нами въ Оршѣ нѣмецкой калѣчи, а по внѣшней дисциплинированности и выправкѣ мало чѣмъ отличались отъ когда то видѣнныхъ въ Берлинѣ у Бранденбургскихъ воротъ гвардейскихъ караульныхъ частей.

Если присутствіе германцевъ въ городѣ замѣчалось мало, то наличіе украинской власти не чувствовалось вовсе. Отражалось оно въ повременной прессѣ, усиленно оповѣщавшей о всѣхъ дѣйствіяхъ, а въ особенности публичныхъ выступленіяхъ гетманскаго правительства.

Превратившійся въ наслѣдника Мазепы бывшій командиръ кавалергардскаго Ея Величества полка никѣмъ въ серъезъ не принимался. Ко времени нашего приѣзда его впрочемъ въ Кіевѣ и не было: онъ ѣздилъ на поклонъ къ своему господину — императору германскому, и въ магазинныхъ окнахъ скоро появились фотографіи, изображавшія встрѣчу этихъ двухъ потентатовъ: Скоропадскій стоялъ, вытянувшись въ струнку, передъ Вильгельмомъ, непринужденно заложившимъ руку въ карманъ.

Что касается украинизація города, то она ограничивалась замѣной многихъ русскихъ торговыхъ вывѣсокъ малороссійскими, но иного кромѣ русскаго языка на улицахъ и въ лавкахъ слышно не было. Кіевъ какъ былъ, такъ и остался русскимъ городомъ, но за то оживленіе въ немъ было необычайное и переполненъ онъ былъ до послѣдней степени. Сюда хлынула волна изъ большевицкой Россіи, и на Крещатикѣ съ каждымъ днемъ встрѣчалось все большее количество петроградскихъ и московскихъ знакомыхъ.

Настроеніе приѣзжихъ было на рѣдкость однообразно: нескрываемая радость избавленія отъ большевицкаго строя и засилья, огорченіе по поводу ограбленнаго у

нихъ въ Совдепіи и по пути оттуда имущества и изумленіе отъ казавшагося невѣроятнымъ, послѣ столичнаго убожества, изобилія различныхъ товаровъ, а въ особенности, сѣстныхъ припасовъ — вотъ къ чему по началу сводились у пріѣзжихъ всѣ чувства и разговоры. Дѣйствительно, въ Малороссіи въ ту пору хозяйственная дѣятельность населенія еще не была подорвана и благодатный искони, славившійся своимъ богатствомъ край жилъ еще прежней привольной жизнью. Правда цѣны на всѣ продукты, поражавшія москвичей своей дешевизной, были уже значительно повышены, но происходило это не отъ недостатка товара, а отъ обезцѣненія денежныхъ знаковъ, выпускавшихся украинскимъ правительствомъ подъ никому неизвѣстное, вообще не существующее обезпеченіе.

Гетманское правительство ко времени нашего пріѣзда въ Кіевъ (начало сентября 1918 г.) въ лицѣ начальниковъ составлявшихъ его отдѣльныхъ управленій, носившихъ названіе министровъ, было смѣшанное. Предсѣдатель совѣта министровъ С. Н. Гербель, министръ внутреннихъ дѣлъ И. А. Кистяковскій, его товарищъ быв. членъ Государственной Думы Варунъ-Секретъ были несомнѣнно русскіе люди, смотрѣвшіе на Украину, какъ на временное политическое образованіе и допускавшіе лишь присвоеніе ей нѣкоторыхъ автономныхъ правъ. Но были среди министровъ и убѣжденные «ширые» украинофилы. Къ нимъ въ особенности принадлежалъ министръ путей сообщеній, едва ли не поддерживавшій сношенія если не съ Петлюрой, то съ Винниченко и Грушевскимъ.

Самъ Скоропадскій былъ ближе къ русскому крылу своего правительства, но честолюбіе въ немъ сильно разыгралось, а посему онъ видимо мечталъ о сохраненіи званія гетмана и по возстановленіи Россіи, связавшись съ ней на федеративныхъ началахъ. Впрочемъ, возможно, что, какъ многіе это утверждали, у него мелькала мысль, освободивъ Россію, присоединить къ малороссійскому гетманству — всероссійскій престолъ. Наивному человѣку, чего не взбредетъ въ голову, отуманенную случайной удачей. Этимъ, быть можетъ, обуславливался двойственный образъ его дѣйствій по отношенію къ добровольческой арміи.

Держалъ себя Скоропадскій съ важностью и внѣшней пышностью, поскольку это позволяли мѣстныя условія. Стремился онъ одновременно доказать свое «широе» украинство между прочимъ усиленнымъ восхваленіемъ украинскихъ знаменитостей — Шевченко и Мазепы — другихъ не нашлось — и совершенно зря клеймя будто бы испытанный Украиной въ теченіе двухъ съ половиной вѣковъ русскій гнетъ, безъ указаній однако, въ чемъ онъ состоялъ. Одновременно въ частныхъ бесѣдахъ съ русскими дѣятелями онъ выражался совершенно иначе. Имъ онъ объяснял свое украинство тактическими требованіями момента, но вѣры въ себя и въ свою лояльность къ Россіи ни въ комъ не возбуждалъ. Жалкій оппортунистъ, онъ не сумѣлъ создать себѣ сколько нибудь значительное число сторонниковъ ни въ украинофильскомъ лагерѣ, ни среди русскихъ людей и столь же скоропалительно и безслѣдно исчезъ съ политическаго горизонта, сколь нежданно игрою случая на немъ появился. Любопытныя однако бываютъ у людей предчувствія. Его товарищи по Пажескому корпусу мнѣ передавали, что еще будучи на школьной скамьѣ Скоропадскій мечталъ и опредѣленно утверждалъ, что будетъ со временемъ малороссійскимъ гетманомъ, хотя въ то время (80-ые годы прошлаго вѣка) событія такой надежды отнюдь не оправдывали.

Вся украинская затѣя была вообще смѣхотворна: страна и народъ, которые въ качествѣ національныхъ знаменитостей могли выставить лишь поплатившагосл жизнью предателя и полуграмотнаго составителя народныхъ пѣсенъ, едва ли могутъ имѣть притязаніе на самостоятельное культурное существованіе. Когда къ этому

еще добавляется отсутствие разработанного литературного языка, обязанность которого исполняет народный говоръ, дополняемый искусственно созданными словами иноземно-галиційскаго или польскаго происхожденія, то подобныя притязанія и смѣшны, и жалки.

Малороссія, какъ и инныя обширныя, удаленныя отъ правящаго центра русскія области можетъ стремиться къ широкому мѣстному самоуправленію, но для самостоятельной государственной жизни, немислимой безъ самобытной цивилизаціи, она просто не имѣетъ необходимыхъ предпосылокъ. Результатъ иноземныхъ интригъ — сепаратизмъ Украины опирался въ ея предѣлахъ лишь на демагогій нѣсколькихъ десятковъ честолюбцевъ, мечтавшихъ разыгрывать роль государственныхъ дѣятелей и превратиться въ важныхъ сановниковъ. Эти честолюбцы усиленно учились невѣдомому имъ дотолѣ языку, заимствуя недостающія, но необходимыя въ культурномъ обиходѣ слова, гдѣ угодно, но только не въ русскомъ языкѣ. При этомъ нерѣдко происходили недоразумѣнія, ибо говорившіе на этомъ новоиспеченномъ языкѣ другъ друга не всегда понимали.

Среди усердствовавшихъ въ этомъ отношеніи управленій выдѣлялось между прочимъ министерство иностранныхъ дѣлъ. Зайдя однажды по какому то дѣлу въ это министерство, я прежде всего натолкнулся на дежурнаго чиновника, который впрочемъ оказался хорошенькой и сильно покрашенной дѣвицей. На мой вопросъ сія представительница прекраснаго пола и, судя «по ея дородности», малороссійскихъ галушекъ отвѣтила мнѣ на опредѣленно польскомъ языкѣ. Директоръ департамента этого министерства соблаговолилъ говорить со мной по русски, но при входѣ во время нашей бесѣды какого то чиновника тотчасъ перешелъ на украинскую мову, съ которой, по уходѣ чиновника, вновь перешелъ на русскій языкъ, на которомъ онъ очевидно съ дѣтства только и говорилъ.

Почти одновременно съ мѣстнымъ правительствомъ въ Кіевѣ образовались и двѣ крупныя мѣстныя общественныя организаціи, обѣ будто бы экономическаго характера, но въ дѣйствительности дѣятельно занимавшіяся политикой. Одна изъ нихъ — «союзъ хлѣборобовъ» — была первоначально тѣсно связана съ гетманомъ; отъ нея формально получилъ Скоропадскій гетманскую булаву. Лидеры этого союза были до мозга костей русскіе люди и ни о какой самостійной Украинѣ слышать не хотѣли. Создали и поддерживали они фикцію германской власти въ цѣляхъ исключительно утилитарныхъ. Крестьяне собственники, входившіе въ множество въ составъ союза были яркими врагами большевиковъ, такъ какъ опасались пуще огня поравненія ихъ земли съ деревенской бѣднотой. Къ украинскому вопросу они относились въ массѣ безразлично. Во главѣ союза стоялъ Винницкій уѣздный предводитель дворянства графъ Д. Ф. Гейденъ, тѣмъ болѣе тяготѣвшій къ добровольческой арміи, что онъ былъ женатъ на сестрѣ одного изъ вождей этой арміи — генерала А. М. Драгомирова. Не менѣе русскимъ былъ и управляющій дѣлами союза А. А. Зноско-Боровскій, весьма толковый и знающій человѣкъ; онъ впоследствии умеръ на югѣ Россіи отъ сыпного тифа.

Однако организованной силой, могущей съ оружіемъ въ рукахъ поддерживать гетманскую власть и охранять край отъ захвата большевиками, союзъ не обладалъ. Лишенные всякаго вооруженія, члены его, сколь бы они ни были многочисленны, для боевыхъ дѣйствій не были пригодны. Между тѣмъ еще существовавшая въ то время австрійская имперія продолжала лелѣять химеру оторванной отъ Россіи и присоединенной къ Имперіи Габсбурговъ Украины.

Австріей вооружались и снаряжались повстанческія банды, создаваемые хохломанами типа Винниченко и авантюристами типа Петлюры. Сила этихъ агитаторовъ

зиждилась на тѣхъ по существу да и по формѣ большевицкихъ лозунгахъ, которые для успѣшности комплектованія этихъ бандъ провозглашали ихъ вожди. Господствовалъ среди этихъ бандъ тотъ же духъ наживы за счетъ чужого имущества, попросту говоря — грабежа, которымъ большевики опьяняли русскій народъ.

Едва прикрытый національными сепаратистическими лозунгами, большевицкій духъ частей сказался при первомъ ихъ столкновеніи съ красной арміей, въ бой съ которой они даже не хотѣли вступить.

Силы противъ этихъ по существу грабительскихъ бандъ союзъ хлѣборобовъ не сумѣлъ или не могъ создать.

Не большей силой обладалъ и другой образовавшійся въ Кіевѣ союзъ, сокращенно называвшійся протофисомъ (союзъ промышленности, торговли и финансовъ). Во главѣ этого союза былъ бывший членъ Государственной Думы кн. А. Д. Голицынъ, а составъ его былъ пестрый. Союзъ преслѣдовалъ преимущественно матеріальные интересы, а посему въ политическомъ отношеніи готовъ былъ на всевозможные компромиссы, какъ съ гетманомъ, такъ и съ германцами. Добивался онъ, безразлично цѣной какихъ уступокъ, лишь одного — охраненія края отъ большевиковъ. Денежными средствами союзъ этотъ обладалъ несомнѣнно въ значительно большемъ количествѣ, нежели союзъ хлѣборобовъ, но расходовать ихъ на общегосударственныя надобности проявлялъ мало охоты. За то въ промышленной области онъ развилъ лихорадочную дѣятельность, что вполне соответствовало, хотя въ значительной степени искусственному, но все же наблюдавшемуся оживленію хозяйственной жизни края. Наряду съ развитіемъ разнообразныхъ видовъ спекуляціи нарождались многіе новые виды производства и увеличивались существующія промышленныя предприятия. Степень живучести этихъ начинаній на практикѣ не удалось провѣрить. Съ захватомъ края большевиками всѣ они погибли независимо отъ ихъ солидности. Возникали они во всякомъ случаѣ десятками и число уставовъ, утвержденныхъ гетманскимъ правительствомъ, весьма значительно. Замышлялись и грандіозныя предприятия общаго значенія, какъ напр., использованіе Днѣпровскихъ пороговъ, какъ огромной двигательной силы, которую предполагалось превратить въ электрическую энергію.

Оживленіе предпринимательской дѣятельности на Украинѣ приписывалось самостійниками прибрѣтенной краемъ политической самостоятельности, которая въ виду этого въ дѣловыхъ, а въ особенности въ дѣлеческихъ кругахъ Кіева прибрѣтала не малое количество сторонниковъ.

По мѣрѣ прибытія изъ большевизіи остатковъ бывшихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей въ Кіевѣ стали образовываться различныя общерусскія политическія группировки. До сентября въ Кіевѣ было представлено лишь одно русское политическое теченіе, а именно крайне правое.

Группа представителей этого теченія имѣла во главѣ не безызвѣстнаго одесскаго городского голову Пеликана, а въ качествѣ главнаго вдохновителя присяжнаго повѣреннаго Соколова. Находилась она въ связи съ герцогомъ Г. Лейхтенбергскимъ, никакой самостоятельной Украины, конечно, не признавала и придерживалась опредѣленно германской оріентаціи. Сосредоточены были ея усилія на образованіи новой антибольшевицкой арміи, отдѣльной отъ добровольческой, названной южной. Затѣя эта до извѣстной степени поощрялась нѣмцами, предоставлявшими образуемой арміи нѣкоторое, въ общемъ ничтожное количество вооруженія, равно какъ нѣкоторыя денежныя средства.

Видя въ добровольческой арміи силу имъ явно враждебную, почти столь же упорно мечтающую о возобновленіи войны въ союзѣ съ Антантой, какъ о сверженіи

большевиковъ, германскія власти считали нужнымъ по возможности уменьшить притокъ въ нее русскаго офицерства и именно съ этой цѣлью поощряли образованіе новой русской арміи.

Отвлечъ переполнявшее Кіевъ русское офицерство отъ вступленія въ ряды добровольческой арміи можно было только давъ ему другой выходъ. Такимъ выходомъ и должна была явиться южная армія.

Вербовкой офицеровъ и солдатъ (поступали и солдаты, но въ незначительномъ количествѣ) въ эту армію усиленно занимался гр. В. Бобринскій. Во главу южной арміи предполагалось поставить престарѣлаго генерала Н. І. Иванова, нѣкогда командовавшаго нашимъ южнымъ антигерманскимъ фронтомъ, а фактическимъ начальникомъ былъ гр. Келлеръ (впослѣдствіи убитый въ Кіевѣ петлюровцами). Образовывалась южная армія въ районѣ Харькова, но пока что многіе изъ записавшихся оставались въ Кіевѣ, гдѣ и подчинялись жившему тамъ же гр. Келлеру.

Однако лучшіе элементы офицерской среды неохотно шли въ ряды южной арміи, вслѣдствіе ея опредѣленно германской оріентаціи и даже зависимости въ матеріальномъ отношеніи отъ германскихъ властей.

Напрасно привлекали въ южную армію и наиболѣе консервативный элементъ военной среды — гвардейское офицерство завѣреніемъ, что армія эта предназначена для возстановленія монархіи, а что добровольческая армія пропитана республиканскими чувствами. Гвардейское офицерство, однако, туда не шло и поскольку наличность имѣющихся денежныхъ средствъ ему это позволяла, понемногу пробиралось въ Ростовъ и Новочеркасскъ, инстинктивно чувствуя, что именно тамъ, независимо отъ господствующихъ въ добровольческой арміи тѣхъ или иныхъ политическихъ теченій, бьется истинное національное сердце. Впослѣдствіи, когда въ виду явно надвигавшагося крушенія Германіи, находящееся въ Кіевѣ германское начальство утратило всевластное доминирующее положеніе, русское офицерство образовало добровольческія дружины въ самомъ Кіевѣ, начальникомъ коихъ былъ кн. Долгоруковъ, причемъ дружины эти считали себя какъ бы частью добровольческой арміи.

Если среди русскаго офицерства, сосредоточившагося въ Кіевѣ, было немного охотниковъ вступить въ ряды южной арміи, то еще менѣе было желающихъ вступить въ украинскія войсковыя части съ введеннымъ въ нихъ украинскимъ команднымъ языкомъ съ такими забавными для русскаго слуха командами, какъ напр., «желѣзняки на пузяки — гопъ!» За исключеніемъ нѣсколькихъ честолюбцевъ, составившихъ «дворъ» пана гетмана и вырядившихся по этому случаю въ живописные, но опереточные полупольскіе, полуказацкіе жупаны — русскихъ офицеровъ на гетманской службѣ почти не было. Зато среди приближенныхъ Скоропадскаго были и такіе чудаки, которые выбрали себѣ голову, оставивъ лишь на затылкѣ «оселедцы» (чубы), которые старались отрастить какъ можно длиннѣе.

Такимъ образомъ въ Кіевѣ по инымъ причинамъ, но произошло то же самое, что въ Москвѣ, а именно раздѣленіе офицерства на различныя группы, относившіяся другъ къ другу не всегда дружелюбно: на поступающихъ въ украинскія войска, на записывающихся въ южную армію монархическаго и германофильскаго настроенія и на тяготѣвшихъ къ добровольцамъ. Конечно, были и такіе, которые предпочитали снять военный мундиръ и обратиться къ безопаснымъ мирнымъ занятіямъ, хотя безопасныхъ положеній въ то время въ Россіи вообще нигдѣ не было.

Если наблюдался расколъ среди сѣзжавшагося въ Кіевъ офицерства, то не было единомыслія и между сѣзжавшимися туда политическими дѣятелями.

Въ двухъ отношеніяхъ они впрочемъ были единомышленны, а именно въ отрицательномъ отношеніи къ украинскому сепаратизму и въ сочувственномъ къ добро-

вольческой арміи. За то по вопросу о той иностранной силѣ, на которую въ цѣляхъ возрожденія Россіи слѣдуетъ опереться, мнѣнія расходились.

Толчкомъ для образованія иныхъ, кромѣ крайней правой, общерусскихъ политическихъ группировокъ послужилъ прїездъ въ Кіевъ многихъ членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Тотчасъ создалось объединеніе всѣхъ парламентскихъ дѣятелей, сейчасъ же выбравшее изъ своей среды бюро въ составѣ до 15 членовъ. Тутъ рядомъ сидѣли и дружно между собой бесѣдовали, мало въ чемъ расходясь, Милюковъ и Пуришкевичъ.

Собиралось бюро преимущественно на квартирѣ члена Государственной Думы Искрицкаго и вело нескончаемыя бесѣды, сводившіяся въ сущности къ взаимному освѣдомленію о текущихъ событіяхъ. Какъ сейчасъ вижу первое появленіе въ нашей средѣ Пуришкевича, совершенно бритаго и потому трудно узнаваемаго, въ френчѣ, высокихъ сапогахъ и съ огромнымъ Владимірскимъ крестомъ на шеѣ. Пуришкевичъ, войдя, интриговалъ Милюкова, такъ и не узнавшаго своего постоянного думскаго противника, пока онъ самъ себя не назвалъ.

Вопроса о формѣ правленія въ этой средѣ почти не касались, хотя несомнѣнно, что за восстановленіе монархіи стояли рѣшительно всѣ, причѣмъ преобладающее большинство признавало однако, что поднимать это знамя преждевременно. Тѣмъ не менѣе, на первомъ общемъ собраніи членовъ двухъ законодательныхъ палатъ, насчитывавшемъ свыше 70 человѣкъ, Пуришкевичъ съ присущей ему горячностью и стремительностью поднялъ этотъ вопросъ и настоялъ на томъ, чтобы по нему была вынесена опредѣленная резолюція. Высказаться отрицательно по отношенію къ монархіи собраніе состоявшее изъ монархистовъ, конечно, не могло. Къ вѣдшему неудовольствію бюро и тѣхъ, которые считали это за тактическую ошибку, собраніе признало, что формой правленія въ восстановленной Россіи должна быть легитимная монархія. Вопросъ о томъ, кто долженъ быть признанъ законнымъ претендентомъ на престолъ, при этомъ не возникалъ.

Тѣмъ временемъ бюро парламентской группы, въ составъ котораго вошли нѣкоторые покинувшіе Москву члены праваго центра, въ томъ числѣ Кривошеинъ, вновь возбудило вопросъ объ иностранной интервенціи. Составили между прочимъ перомъ Милюкова обращеніе ко всѣмъ державамъ, представители коихъ имѣлись въ Кіевѣ, среди коихъ консуловъ державъ согласія, разумѣется, не было. Въ обращеніи этомъ указывалось на всѣ безчинства, творимыя большевиками, и на ту міровую опасность, которую представляетъ большевизмъ, разжигающій наиболѣе низменные инстинкты человѣческой природы.

Разсчитывали при этомъ, *tacito consensu*, преимущественно на германскую помощь, но открыто высказаться за германскую оріентацію никто не рѣшался. Милюковъ какіе то шаги, столь дорого ему впослѣдствіи обошедшіеся, предпринялъ въ этомъ направленіи, но всецѣло за свой страхъ и рискъ.

Исходъ международной войны въ Кіевѣ въ ту пору еще совершенно не выяснился. Занимавшая Украину германская власть естественно распространяла и даже позволяла оглашать только свѣдѣнія для Германіи благоприятныя. Однако и изъ нихъ выяснялось, что никакихъ рѣшительныхъ результатовъ Германія въ войнѣ не достигла. Съ другой стороны самое присутствіе германскихъ войскъ въ Кіевѣ и явная зависимость гетмана отъ Берлина внушали большую вѣру въ германскій успѣхъ. Тѣмъ не менѣе недавнее участіе Россіи въ войнѣ въ союзѣ съ Антантой и хозяйничанье нѣмцевъ на всемъ юго-западѣ Россіи препятствовали вѣрить въ искренность германскихъ заявленій, а тѣмъ болѣе желать ихъ торжества и вообще строить будущее Россіи на ихъ помощи. Въ частности, Кривошеинъ столь рѣши-

тельно высказывавшійся въ Москвѣ за соглашеніе съ Германіей, измѣнилъ свою точку зрѣнія. Онъ не могъ простить нѣмцамъ гибели царской семьи, спасти которую нѣмцы имѣли, по его мнѣнію, при желаніи полную возможность.

Послѣ образованія парламентскаго бюро, преимущественно его же стараніями, достигнуто было въ Кіевѣ и болѣе широкое объединеніе различныхъ политическихъ дѣятелей. Семь или девять, точно не помню, крупнѣйшихъ образовавшихся тамъ обще-русскихъ общественныхъ организацій, какъ то: земское, городское, промышленности, торговли и другія, связались между собой и образовали одинъ общій управительный органъ, наименовавъ его совѣтомъ государственнаго національнаго объединенія, председателемъ коего былъ выбранъ тотъ же баронъ Меллеръ-Закомельскій. Въ выборѣ этомъ сказалось общее настроеніе этого органа тождественное съ господствовавшимъ въ бюро парламентскаго комитета. Умѣренное въ своихъ убѣжденіяхъ и въ соотвѣтствіи съ этимъ нерѣшительное въ своей дѣятельности объединеніе это и его центральный органъ въ общемъ представляло неспособную къ героической работѣ мягкотѣлую русскую общественность. Какого либо пафоса, соотвѣтствующаго испытываемымъ родиной бѣдствіямъ, проявить оно не было въ состояніи, а потому и оказалось мертворожденнымъ. Монархисты въ душѣ, члены этого объединенія признавали, что развернуть монархическое знамя можно лишь при благоприятныхъ къ тому обстоятельствахъ, когда наступитъ увѣренность, что знамя это дѣйствительно объединитъ вокругъ себя могучую силу. Съ громомъ и грохотомъ, говорили сторонники этого мнѣнія, долженъ царскій лозунгъ прокатиться по Россіи; въ противномъ случаѣ можетъ случиться не распространеніе его, а наоборотъ развѣнчаніе. Провозглашеніе монархическаго начала безъ вызова немедленнаго сильнаго встрѣчнаго ему общественнаго теченія, по мнѣнію этихъ лицъ, могло на продолжительное время развѣнчать этотъ принципъ въ представленіи народныхъ массъ. Думается, что въ то время, при неизжитой еще населеніемъ вѣрѣ въ большевицкіе посулы, когда еще происходилъ захватъ и дѣлежъ чужого имущества, они были правы.

Не рѣшалось Кіевское объединеніе высказаться и по вопросу о «самостійной» Украинѣ. Сколь отрицательно ни относились къ хохломаніи съѣхавшіеся въ Кіевѣ русскіе политическіе дѣятели, сколь ни осмѣивали они въ частныхъ бесѣдахъ опереточный дворъ Скоропадскаго съ его украшенными «оселедцами» флигель-адъютантами, все же никакихъ выступленій противъ него они не предпринимали и, наоборотъ, готовы были его всемѣрно поддержать, вполнѣ сознавая что при данныхъ условіяхъ паденіе гетманской власти (въ случаѣ возможнаго ухода германскихъ войскъ, противъ наличія которыхъ поэтому тоже отнюдь не возставали) до сверженія большевиковъ въ Москвѣ обратитъ и весь югъ Россіи въ большевицкій застѣнокъ.

Настроеніе народныхъ низовъ въ Кіевѣ было опредѣленно большевицкое и на базарахъ открыто велись разговоры на тему о распространеніи на Украину райскихъ, по ихъ представленію, условій народной жизни въ Совдепіи. Не лучше, если не хуже было настроеніе сельскихъ массъ, подвергавшихся усиленнымъ денежнымъ взысканіямъ при содѣйствіи германскихъ войскъ за учиненныя ими аграрныя безчинства.

Въ верхахъ наблюдалось другое. На ряду съ разнообразной спекуляціей и ловлей въ мутной водѣ наблюдалось неизмѣнно сопутствующее всѣмъ великимъ потрясеніямъ разложеніе нравовъ. Размножились игорные дома, гдѣ игра шла нерѣдко на огромныя суммы. Необезпеченность завтрашняго дня, легкая нажива, наконецъ, обезцѣненіе денежныхъ знаковъ, все побуждало къ широкимъ тратамъ. Рестораны были полны и за бутылку ликера платили не морщась сотни рублей. Женская честь превращалась въ предразсудокъ. Большевицкій духъ въ проявленіяхъ иного рода захватывалъ и высшіе слои русскаго народа.

Общественные русскіе дѣятели не утратили однако бодрости духа. Свои усилія они направили къ единственной по тому времени разумной цѣли — къ объединенію дѣятельности тѣхъ трехъ новыхъ политическихъ образованій, которыя народились въ предѣлахъ исконно русской части б. російской имперіи — а именно Украины, Всевеликаго Дона и расположенной на Кубани Добровольческой арміи.

Къ сожалѣнію, къ этой мысли пришли не тотчасъ, а въ особенности не сразу принялись за ея дѣятельное осуществленіе. Между тѣмъ расколъ между національно настроенной добровольческой арміей и стоящей у власти въ Кіевѣ кучкой украинскихъ сепаратистовъ вліялъ роковымъ образомъ на достиженіе основной цѣли — освобожденіе Россіи отъ разрушающаго ее третьяго интернаціонала. Тому же едва ли не въ большей степени содѣйствовали какъ зависимость гетмана отъ германцевъ, вслѣдствіе чего даже ту незначительную помощь оружіемъ, которую онъ оказывалъ арміи Деникина, онъ вынужденъ былъ производить тайно, такъ въ особенности порождавшее это положеніе рѣзко анти-германское настроеніе добровольцевъ.

III.

Крушеніе Германіи. Поѣздка въ добровольческую армію. Ростовъ. Екатеринодаръ. Военные порядки. Недружелюбная встрѣча — ея причины. Политическое совѣщаніе при добровольческой арміи. Нѣкоторыя черты этой арміи. Новочеркасскъ. Атаманъ Красновъ.

Къ началу октября истинное положеніе Германіи стало выясняться и въ Кіевѣ. Телеграмма императора Вильгельма къ президенту сѣверо-американскихъ штатовъ съ просьбой о посредничествѣ съ державами согласія въ цѣляхъ заключенія мира окончательно раскрыла глаза тѣмъ, которые еще вѣрили, что Германія одолѣетъ въ поднятой ею міровой борьбѣ. Она ясно указывала, что война фактически пришла къ концу и что Антанта во всякомъ случаѣ не побѣждена. Однако, степень крушенія Германіи еще не опредѣлилась.

Что телеграмма Вильгельма знаменуетъ конецъ войны, было вполне понятно и находившимся въ Кіевѣ германскимъ войскамъ, при чемъ тутъ же обнаружилось, насколько наиболѣе крѣпкія воинскія части Германіи, и притомъ находящіяся въ въ наиболѣе благоприятныхъ условіяхъ въ отношеніи испытываемыхъ ими опасностей и лишеній, физически и нравственно устали.

Мнѣ случилось присутствовать при яркомъ проявленіи этого состоянія германскихъ воиновъ.

Весь верхній этажъ гостиницы Грандъ-Отель былъ занятъ германскимъ офицерствомъ. Вслѣдствіе этого у лѣстницы, ведущей въ этотъ этажъ, были поставлены парные часовые. Въ вечеръ оглашенія въ Кіевѣ упомянутой телеграммы Вильгельма, будучи въ этой гостиницѣ, я случайно присутствовалъ при разговорѣ этихъ часовыхъ съ какимъ то постороннимъ господиномъ. На вопросъ этого господина, довольны ли они телеграммой ихъ императора Вильсону, часовые, сойдя со своихъ мѣстъ и перебывая другъ-друга, горячо заявили, что войнѣ давно долженъ былъ быть положенъ конецъ, что дальнѣйшее веденіе ея просто невозможно. *Längst genug*, твердо сказали они, причемъ ихъ повидимому вовсе не интересовало, на какихъ условіяхъ будетъ заключенъ миръ; важно лишь одно — перестать драться и вернуться домой.

Настроеніе это безусловно владѣло большинствомъ нѣмецкаго воинства. Въ Кіевѣ оно проявилось между прочимъ въ томъ, что въ тотъ же вечеръ германскіе солдаты, высыпали во множествѣ на улицу и до поздней ночи шумно проявляли

свою радость по поводу акта, который въ ихъ представленіи былъ равнозначущъ прекращенію военныхъ дѣйствій. Ослабла тотчасъ и дисциплина: солдаты инстинктивно почувствовали, что исчезла та причина, которая оправдывала принятіе по отношенію къ нимъ суровыхъ дисциплинарныхъ мѣръ.

Примѣчательно, что чувство радости испытывали нѣмцы, фактически уже не участвовавшіе въ войнѣ и несомнѣнно чувствовавшіе себя побѣдителями и хозяевами въ покоренной ими странѣ. Что же должны были испытывать нѣмецкія войска на французскомъ фронтѣ, ежедневно подвергавшіяся опасности смерти.

Если до упомянутой телеграммы Вильгельма германскія, а тѣмъ болѣе австрійскія, войска уже представляли распатанную силу, то послѣ нея они окончательно перестали обладать какой либо боеспособностью.

Все это, разумѣется, тотчасъ учли общественныя группировки Кіева и прежде всего бюро членовъ законодательныхъ палатъ. Бюро это признало настоятельно необходимымъ выяснить, сколь возможно скорѣе, отношеніе державъ согласія къ Россіи и образовавшимся въ ея предѣлахъ политическимъ новообразованіямъ.

Предвидя, что въ ближайшемъ будущемъ откроется возможность проѣзда въ Западную Европу, рѣшили нынѣ же намѣтить лицо, могущее войти въ сношеніе съ дипломатическими представителями державъ согласія. Остановились на нашемъ бывшемъ послѣ въ Вѣнѣ Н. Н. Шебеко, обладавшемъ надлежащимъ опытомъ и обширными по своей прежней дѣятельности связями въ западно-европейскихъ дипломатическихъ кругахъ. Одновременно рѣшили, что до поѣздки за границу делегированнаго лица ему слѣдуетъ съѣздить на Кубань въ штабъ добровольческой арміи и выяснить взгляды командованія арміи въ вопросахъ международныхъ.

Возникло отсюда и другое предположеніе, а именно воспользоваться этой поѣздкой, чтобы тѣснѣе связаться съ этой арміей, а также попытаться повліять на ея верхи, равно какъ на Донского Атамана, въ смыслѣ ихъ болѣе тѣснаго объединенія между собой, въ особенности же съ гетманскимъ правительствомъ.

Такое объединеніе, въ случаѣ все сильнѣе обнаруживавшагося развала Германіи, получало особое значеніе, и безнадежнымъ, казалось, нельзя было его признать. Гетманской власти, въ случаѣ крушенія Германіи, необходимо было искать другую опору, а могла она быть только въ лицѣ организованныхъ остатковъ былой русской государственности, т. е. Добровольческой арміи и Дона. Можно было думать, что и Добровольческая армія, наконецъ, уразумѣетъ, что въ основу международной политики должны быть положены не чувства, а сухой, черствый расчетъ и что, чѣмъ вѣроятнѣе крушеніе Германіи, тѣмъ безопаснѣе для русскихъ интересовъ использовать еще сохранившіяся у нея силы для сверженія большевиковъ или хотя бы для образованія при ея содѣйствіи мощной военной силы на всемъ югѣ Россіи.

Дѣйствительно помощь Германіи въ дѣлѣ возстановленія Россіи могла быть опасной только въ случаѣ сохраненія ею своей мощи. Въ такомъ случаѣ она несомнѣнно оказала бы эту помощь лишь за дорогую цѣну и не преминула бы наложить на Россію свою тяжелую лапу. Побѣда Антанты эту опасность устраняла.

Думать, что державы согласія оцѣнятъ нашу Донъ-Кихотскую лойяльность и окажутъ намъ за нее реальную безкорыстную помощь, было болѣе чѣмъ наивно. Положеніе, занятое Англійей тотчасъ послѣ крушенія царской власти, хотя бы въ вопросѣ о проливахъ, давало мѣрку будущихъ отношеній къ намъ державъ согласія. Даже поверхностное знакомство съ исторіей учило тому, что Англія, если и оказывала когда либо помощь другимъ націямъ, то лишь во вредъ имъ, какъ она это дѣлала во время французской революціи, поддерживая французскихъ монархистовъ лишь настолько, чтобы не дать упрочиться въ странѣ порядку.

Впрочемъ, хотя исторія по выраженію Карамзина, являясь зеркаломъ прошлаго, служить наукой для будущаго, она еще никогда никого не научила, и государственная колесница неизмѣнно опрокидывается «кажинный разъ на томъ же мѣстѣ». Преслѣдуемое съѣхавшимися въ Кіевѣ общественными дѣятелями объединеніе русскихъ антибольшевицкихъ силъ было логически правильно, но тѣмъ самымъ совершенно недостижимо. Логика, вообще рѣдко отражающаяся въ людскихъ поступкахъ и отношеніяхъ, казалось совершенно перестала въ ту пору руководить людьми въ принимаемыхъ ими рѣшеніяхъ

Руководящимъ началомъ для главарей бѣлаго движенія стали болѣе чѣмъ когда либо овладѣвшіе ими разнообразныя страсти, партійныя домогательства и личныя вождельнія

Соревнованіе между возглавленіями трехъ зародышей возстановленной русской государственности, соревнованіе, основанное и на личныхъ соображеніяхъ и на разности политическихъ устремленій, не сулило какихъ-либо реальныхъ результатовъ инициативѣ группы лицъ, не обладающихъ какой либо силой и представляющихъ не столько обломки, сколько тѣни прошлаго

Сознавая все это, я тѣмъ не менѣе согласился поѣхать совмѣстно съ Шебеко въ Екатеринодаръ и Новочеркасскъ, но цѣль, которую я имѣлъ въ виду, была иная. До Кіева дошли опредѣленные свѣдѣнія, что Добровольческая армія относится съ величайшей враждебностью ко всѣмъ чинамъ красной арміи и къ тѣмъ, которые когда либо въ ней числились, даже независимо отъ того, принимали ли они участіе въ борьбѣ съ бѣлыми, словомъ даже къ тѣмъ, которые правдами или неправдами отъ нея вырвались и стремились въ Добровольческую армію, какъ въ родную среду. Лицъ этихъ предавали суду и подчасъ выносили по отношенію къ нимъ суровые приговоры.

Между тѣмъ мнѣ, быть можетъ, ближе чѣмъ кому либо были извѣстны тѣ условія, при которыхъ многіе военные вступили въ красную армію, вступили нерѣдко противъ своего желанія, побуждаемые къ тому правымъ центромъ и даже генераломъ Брусиловымъ, — въ лояльности котораго въ тѣ времена ни у кого не возникало ни малѣйшихъ сомнѣній, — основываясь на надеждѣ взорвать большевиковъ изнутри, создавъ собственную силу въ самомъ ихъ вооруженномъ станѣ.

Извѣстно было мнѣ и то, что многіе офицеры, вступивъ въ красную армію и ея штабы, при условіи, однако, что ихъ не заставятъ участвовать въ гражданской войнѣ, крайне тяготились своимъ положеніемъ, такъ какъ вскорѣ убѣдились, что оставаясь въ рядахъ красной арміи, никакихъ благихъ результатовъ для русскаго дѣла достигнуть невозможно, а не быть втянутымъ въ гражданскую войну невысказанно.

Если, тѣмъ не менѣе, вѣрное родинѣ офицерство продолжало въ теченіе нѣкотораго времени оставаться въ красной арміи, то опять таки по многу же передаваемымъ уговорамъ праваго центра, продолжавшаго надѣяться приблизительно до середины августа свергнуть большевиковъ въ Москвѣ при помощи военныхъ элементовъ.

Внѣдренію въ красную армію и ея штабы контръ-революціоннаго офицерства правый центръ придавалъ особое значеніе.

Такъ какъ я былъ единственнымъ посредникомъ между правымъ центромъ и наиболѣе видными и вліятельными представителями офицерства, вступившаго въ красную армію съ цѣлью борьбы съ большевизмомъ, то я и считалъ своимъ долгомъ, высказать все это лично командованію Добровольческой арміи, переименовавъ тѣхъ лицъ, съ которыми я былъ въ связи. Лица эти, попавъ въ Добровольческую

армію, могли уже въ свою очередь назвать другихъ офицеровъ, вступившихъ въ красную армію по тѣмъ же побужденіямъ, имена коихъ мнѣ не были извѣстны.

Имѣя въ виду эту вполне конкретную и легко осуществимую цѣль, я и рѣшилъ пуститься въ не столько дальній, сколь долгій путь.

Оказалось, однако, что Россія не только разгромлена, но вдобавокъ еще раздѣлена и разграничена внутренними барьерами. Для проѣзда въ Екатеринодаръ нужно было проѣхать царство Донское, не впускавшее въ свои предѣлы безъ соотвѣтственнаго пропуска. Въ Кіевѣ, оказалось, имѣется специальный донской походный атаманъ Зимовой станицы — Черячукинъ, отъ котораго выдача подобныхъ пропусковъ зависѣла. Скрѣпя сердце, пришлось отправиться къ сему атаману, который за нѣкоторую, правда скромную, плату въ пользу Всевеликаго насъ съ Шебеко нужными пропусками и вооружилъ.

Наступилъ, наконецъ, и день отъѣзда. Это было 30-го октября (12-ое ноября). На Кіевскомъ вокзалѣ, поражавшемъ своей примитивностью и безобразіемъ — старый, промозглый, деревянный баракъ съ ничѣмъ не прикрытыми многочисленными путями — сгрудилась огромная толпа. Въ повалку лежали многія сотни людей, сплошь занявъ всѣ платформы, раздѣлявшія отдѣльные пути. Однако, въ вагонахъ относительный порядокъ и даже сносное освѣщеніе. Поѣзда идутъ по расписанію и безъ особаго опозданія, но пересадокъ на пути множество. Въ Екатеринославлѣ продолжительная остановка въ нѣсколько часовъ.

Идемъ въ городъ, производящій впечатлѣніе гнетущее. Еще недавно это былъ богатый, красивый и оживленный южный уголокъ. Городской садъ, бывало, переполненный публикой, заполнявшей его многочисленные рестораны, заброшенъ и пустъ. На улицахъ какіе то сѣрые типы: не то завтрашніе грабители, не то опасящіеся быть завтра ограбленными. Магазины достаточно пусты, и лишь съѣстные припасы все еще въ изобиліи въ особенности на нашъ взглядъ, не забывшій еще совѣтской нищеты.

Ѣдемъ дальше, но чѣмъ дальше, тѣмъ тише и все съ болѣе продолжительными остановками. На границѣ Всевеликаго — какая то незначительная станція, превратившаяся въ пограничную — проводимъ долгіе часы и, наконецъ, на третій день утромъ достигаемъ Ростова. Откуда поѣздъ уходитъ въ Екатеринодаръ лишь вечеромъ, а потому ѣдемъ въ городъ.

Богатый, торговый приморскій городъ уже испыталъ множество злоключеній и носить ихъ ясныя слѣды. Однако, гостиницы переполнены и намъ лишь съ трудомъ удается получить номеръ, почти лишенный мебелировки въ вѣроятно еще недавно, судя по размѣрамъ, первоклассной гостиницѣ, нынѣ грязной и запущенной. Старыя многолѣтнія привычки къ чистотѣ и роскоши еще не изжиты и вся обстановка рѣжетъ глазъ и дѣйствуетъ на нервы.

Весь городъ имѣетъ какой то не только непривлекательный, но и сонный, мертвенный видъ. На всемъ лежитъ печать унынія и заброшенности. Жизнь очевидно замерла, и темпъ ея совершенно не соотвѣтствуетъ широкимъ улицамъ и окаймляющимъ ихъ многоэтажнымъ домамъ. Безъ сожалѣнія покидаемъ къ вечеру городъ и заблаговременно забираемся на вокзалъ — не въ примѣръ Кіевскому — огромный и роскошный. Здѣсь жизнь кипитъ во всю. Пассажирская толпа производитъ впечатлѣніе людей, спасающихся отъ землетрясенія. Большинство очевидно люди, сорванные съ многолѣтнихъ якорей и направляющіеся, куда глаза глядятъ, безъ опредѣленнаго назначенія и цѣли: то спугнутые съ насиженныхъ мѣстъ бѣженцы изъ коммунистическаго рая.

Раздобывъ — о счастье — спальныя мѣста, погружаемся въ поѣздъ, который къ полудню слѣдующаго дня доставляетъ насъ въ Екатеринодаръ.

Тутъ новое затрудненіе. Уже по дорогѣ узнали, что Екатеринодаръ переполненъ, въ гостиницахъ нѣтъ ни уголка, а свободныя помѣщенія въ частныхъ домахъ на учетѣ и реквизированы управленіемъ арміи. Рѣшаемъ ѣхать въ комендантское управленіе, будто вѣдающее реквизированными комнатами.

Здѣсь первая встрѣча съ Добровольческой арміей, ея порядками и приѣмами.

— «Да, какъ же, мы вѣдаемъ распределеніемъ помѣщеній, но, въ сущности, такихъ нѣтъ. Впрочемъ, гдѣ то есть списокъ свободныхъ комнатъ».

Ищутъ, не безъ труда находятъ какой то почти сплошь перечеркнутый листъ съ перечисленіемъ взятыхъ на учетъ помѣщеній, чтеніе котораго прерывается заявленіями отдѣльныхъ лицъ, что либо помѣщеніе уже занято, либо вообще ошибочно помѣщено въ списокъ.

Невольно напрашивается сравненіе съ порядками, заведенными нѣмцами въ чужомъ имъ городѣ Кіевѣ; тамъ имѣются четкія надписи, указывающія, гдѣ находятся помѣщенія, предназначенныя для прибывающихъ на побывку въ Кіевъ нѣмецкихъ офицеровъ и солдатъ и даже опредѣляющія ихъ разстояніе въ минутахъ пѣшаго хода.

Выбираютъ наконецъ 4-5 адресовъ и любезно командируютъ съ ними плацъ-адъютанта для отвода того, что окажется сколько нибудь подходящимъ. Ыдемъ втроемъ въ обширной коляскѣ, запряженной парой добрыхъ выкормковъ — обыкновенный типъ мѣстныхъ извозчиковъ. Въ Екатеринодарѣ, какъ на всемъ богатомъ конскимъ матеріаломъ югѣ Россіи, всѣ извозчики парные, и эта былая роскошь какимъ то чудомъ еще сохранилась.

Ыдемъ по городу изъ конца въ конецъ по его широчайшимъ, окаймленнымъ низкими двухъэтажными домиками улицамъ, Ыдемъ долго и упорно: гдѣ помѣщеніе уже занято — кѣмъ неизвѣстно, гдѣ его вообще никогда не было, а гдѣ оно состоитъ изъ неотопливаемой и совершенно пустой комнаты.

Извозчикъ нашъ начинаетъ ворчать, а плацъ-адъютантъ на какой то площади соскакиваетъ на мостовую, говоря съ милой улыбкой: «вы видите сами — ничего нѣтъ», и мигомъ исчезаетъ.

Положеніе становится трагическимъ. День, хотя и погожий, но на дворѣ ноябрь и мы порядочно продрогли. Но судьба лишь рѣдко оставляетъ людей въ безвыходномъ положеніи. Ыдемъ на главную улицу, издавна именуемую Красной, очевидно, не въ честь излюбленнаго большевиками цвѣта, а чтобы отмѣтить ея предполагаемую красоту, и случайно натыкаемся на знакомаго Шебеко, который сейчасъ беретъ насъ устроить въ домѣ и семьѣ знакомаго ему мѣстнаго присяжнаго повѣреннаго. Семья оказывается на рѣдкость гостепріимной и немедленно насъ устраиваетъ въ кабинетѣ хозяина.

Итакъ, первое достигнуто — кровъ есть. Спѣшимъ почиститься съ дороги и пойти на розыски мѣстопробыванія предержавшихъ властей. Оказывается, однако, что главнокомандующій Деникинъ на фронтѣ, гдѣ происходятъ въ районѣ Торговой упорные бои, и неизвѣстно, когда вернется; гражданскими дѣлами вѣдаетъ его помощникъ по этой части генераль М. Драгомировъ, состоящій одновременно председателемъ образованнаго при арміи политическаго совѣщанія, составленнаго изъ общественныхъ дѣятелей, преимущественно кадетской партіи.

Военнымъ дѣломъ, на правахъ военнаго министра, вѣдалъ генераль А. С. Лукомскій. Послѣдняго я зналъ въ Петроградѣ, когда онъ, въ качествѣ помощника военнаго министра Поливанова, часто его замѣщаль на креслѣ председателя осо-

баго совѣщанія по оборонѣ, при чемъ велъ его засѣданія съ большимъ тактомъ и знаніемъ дѣла. Къ нему я первымъ дѣломъ и отправился, при чемъ тотчасъ убѣдился въ полнѣйшей бесполезности нашей поѣздки въ отношеніи намѣченной цѣли.

Получилъ я тутъ же и образчикъ того, что представляетъ Добровольческая армія, какъ относительно характера господствующей въ ней воинской дисциплины, такъ и нѣкоторыхъ ея внутреннихъ чертъ.

Образчикъ перваго давалъ часовой, находившійся на площадкѣ лѣстницы, ведущей въ помѣщеніе, занимаемое управленіемъ арміи. Часовой этотъ отнюдь не стоялъ на часахъ, а расположился на находившемся на этой площадкѣ рундукѣ, положивъ ружье себѣ на колѣни; на этомъ же рундукѣ рядомъ, на сколько это позволяло покоящееся на колѣняхъ солдата ружье, далеко выдающееся въ одну сторону прикладомъ, а въ другую примкнутымъ штыкомъ, расположилось нѣсколько дожидавшихся приѣма офицеровъ.

Образчикъ втораго давала приемная генерала. Она была переполнена военными различныхъ чиновъ: тутъ были и старые генералы и почти безусые поручики, а среди нихъ порхалъ типичный, столь извѣстный петербургскимъ приемнымъ крупныхъ военныхъ чиновъ — адъютантъ. Однимъ онъ обращалъ любезныя фамиллярныя улыбки, другимъ исполненныя епецифической военной корректности, смѣшанной съ выраженіемъ неподдающейся описанію собственной значительности, краткія реплики.

Итакъ, съ одной стороны отсутствіе элементарной военной дисциплины, а съ другой всѣ старые порядки, столь ярко описанные Толстымъ въ «Войнѣ и Мирѣ», при которыхъ маленькій военный чинъ центра или тыла чувствовалъ себя и фактически былъ выше старыхъ заслуженныхъ воиновъ, служащихъ въ строю или вообще на фронтѣ.

Что касается моего разговора съ Лукомскимъ, то онъ былъ кратокъ, такъ какъ я съ первыхъ словъ почувствовалъ не только враждебность къ тѣмъ идеямъ, которыя мы были посланы проводить (единеніе съ Украиной и Дономъ), но и нѣкоторую досаду по поводу самаго нашего приѣзда.

Досада эта, насколько я могъ понять, была вызвана разными причинами. Во-первыхъ, вліяло въ этомъ отношеніи то обстоятельство, что въ центрѣ добровольческой арміи чуть не ежедневно появлялись самыя разнообразныя лица, причемъ всѣ преподавали совѣты, подчасъ излагаемые въ императивной, категорической формѣ, при неисполненіи которыхъ, по ихъ утвержденію, всѣ усилія арміи будутъ бесплодны. Одновременно большинство этихъ лицъ стремилось такъ или иначе пристроиться къ управленію при арміи, обезпечивъ себѣ тѣмъ самымъ, хотя и скуднымъ, но все же достаточнымъ для существованія средства.

Но были, думается, и особыя причины, по которымъ управленіе арміей смотрѣло съ досадой на нашъ съ Шебеко приѣздъ. Мы представляли, по условіямъ времени, какъ ихъ понимало командованіе арміи, слишкомъ правые элементы, всякая связь съ которыми была компрометантна. Управленіе арміей, провозгласившее принципъ аполитизма, на дѣлѣ въ политическомъ отношеніи было подъ гипнозомъ кадетской партіи въ лицѣ тѣхъ же ея видныхъ членовъ, которые не погубили своей репутаціи участіемъ во временномъ правительствѣ и нынѣ входили въ составъ образованнаго при арміи политическаго совѣщанія. Отдѣльные члены этого совѣщанія завѣдывали на правахъ министровъ различными отраслями гражданскаго управленія.

Любопытно, что при этомъ само командованіе арміи было опредѣленно праваго образа мыслей и даже не было склонно его мѣнять, но мыслило оно нужнымъ проводить правыя мѣропріятія хотя бы относительно лѣвыми руками.

Съ своей стороны собравшіеся къ Екатеринодарѣ кадеты были озабочены прежде всего захватомъ власти въ свои руки. Не обладали они однако какимъ либо административнымъ опытомъ и совершенно не постигали, что власть вовсе не такая особа, которая принадлежитъ всякому, кому она формально вручена.

Главное же опасеніе лицъ, такъ или иначе достигшихъ участія въ гражданскомъ управленіи, образованномъ при арміи, которое не сегодня — завтра превратится во всероссийское правительство, состояло въ томъ, какъ бы къ этой власти не проникли представители стараго режима. Это опасеніе, близкое къ чувству страха, они стремились внушить командованію арміи. «Вы, де, уже сами по себѣ, говорили они, въ качествѣ генераловъ прежней императорской арміи, достаточно подозрительны населенію, свергнувшему старый строй. Чтобы быть пріемлемыми для страны, вы должны окружить себя опредѣленно прогрессивными элементами того единственнаго толка, который, будучи любъ населенію, одновременно обладаетъ государственнымъ пониманіемъ народныхъ интересовъ. Подобнымъ элементомъ являемся единственно мы, ибо мы и только мы можемъ провести крупныя соціальныя реформы, настоятельно требуемыя населеніемъ. Правые такихъ реформъ никогда не осуществятъ, а лѣвые осуществятъ ихъ въ такой мѣрѣ и такими способами, которые не совмѣстимы съ условіями существованія современныхъ человѣческихъ обществъ».

Отрицать внѣшнюю справедливость подобныхъ заявленій едва ли можно. Упущалась лишь изъ виду малая пригодность для административной дѣятельности, въ особенности въ создавшихся чрезвычайныхъ условіяхъ, сосредоточившагося при арміи общественнаго элемента. Это были политики, а нужны были техники и это тѣмъ болѣе, что для большинства населенія вопросъ сводился уже въ ту пору не къ осуществленію соціальныхъ реформъ, а къ водворенію въ странѣ тишины и спокойствія, т. е. такихъ условій, при которыхъ оно могло бы вернуться къ своимъ мирнымъ занятіямъ, не имѣя надъ собой постоянной угрозы разоренія и физическаго насилія¹).

Что касается мысли о тѣснѣйшемъ объединеніи съ Дономъ и Украиной, то она была въ то время для Добровольческой арміи совершенно непріемлема. Только что выяснилось торжество державъ согласія надъ австро-германскими полчищами. Объединяться при такихъ условіяхъ съ созданной германской силой и на ней держащейся Украиной и поддерживавшимъ дружественныя сношенія съ Германіей Дономъ не было, казалось, никакого смысла.

Особенной враждебностью отличалось отношеніе Добровольческой арміи къ Донскому атаману. Чѣмъ оно было вызвано, мы, конечно, не могли выяснить, но сказывалось оно не только опредѣленно, но и рѣзко. Лукомскій мнѣ даже сказалъ, что отъ арміи всецѣло зависитъ смѣнить атамана Краснова и посадить на его мѣсто генерала Богаевского. «Это дѣло 24 часовъ, прибавилъ Лукомскій, и возможно, что мы къ этому прибѣгнемъ».

Управленіе арміи собиралось пожать плоды столь ревниво соблюдавшейся ею лояльности къ союзникамъ, и пребывала въ наивной, но твердой увѣренности, что державы Антанты не преминутъ оказать неограниченную помощь той Россіи, которую она представляла, Россіи — вѣрной союзницѣ въ міровой войнѣ, въ

¹ Именно въ качествѣ представителей порядка встрѣчало населеніе съ восторгомъ Добровольческую армію при ея продвигеніи лѣтомъ 1919 года къ Москвѣ, а провожало оно ее при обратномъ отступленіи не только безъ огорченія, но едва ли не съ радостью, такъ какъ вполне въ своихъ надеждахъ разочаровалось.

теченіе трехъ лѣтъ оказавшей имъ цѣною огромныхъ жертвъ не малую по мощь¹⁾).

На союзниковъ командованіе арміи рассчитывало, исходя кромѣ того изъ положенія, казавшагося для многихъ непреложнымъ, что Западъ не преминетъ оказать поддержку той силѣ, которая, низвергнувъ монархію, заявитъ твердое намѣреніе установить въ Россіи родственннй ему либерально демократическій строй.

Соображеніе это убѣждало командованіе арміи и рѣшительно отстраняться отъ сколько нибудь правыхъ общественныхъ элементовъ, такъ какъ самая помощь Антанты ставилась ею въ зависимость отъ степени демократичности политическихъ противниковъ большевизма.

Надо признать, что соображеніе это въ то время было правильное. Западъ, подразумѣвая подъ нимъ Францію, дѣйствительно охотнѣе бы оказалъ помощь представителямъ февральскаго переворота, нежели сторонникамъ стараго строя. Положеніе это учитывали и монархисты; въ соотвѣтствіи съ этимъ они отчасти перелицевывались въ демократовъ, воздерживаясь отъ провозглашенія своихъ монархическихъ убѣжденій, отчасти отстранялись отъ политической работы, и сами выдвигали впередъ представителей буржуазной демократіи.

Тѣмъ не менѣе безнадежность успѣха бѣлаго движенія послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Екатеринодарѣ для меня стала очевидной. Неопытность еще вчера чуждыхъ всякой политики и плохо въ ней разбиравшихся начальниковъ второстепенныхъ по значенію воинскихъ единицъ сказывалась и въ ихъ словахъ, и въ дѣйствіяхъ. Особенно ярко она проступала въ томъ весьма сложномъ положеніи, которое создавалось для Добровольческой арміи вслѣдствіе отсутствія у нея собственной территоріи.

¹⁾ Взглядъ этотъ, какъ я уже упомянулъ, свидѣтельствовалъ о маломъ знакомствѣ этихъ вождей съ исторіей, хотя бы за послѣдній вѣкъ. Въ то время онъ все же былъ понятенъ и психологически, пожалуй, неизбеженъ. Еще слишкомъ недавно вожди Добровольческой арміи видѣли въ германцахъ непримиримыхъ враговъ Россіи, чтобы вступить съ ними въ какія либо договорныя отношенія. Брестъ-Литовскій миръ, присутствіе германцевъ на Украинѣ и даже на всемъ югѣ Россіи, наконецъ уже вполне обнаружившееся дѣятельное участіе Германіи въ дѣлѣ насажденія большевизма въ Россіи, не могли вызывать къ нимъ иныхъ чувствъ, кромѣ ненависти и крайняго недовѣрія, хотя, разумѣется, никто о любви къ нѣмцамъ не говорилъ, а имѣли въ виду ихъ использовать въ качествѣ оружія для сверженія большевиковъ цѣною отказа отъ всякой попытки дальнѣйшей помощи союзникамъ, помощи, которой, кстати сказать, Россія не имѣла никакой возможности оказать. Но повторяю, всѣ эти чувства къ Германіи со стороны вождей Добровольческой арміи были въ то время понятны. Предъявлять къ нимъ, чуждымъ въ ихъ прошлой, узко военной дѣятельности всякаго государственнаго опыта, требованіе обладать умомъ и способностями Талейрана просто смѣшно. Но когда нынѣ по прошествіи многихъ лѣтъ одинъ изъ вождей этой арміи генераль Деникинъ въ своихъ «Очеркахъ русской смуты» продолжаетъ поддерживать тотъ взглядъ, что никакія соглашенія съ Германіей въ ту пору не были допустимы, и клеймитъ Донскаго атамана Краснова за то, что онъ поддерживалъ дружественныя сношенія съ Германіей, хотя благодаря этимъ сношеніямъ Добровольческая армія черезъ посредство того же Краснова получила отъ нѣмцевъ часть своего вооруженія и боевыхъ припасовъ, то перестаешь удивляться тому, что Добровольческой арміи, невзирая на всю ея доблесть, не удалось свергнуть большевиковъ.

Дѣйствительно, послѣ всѣхъ дѣйствій «союзниковъ» по отношенію къ Россіи за истекшія со времени прекращенія войны годы, послѣ того, какъ эти же союзники единственнымъ препятствіемъ къ соглашенію съ большевиками признавали отрицаніе ими заключенныхъ русскимъ государствомъ иностранныхъ долговъ и нежеланіе вернуть иностранцамъ отнятыя ими у нихъ недвижимыя имущества, самый же фактъ заключенія большевиками преждевременнаго мира съ Германіей, имѣвшаго дѣйствительно характеръ предательства, не ставится имъ вовсе въ вину и либо замалчивается, либо даже перекидывается на бывшую государственную Россію, то, казалось бы, можно придти къ выводу, что отказъ отъ всякихъ переговоровъ съ Германіей со стороны вождей Добровольческой арміи былъ поступкомъ, основаннымъ на благородствѣ, но политически ошибочнымъ.

Установить прочныя нормальныя отношенія къ Кубани и ея правительству можно было двумя способами: либо насильственнымъ подавленіемъ кубанскаго сепаратизма и завладѣніемъ всей полнотой власти въ краѣ, либо, наоборотъ, полнымъ невмѣшательствомъ въ дѣла мѣстнаго гражданскаго управленія и хотя бы временнымъ, но безоговорочнымъ признаніемъ ея политической самостоятельности.

Избрали средній путь и естественно запутались въ политическихъ компромиссахъ, что и привело къ постепенному обостренію отношеній между арміей и кубанскими мѣстными властями.

Да, Деникинъ, Лукомскій, Драгоміровъ и ихъ предшественники Алексѣевъ и доблестный Корниловъ это — лучшее въ смыслѣ горячаго патриотизма и дѣйственной энергии, что выставила императорская армія послѣ крушенія монархіи, но, увы, это лучшее, въ смыслѣ разумѣнія міровыхъ событій, въ отношеніи организаціи національно-русскаго ядра, представляло силу, хотя и незаурядную, но тѣмъ не менѣе не отвѣчающую тѣмъ исключительнымъ требованіямъ, которыя предъявляли чрезвычайныя событія. Событія были сильнѣе ихъ: они требовали людей, быть можетъ, и менѣе горячо любящихъ родину, менѣе беззавѣтно преданныхъ дѣлу, которому они себя посвятили, но глубже понимающихъ истинный смыслъ совершающагося, болѣе искушенныхъ въ политическихъ хитросплетеніяхъ. «Das politische Lied ist ein eckiges Lied».

Въ вопросѣ объ объединеніи съ Дономъ и Украиной и сближеніемъ съ Германіей вожди Добровольческой арміи не понимали, что смыслъ его состоялъ въ томъ, чтобы воспользоваться уже несомнѣнно приближавшимся къ концу пребываніемъ германскихъ войскъ въ предѣлахъ Россіи и при ихъ помощи создать мощную военную русскую силу, хотя бы въ смыслѣ имѣющагося у нея вооруженія за счетъ того военнаго матеріала, который югъ Россіи еще заключалъ и который при иныхъ условіяхъ неизбежно долженъ былъ попасть въ руки большевиковъ, какъ это вскорѣ и произошло.

Если военный элементъ арміи и не былъ на высотѣ стоявшей передъ ней труднѣйшей задачи, то не проникательнѣе были и избранные арміей въ ея политическіе руководители второстепенные члены партіи, только что испытавшей политическое поражение въ лицѣ составившихъ временное правительство духовныхъ ея вождей.

Ни тѣ, ни другіе не оцѣнивали въ достаточной степени силы большевизма. Гибель въ ближайшемъ будущемъ большевиковъ для нихъ была внѣ сомнѣнія, а потому они не только не искали союзниковъ и сотрудниковъ внѣ тѣснаго круга уже такъ или иначе прилѣпившихся къ арміи, а наоборотъ чурались подобнаго сотрудничества.

Степени нежеланія собравшихся въ Екатеринодарѣ членовъ кадетской партіи расширить свой кругъ яркій примѣръ дало ихъ отношеніе къ побывавшему тамъ, передъ самымъ нашимъ пріѣздомъ, Милюкову. Подъ предлогомъ все той же проявленной имъ германской оріентаціи, которую, кстати сказать, они же и раздули, они вынудили Милюкова тотчасъ уѣхать изъ центра арміи, естественно опасаясь, что въ его присутствіи ихъ авторитетъ и значеніе тотчасъ поблекнутъ.

Что касается соглашенія съ другими, враждебными большевизму русскими общественными силами, то они его рѣшительно отвергали. Дѣлиться властью съ кѣмъ либо они отнюдь не желали. Не малую роль игралъ тутъ и страхъ утратить тѣ «завоеванія революціи», которыя привели ихъ не столько къ власти, сколько къ видимости власти.

Въ порядкѣ борьбы съ большевизмомъ демагогія казалась имъ по прежнему главнымъ ихъ козыремъ, выигрышнымъ конемъ, и они не понимали, что на этомъ ри-

сталищѣ они своихъ противниковъ никоимъ образомъ обскакать не могутъ, что больше посуловъ, нежели надавали большевики, никто дать не можетъ.

Они хотѣли плыть по тому теченію, по которому плыли большевики, не обладая ни той вѣрой въ это теченіе, которой вдохновлялись идейные вожди большевизма, ни той безпринципной аморальной дерзостью, которая составляетъ основную силу большевизма, его отличительный признакъ, самую его сущность.

Получалось такое странное положеніе, что бѣлое движеніе не противопоставляло лозунговъ, обратныхъ большевицкимъ, а принимало его же лозунги, но въ окороченномъ, куцомъ видѣ.

Большевики обѣщали все. Бѣлые шли съ обѣщаніемъ части того же все. Но еще не видано, чтобы кто либо предпочелъ часть чего либо его цѣлому, если только это цѣлое признается за благо; не видано въ особенности для русской природы, неизмѣнно добивающейся чего то въ его интегральномъ видѣ. Ужъ если забирать чужое добро, то все, а не часть его, ужъ если попирать чужія права, то всѣ, а не часть ихъ. Ужъ если измѣнять существующій соціальный строй, то до корня, а не только нѣкоторыя его внѣшнія проявленія.

Мое первое впечатлѣніе, вынесенное изъ разговора съ Лукомскимъ, по мѣрѣ ознакомленія съ общей обстановкой въ Екатеринодарѣ и фигурировавшими тамъ на политической сценѣ личностями, лишь укрѣпилось. Намъ опасались рѣшительно всѣ и желали лишь одного — нашего скорѣйшаго отъѣзда. Не встрѣчало сочувствія и привезенное нами изъ Кіева предположеніе объ установленіи постоянной связи между образовавшимся въ Кіевѣ совѣтомъ національнаго объединенія, включавшаго однако многихъ представителей той же кадетской партіи и Добровольческой арміи.

Возникло, повидимому, опасеніе, что связь даже съ чисто русскими организаціями, коль скоро онѣ находятся въ Кіевѣ, затемнитъ бѣлыя ризы Добровольческой арміи въ смыслѣ ея вѣрности союзникамъ въ виду того, что Кіевъ находится въ сферѣ германской оккупациі.

Драгомировъ старался даже опорочить значеніе образовавшагося въ Кіевѣ совѣта объединенія, а въ частности и того объединенія членовъ законодательныхъ палатъ, отъ котораго мы были посланы, указывая на то, что въ нашей средѣ нѣтъ даже б. председателя государственной думы — Родзянко. Заявленіе это было довольно неожиданное: Родзянко проживалъ въ это время въ Екатеринодарѣ, но армія его всячески чуралась и ни въ какія сношенія съ нимъ не входила. Мы не преминули указать на это странное противорѣчіе: съ одной стороны Родзянко неприемлемъ, съ другой — его отсутствіе въ составѣ парламентской группы лишаетъ эту группу значенія.

При нашихъ разговорахъ съ Драгомировымъ дважды присутствовалъ только что вызванный изъ Крыма для завѣдыванія внѣшними сношеніями С. Д. Сазоновъ, но за все время не обронилъ онъ ни единого слова; стороною же мы узнали, что Сазоновъ, искони пропитанный англофильскими чувствами, тоже высказывался противъ объединенія съ Украиной и Дономъ, какъ находящимися въ сношеніяхъ съ Германіей.

Высказывался онъ, повидимому, и противъ установленія связи съ Кіевскимъ совѣтомъ объединенія, видя въ немъ организацію слишкомъ правую. Выказалъ при этомъ Сазоновъ большую незлобивость. Смѣщенный съ поста посла въ Великобританіи (на который онъ былъ назначенъ царскимъ правительствомъ, но фактически занять который до наступленія революціи не успѣлъ) тѣмъ самымъ Милюковымъ, котораго онъ же такъ лелѣялъ въ бытность министромъ иностранныхъ дѣлъ, онъ остался однако вѣренъ своимъ кадетскимъ симпатіямъ и очевидно полагалъ воз-

возможнымъ возсоздать разрушенную россійскую храмину одними кадетскими руками.

Не встрѣтили мы союзника въ вопросѣ о сближеніи съ Украиной и въ лицѣ В. В. Шульгина. Весь сотканный изъ чувствъ, онъ не могъ переварить присутствія въ родномъ ему Кіевѣ германцевъ и ихъ ставленника гетмана, а посему рѣзко возражалъ противъ всякихъ сношеній съ нимъ.

Единственное лицо изъ политическаго міра, которое раздѣляло наши взгляды, былъ Н. Н. Львовъ. Онъ издавалъ въ Екатеринодарѣ газету «Великая Россія», обладалъ значительно болѣе широкимъ политическимъ горизонтомъ и вполне сознавалъ, что присутствіе большевиковъ въ ту пору въ Москвѣ зиждилось не на ихъ силѣ, а на безсиліи русскихъ государственно настроенныхъ организацій, происходящемъ отъ раздробленности.

Въ конечномъ результатѣ все же удалось сговориться на томъ, что въ Екатеринодарѣ будетъ послана постоянная делегація отъ Кіевского совѣта національнаго объединенія, при условіи однако, чтобы совѣтъ этотъ перенесъ свое мѣстопробываніе въ какой либо иной центръ, находящійся внѣ мѣста пребыванія германскаго командованія. Впослѣдствіи это и было осуществлено. Совѣтъ національнаго объединенія съ занятіемъ Кіева петлюровцами силою вещей переѣхалъ въ Одессу, и отъ него были делегированы въ Екатеринодарѣ бар. Меллеръ и б. членъ государственной думы Н. В. Савичъ, который и вошелъ въ составъ политическаго при арміи совѣщанія и оставался въ немъ до конца его существованія.

Пытались мы сговориться и съ находящимися въ Екатеринодарѣ представителями кадетской партіи, но, кромѣ обоюднаго бесплоднаго упражненія въ діалектикѣ, ничего не достигли.

Если политическая обстановка въ Екатеринодарѣ произвела на насъ неблагоприятное впечатлѣніе въ особенности вслѣдствіе столь ярко проявившихся тамъ личныхъ честолюбій, то не радовало и то, что доходило съ фронта, хотя это былъ періодъ боевыхъ успѣховъ добровольцевъ.

Въ особенности тяжелое впечатлѣніе произвело на меня сказанное мнѣ однажды Лукомскимъ.

Зайдя къ нему, чтобы узнать какія вѣсти съ фронта, гдѣ велись упорные бои, насколько помнится, по направленію къ Царицыну, я узналъ, что вѣсти вполне хорошія — между прочимъ взято въ плѣнъ что то около пятисотъ человѣкъ.

— «Развѣ это такъ много?» спросилъ я.

— «Очень. Вѣдь мы плѣнныхъ не беремъ. Это обозначаетъ, что руки рубить устали», и тутъ же добавилъ: «мы этому, конечно, не сочувствуемъ и стараемся препятствовать, но озлобленіе среди нашихъ войскъ столь сильно, что ничего въ этомъ отношеніи подѣлать нельзя».

Признаюсь, я удивился такому заявленію, но когда черезъ нѣсколько дней увидѣлъ на вокзалѣ взятаго донцами въ плѣнъ командовавшаго какой то большевицкой частью генерала Н. (преданный суду онъ впослѣдствіи былъ оправданъ), то испыталъ чувство столь невыразимо-сильнаго отвращенія къ этому незнакомому мнѣ лицу, что вполне понялъ тѣ чувства, которыя не могли не испытывать по отношенію къ большевикамъ добровольцы, ежедневно видѣвшіе творимые ими ужасы.

Боевого офицерства мы въ Екатеринодарѣ, конечно, почти не видѣли. Однако, несмотря на удаленность отъ боевого фронта, Екатеринодаръ былъ переполненъ офицерствомъ, къ сожалѣнію не только бѣдно, но и неряшливо одѣтымъ. Офицерство это между прочимъ особенно охотно посѣщало кондитерскую, находившуюся на Красной улицѣ. Здѣсь можно было за нимъ наблюдать чуть ли не въ любой часъ

дня. Прислушиваясь здѣсь къ разговорамъ и присматриваясь къ офицерству, у меня прежде всего создалось впечатлѣніе не столько нѣкоторой разнузданности, сколько кустарности добровольческой организаціи.

Впечатлѣніе это еще усилилось, когда я узналъ отъ радостно настроеннаго Шульгина, что только что прибылъ офицеръ, принадлежащій къ какой то конспиративной организаціи, которой Шульгинъ завѣдывалъ, и привезъ въ чемоданъ часть пулемѣта, говоря, что остальную его часть на дняхъ привезетъ другой офицеръ. Если армія вынуждена пополнять свое вооруженіе такимъ путемъ, подумалъ я, то далеко она не уйдетъ, и одновременно еще выше оцѣнилъ, еще больше проникся уваженіемъ къ неоспоримой доблести составлявшихъ армію элементовъ, но вѣра въ успѣхъ предпріятія еще болѣе ослабѣла.

Не достигши никакихъ реальныхъ результатовъ, какъ это легко было предвидѣть заранѣе, двинулись мы послѣ десятидневнаго пребыванія въ Екатеринодарѣ въ обратный путь. Вынудили насъ ускорить нашъ отъѣздъ полученныя нами тревожныя свѣдѣнія о положеніи Кіева, гдѣ остались наши семьи. Спѣша въ виду этого въ Кіевъ, мы могли заѣхать по пути въ Новочеркасскъ лишь на одинъ день. При такихъ условіяхъ наши впечатлѣнія о Новочеркасскѣ могли быть лишь мимолетными и тѣмъ не менѣе они были вполне опредѣленные.

Съ самага момента приѣзда въ Новочеркасскъ мы почувствовали себя въ иной атмосферѣ — въ атмосферѣ спокойствія и нормальной, скажу прямо, прежней русской жизни. Начиная съ вокзала желѣзной дороги, гдѣ царствовалъ отмѣнный порядокъ, и продолжая извозчикомъ, который безъ торга, по установленной таксѣ повезъ насъ къ атаманскому дворцу куда мы непосредственно отправились — все отражало присутствіе твердой хозяйской руки. У двора стояли парные часовые, и одинъ ихъ наружный видъ свидѣтельствовалъ о наличности старой воинской дисциплины. Самый дворецъ послѣ Екатеринодарскихъ загрязненныхъ присутственныхъ мѣстъ порадовалъ своей чистотой и опрятностью. Большой залъ засѣданій былъ увѣшанъ писаными масляными красками портретами русскихъ императоровъ и б. наказныхъ атамановъ войска Донского. Глава Всевеликаго Дона очевидно не чурался прошлаго.

Къ намъ вышелъ корректный, вѣжливый офицеръ, вѣроятно, ординарецъ атамана, и объяснилъ, что атаманъ сейчасъ занятъ въ совѣтѣ, а на наше заявленіе, что мы вынуждены въ тотъ же день уѣхать и посему желали бы видѣть генерала Краснова сегодня же, сказалъ, что тотчасъ же доложить атаману о нашемъ желаніи. Дѣйствительно черезъ нѣсколько минутъ офицеръ вернулся и сказалъ, что атаманъ насъ приметъ въ семь часовъ вечера. Все это мелочи, но они характеризовали тонъ мѣстнаго управленія.

Мы воспользовались свободнымъ временемъ, чтобы пообѣдать въ лучшей, но довольно скромной гостиницѣ, гдѣ за весьма умѣренную, по сравненію съ Екатеринодарскими, цѣну мы получили сытный обѣдъ.

Въ Новочеркасскѣ поражало въ особенности отсутствіе всякой внѣшней суеты; городъ жилъ нормальной жизнью провинціальнаго губернскаго центра. Не видно было и того, заполнявшаго вся и все въ Екатеринодарѣ, множества праздно гуляющаго офицерства. Наружно ни въ чемъ не сказывалось нахожденіе здѣсь команднаго центра области, состоящей въ непрестанной борьбѣ съ ожесточеннымъ противникомъ и спѣшно подготовляющей и воспитывающей новыя войсковыя единицы. Работа очевидно кипѣла не на улицѣ, не въ кофейняхъ и ресторанахъ, а тамъ, гдѣ она приводила къ немедленнымъ реальнымъ результатамъ.

Въ назначенный часъ мы были вновь во дворцѣ у атамана, который насъ принялъ, если не холодно, то сдержанно. Лично мы съ нимъ до тѣхъ поръ не были знакомы и сдержанность его была вполне понятна.

Ознакомившись съ цѣлью нашего посѣщенія и молча, но внимательно выслушавъ высказанныя нами соображенія, онъ весьма немногословно сказалъ, что вполне признаетъ необходимость тѣснаго единенія между тремя создавшимися на югѣ Россіи государственными новообразованіями и съ своей стороны давно къ этому стремится. Упомянулъ онъ про сыплющіяся на него нападки за его сношенія съ германцами, что не мѣшаетъ, подчеркнул онъ, Добровольческой арміи принимать отъ него оружіе и боевые припасы, которые онъ получаетъ отъ тѣхъ же нѣмцевъ.

«Мнѣ предоставляютъ, сказалъ Красновъ, мыть это оружіе въ водахъ тихаго Дона и затѣмъ настойчиво требуютъ его чуть что не цѣлостной передачи въ распоряженіе Добровольческой арміи, не переставая при этомъ меня же осуждать за мои будто бы германофильскія чувства».

Бесѣда съ донскимъ атаманомъ произвела на насъ наилучшее впечатлѣніе. Мы видѣли передъ собой государственно мыслящаго человѣка, преслѣдующаго лишь одну цѣль — возстановленіе развалившагося государства — и пользующагося для достиженія этой цѣли всѣми доступными ему средствами, не поддаваясь никакимъ постороннимъ чувствамъ и вполне сознавая, что безъ нѣкоторыхъ искупительныхъ жертвъ русскій народъ не въ состояніи возродить свое государственное бытіе.

Прямо отъ генерала Краснова проѣхали мы на поѣздъ, гдѣ получили новое доказательство авторитетности атаманской власти. На вокзалѣ насъ встрѣтилъ какой то желѣзнодорожный чинъ и тотчасъ провель въ предоставленное намъ отдѣленіе вагона. Это весьма мелкое обстоятельство насъ тѣмъ болѣе поразило, что въ Екатеринодарѣ произошло приблизительно обратное. Несмотря на сдѣланное генераломъ Драгомировымъ распоряженіе о предоставленіи намъ отдѣльнаго купэ, мы такового не только не получили, но вообще лишь съ трудомъ заручились мѣстомъ въ переполненномъ нахлынувшей на него публикой поѣздѣ, идущемъ въ Ростовъ.

IV.

Возвращеніе въ Кіевъ. Посѣщеніе гетмана. Какъ возникло Яское совѣщаніе? Поѣздка въ Яссы. Типичныя особенности совѣщанія въ Яссахъ. Одесса и ея настроенія. Консулъ Эно. Отплытіе делегации въ Константинополь.

Нашъ обратный путь въ Кіевъ ничѣмъ не былъ отмѣченъ. Ъхали мы на этотъ разъ черезъ Харьковъ, переименованный въ Хірківъ, о чемъ гласила огромная вывѣска, замѣнившая старыя вокзальныя надписи. Въ Харьковѣ, гдѣ мы провели цѣлый день, такъ же какъ и въ Кіевѣ, вся украинизація сводилась къ перемѣнѣ нѣкоторыхъ публичныхъ надписей. Ни одинаго звука на украинскомъ языкѣ мы здѣсь не слышали.

Въ Кіевѣ, куда мы прибыли уже послѣ полученія тамъ извѣстій, какъ о заключеніи перемирія, положившаго конецъ міровой войнѣ, такъ и о бѣгствѣ отрешающагося отъ престола германскаго императора, мы нашли большую перемѣну. Утратившій германскую опору гетманъ поспѣшилъ измѣнить свое отношеніе къ Россіи. Исключивъ изъ состава своего правительства всѣ бывшіе въ немъ украинскіе элементы, онъ объявилъ, что почитаетъ Украину за недѣлимую часть Россіи, но это лишь ускорило его паденіе, ибо окончательно оттолкнуло отъ него искреннихъ украинофиловъ, которыхъ все же было нѣкоторое, довольно вліятельное въ краѣ, количество.

Въ Бѣлой Церкви тотчасъ объявились повстанческія недурно вооруженныя банды, которыя возглавлялъ Петлюра.

Образованные бывшимъ опредѣленно украинофильскимъ министромъ путей сообщенія желѣзнодорожные батальоны также немедленно проявили свои украинско-большевицкія чувства и перестали подчиняться гетманской власти, а никогда не вѣрившее въ искренность гетмана, заполнявшее Кіевъ русское офицерство, составившее добровольческіе отряды для защиты Кіева, лишь неохотно шло на жертвы для поддержанія чуждой ему власти.

Трудное положеніе Скоропадскаго внезапно осложнилось еще однимъ инцидентомъ. Представитель генерала Деникина въ Кіевѣ генераль Ламповскій издалъ ни на чемъ не основанный приказъ, предлагавшій русскому офицерству, образовавшему въ Кіевѣ добровольческіе отряды, провозгласить себя частью добровольческой арміи и подчиняться лишь исходящимъ отъ нея приказамъ.

Одновременно проявилось и разложеніе германскихъ бывшихъ въ Кіевѣ войскъ, и вскорѣ приняло явно революціонный характеръ. Образовались солдатскіе совѣты въ воинскихъ частяхъ, которые и стали во главѣ командованія. Офицерскія собранія были упразднены и офицеры принуждены кормиться изъ общаго солдатскаго котла и нести караульную службу наравнѣ съ нижними чинами, чему они поспѣшили безропотно подчиниться. Какъ говорили тогда въ Кіевѣ, «свернули они свои одѣялки и поплелись въ разныя, разбросанныя по городу караульныя помѣщенія».

Несмотря на то, что разложеніе германскихъ войскъ оставляло Кіевъ въ почти беззащитномъ положеніи отъ петлюровскихъ бандъ, все же оно вызвало въ русскихъ кругахъ нескрываемое удовольствіе. «Что, молъ, и вы, пруссаки, столь гордые желѣзной дисциплиной вашихъ войскъ, попались; подѣломъ вамъ, усердно насаждавшимъ у насъ большевизмъ». Надо, однако, признать, что разложеніе германскихъ войскъ носило иной характеръ, чѣмъ у насъ. Не только не сопровождалось убійствомъ офицеровъ, но мало отразилось на самой дисциплинѣ; фактически все съелось къ замѣнѣ власти офицеровъ властью выбранныхъ солдатами изъ своей среды комитетовъ, въ составъ которыхъ вошло много интеллигентовъ. Комитеты эти строго наблюдали за сохраненіемъ порядка въ воинскихъ частяхъ, и это имъ въ значительной степени удавалось.

Вотъ когда ярко сказалась дисциплинированность германской націи и высота ея культурнаго уровня, выявилась и основная причина безчинствъ, творимыхъ захваченными большевизмомъ русскими народными массами — ихъ безпросвѣтное невѣжество.

Узнавъ о моемъ возвращеніи въ Кіевъ, предсѣдатель украинскаго совѣта министровъ С. Н. Гербель попросилъ меня проѣхать къ гетману для разъясненія ему, въ связи съ приказомъ, изданнымъ Ламповскимъ, отношенія Добровольческой арміи къ Украинѣ. Во дворцѣ, занимаемомъ гетманомъ, я засталъ Гербеля и министра внутреннихъ дѣлъ Кистяковскаго, и мы втроемъ вошли въ кабинетъ правителя края. Скоропадскаго до тѣхъ поръ я никогда въ глаза не видѣлъ, а потому былъ до крайности пораженъ одной его тотчасъ обнаружившейся основной чертой — невѣроятной болтливостью. Онъ рѣшительно не давалъ возможности своимъ собесѣдникамъ спокойно промолвить хотя бы нѣсколько словъ. Напрасно Гербель старался прервать потокъ его краснорѣчія; дальше обращенія «пане хетмаиъ», какъ онъ его величалъ, ему не удавалось сколько нибудь продолжить свою рѣчь.

Я опредѣленно заявилъ, что никакихъ распоряженій генераль Деникинъ о распространеніи власти добровольческой арміи на находящееся въ Кіевѣ русское офицерство не отдавалъ и, повидимому, не собирался отдавать. Меня попросили разъ-

яснить это вызванному во дворецъ генералу Ламповскому, который и былъ послѣ этого введенъ въ кабинетъ, гдѣ мы находились

Ламповскій, котораго я въ жизни тоже никогда не видѣлъ, оказался весьма тихимъ и, какъ мнѣ показалось, незначущимъ человѣкомъ. На мой вопросъ, на чемъ онъ основываетъ изданный имъ приказъ, къ моему удивленію, онъ наивно отвѣтилъ, что основалъ онъ его на появившемся въ какой то газетѣ соотвѣтственномъ частномъ свѣдѣніи. Столь невѣроятное объясненіе меня взбѣсило и, при набравшемъ на этотъ разъ воды въ ротъ гетманѣ, я, не имѣя, разумѣется, никакого на то права, рѣзко и рѣшительно указалъ генералу Ламповскому, насколько недопустимъ его образъ дѣйствій, и предложилъ ему тотчасъ изданный имъ приказъ отмѣнить, на что онъ выразилъ полное согласіе. Впрочемъ, весьма возможно, что согласіе это было обусловлено тѣмъ, что ему уже было вѣроятно извѣстно, сколь несочувственно отнеслись къ его приказу сами офицеры, до которыхъ онъ относился.

Послѣ ухода Ламповскаго къ Скоропадскому немедленно вернулся его изобильный даръ слова, и онъ, вновь не давая никому открыть рта и заразъ захватывая въ своей рѣчи разнообразныя сюжеты, занялъ насъ столь же пространными, сколь туманными разсужденіями, гдѣ между прочимъ фигурировала и преданность Россіи.

— «И вотъ всегда такъ. Извольте при этихъ условіяхъ имѣть съ нимъ дѣло», сказалъ мнѣ Гербель, когда мы наконецъ вышли отъ гетмана, очевидно, имѣя въ виду затруднительность путно и спокойно о чемъ либо съ нимъ переговорить.

Дѣлая на другой день моего приѣзда въ совѣтъ національнаго объединенія сообщеніе о результатѣ нашей поѣздки въ Екатеринодаръ и вынесенныхъ нами впечатлѣній, я узналъ, что за время нашего отсутствія приѣзжалъ въ Кіевъ полковникъ Ильинъ, представитель нашего Краснаго Креста въ Румыніи, и привезъ приглашеніе имѣющихся въ Румыніи дипломатическихъ представителей державъ согласія находящимся въ Кіевѣ русскимъ общественнымъ дѣятелямъ приѣхать въ Яссы, гдѣ еще находилось румынское правительство, перебравшееся туда послѣ захвата Бухареста германцами. Приглашались русскіе дѣятели для изложенія положенія дѣлъ въ Россіи и указанія той помощи, которая необходима для освобожденія ея отъ большевиковъ. Желали, повидимому, эти дипломаты узнать и къ чему сводятся пожеланія русскоѣ общественности въ отношеніи будущаго государственнаго строя Россіи, а посему хотѣли, чтобы въ Яссы приѣхали представители всѣхъ имѣющихся въ Россіи антибольшевицкихъ политическихъ теченій. Мысль эта возникла по инициативѣ самого Ильина и была воспринята дипломатами Антанты еще до заключенія перемирія, т. е. когда исходъ войны еще окончательно не выяснился, но когда уже была ясно, что новый ударъ по Германіи со стороны ея по существу беззащитнаго восточнаго фронта поставитъ ее на колѣни.

Находившіеся въ Яссахъ представители державъ согласія, фактически отрѣзанные отъ Запада и не находящіеся вовсе въ курсѣ намѣреній своихъ правительствъ, вѣроятно думали, что съѣхавшіеся въ Кіевъ русскіе политическіе дѣятели укажутъ имъ на наиболѣе осуществимые способы возстановленія русскаго антигерманскаго фронта. Помощь Россіи была здѣсь лишь предлогомъ или, вѣрнѣе, способомъ вовлечь ее снова въ мировую войну.

Совѣтъ національнаго объединенія пошелъ навстрѣчу полученному приглашенію и, выбравъ изъ своей среды въ качествѣ делегатовъ нѣсколько лицъ, обратился къ социалистическимъ кругамъ съ предложеніемъ присоединить своихъ делегатовъ къ намѣченному румынскому паломничеству.

Въ совокупности делегаты должны были представить какъ бы весь русскій антибольшевицкій общественный фронтъ. Въ конечномъ результатѣ делегацію соста-

вили: баронъ Меллеръ-Закомельскій, въ качествѣ ея предсѣдателя, и Кривошеинъ, Третьяковъ, Милуковъ, народный социалистъ А. А. Титовъ и социаль-революціонеръ Фундаминскій. Къ нимъ по проѣздѣ делегаціи по пути въ Яссы черезъ Одессу присоединились еще представители какой то мѣстной организаціи, а именно А. И. Пильць, М. М. Федоровъ, Маргуліесъ и одинъ изъ директоровъ банка Второва — Чемберсъ.

Выслушавъ мой докладъ, совѣтъ національнаго объединенія пожелалъ и меня послать въ Яссы въ цѣляхъ освѣдомленія делегаціи о положеніи добровольческой арміи и вооружилъ меня соответственнымъ письменнымъ полномочіемъ. Къ тому же рѣшенію пришло и бюро парламентской группы относительно насъ обоихъ, ѣздившихъ въ Екатеринодаръ, т. е. Н. Н. Шебеко и меня.

Вообще въ Кіевѣ придавали большое значеніе полученному приглашенію и стремились туда очень многіе въ особенности изъ тѣхъ, кто не стѣснялся въ средствахъ. Пожелали туда поѣхать и многіе представители протофиса, заручившіеся полномочіями этого учрежденія, какъ то бывш. члены Государственной Думы Н. В. Савичъ и видный кіевскій общественный дѣятель Демченко В. Н., предсѣдатель бюро съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи, б. членъ государственнаго совѣта Н. Ф. Дитмаръ и принимавшій участіе въ качествѣ добровольца въ мировой войнѣ, недавно снявшій военный мундиръ В. П. Рябушинскій.

Вмѣстѣ съ названными лицами выѣхали мы изъ Кіева въ половинѣ ноября въ шикарномъ директорскомъ вагонѣ, предоставленномъ правленіемъ юго-западныхъ жел. дорогъ своему члену Демченко.

Послѣ еще не забытыхъ условій переѣзда изъ Москвы въ Кіевъ и всѣхъ неудобствъ, испытанныхъ при поѣздкѣ въ Екатеринодаръ, очутиться въ роскошномъ салонъ-вагонѣ со своимъ старорежимнымъ проводникомъ, усердно угощавшимъ во время пути чаемъ и разнообразными, захваченными съ собой тѣмъ же Демченко яствами было и странно, и вдвойнѣ пріятно... Путешествіе при такихъ условіяхъ въ обществѣ нашихъ милыхъ и интересныхъ спутниковъ было однимъ удовольствіемъ. Даже доходившіе до насъ на станціяхъ по пути слухи, что банды Петлюры двинулись на Кіевъ, что онѣ могутъ съ часа-на-часъ прервать движеніе на Кіево-Одесскомъ участкѣ и что мы рискуемъ попасть не въ Яссы, а въ лапы къ Петлюрѣ, насъ какъ то мало тревожили.

Сидя въ ярко освѣщенномъ, удобномъ вагонѣ за чашкой чая, приправленной разнообразными закусками, какъ то въ сознаніи не укладывалось, что мы живемъ въ совершенно необычайныхъ условіяхъ, когда, не говоря про имущество, но и личная свобода и самая жизнь каждаго рѣшительно ни чѣмъ не обезпечена. Однако такъ оно въ дѣйствительности было: перерывъ пути на Одессу произошелъ именно въ день нашего проѣзда, но не впереди, а позади насъ. Мостъ у Фастова былъ взорванъ петлюровцами, почти тотчасъ послѣ прохода нашего поѣзда, о чемъ мы узнали, только подъѣзжая къ Одессѣ.

Изъ Одессы двинулись мы дальше въ Яссы, куда, невзирая на незначительность разстоянія, добрались только черезъ сутки.

Удручающее впечатлѣніе произвело превращеніе Тирасполя, расположеннаго, какъ извѣстно, въ непосредственной близости отъ Одессы, въ пограничный пунктъ. Присутствіе здѣсь пограничныхъ румынскихъ властей, самодовольныхъ и наглыхъ, не смягчалось для насъ, какъ это было въ Оршѣ по отношенію къ нѣмцамъ, сознаніемъ, что подъ ихъ покровомъ мы находимся въ безопасности отъ большевицкаго произвола.

Переѣздъ черезъ новую румынскую границу прошелъ не безъ задержки. Сначала не хотѣли насъ, не снабженныхъ никакими визами, вовсе пропускать, а по-

томъ воспротивились прицѣпкѣ нашего вагона къ румынскому поѣзду, но чрезвычайная энергія и умѣлая настойчивость Демченко взяли верхъ, и мы послѣ нѣсколькихъ часовъ пререканій покатали таки дальше въ своемъ вагонѣ, блестящій видъ котораго какъ бы напоминалъ о значеніи Россіи и вѣроятно помогъ Демченко настоять на своемъ.

Яссы, извѣстные русскимъ людямъ преимущественно тѣмъ, что по близости отъ нихъ на большой дорогѣ нѣкогда скончался великолѣпный князь Тавриды, поразили насъ, несмотря на господствовавшее въ нихъ оживленіе, своей грязью и ничтожествомъ захолустнаго городишки. Направились мы въ зданіе русскаго консульства, причемъ были нѣсколько удивлены, когда везшій насъ извозчикъ заговорилъ съ нами на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ, пока не вспомнили, что въ Яссахъ, какъ впрочемъ и въ Бухарестѣ, почти весь извозный промыселъ находится въ рукахъ русскихъ скопцовъ, переселившихся въ Румынію, вслѣдствіе испытываемыхъ ими въ Россіи преслѣдованій. Лыбыпытнѣе всего то, что эти скопцы, выселившіеся изъ Россіи болѣе ста лѣтъ тому назадъ, отнюдь не вымираютъ, а продолжаютъ какимъ то образомъ плодиться, сохраняя чисто русскій обликъ и русскіе обычаи.

Въ консульство мы пріѣхали во время происходившаго тамъ засѣданія созваннаго совѣщанія, куда насъ допустили однако отнюдь не сразу. Вышедшій къ намъ Милюковъ настойчиво оспаривалъ наше право участвовать въ «конференціи». Исключеніе онъ дѣлалъ только по отношенію ко мнѣ одному, предусмотрительно вооружившемся формальнымъ полномочіемъ совѣта національнаго объединенія. Однако, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ приняты были всѣ, но безъ права рѣшающаго голоса (какъ будто число голосовъ могло имѣть здѣсь какое либо значеніе)!

Получивъ доступъ въ помѣщеніе, гдѣ засѣдало совѣщаніе, я съ удивленіемъ увидѣлъ, что нахожусь исключительно въ русской средѣ; ни одного иностраннаго представителя здѣсь не было. Между тѣмъ мнѣ представлялось, что мы пріѣхали для переговоровъ съ представителями державъ согласія.

Вообще ничего болѣе курьезнаго, жалкаго и смѣшнаго такъ называемой яской конференціи, о которой потомъ въ русской прессѣ говорилось, какъ о чемъ то значительномъ, представить себѣ нельзя. Происходила она въ полуподвальномъ помѣщеніи зданія русскаго консульства обыкновенно служившемъ, какъ это нетрудно было опредѣлить по общей обстановкѣ, складочнымъ мѣстомъ для старыхъ архивовъ и поломанной мебели. Участвовали въ ней фактически только лица, пріѣхавшія изъ Россіи; раза два кажется присутствовали, не принимая участія въ сужденіяхъ, нашъ посланникъ въ Румыніи С. В. Поклевскій-Козелль и полковникъ Ильинъ. Состояли эти сужденія въ томъ, что вырабатывали, какую то общую, пріемлемую для всѣхъ представленныхъ общественныхъ теченій программу освобожденія Россіи.

Зачѣмъ этимъ людямъ понадобилось переѣхать для составленія этой программы изъ Кіева въ подвалъ русскаго консульства въ Яссахъ, понять никакъ нельзя было. Или такое соглашеніе осуществимо только при наличности иностранной палки?

Безцѣльность производимой работы, думается, сознавалась всѣми. Это не мѣшало, однако, тому, что пускали въ ходъ все доступное каждому краснорѣчіе и спорили до потери голоса и изнеможенія силъ. Благодушно, какъ всегда предсѣдательствовалъ бар. Меллеръ. Особенное упорство въ отстаиваніи своихъ положеній проявляли Милюковъ и Фундаминскій. Какъ сейчасъ вижу этихъ двухъ, сидящихъ другъ противъ друга, оппонентовъ, когда уже всѣ остальные члены курьезнаго собранія встали со своихъ мѣстъ, упрямо продолжающихъ отстаивать какую то, каждый свою, редакцію одного изъ пунктовъ устанавливаемой пресловутой программы, вскорѣ потонувшей въ Летѣ, какъ сотни другихъ имъ подобныхъ.

Для меня подобные споры во всё времена казались и дикими и бесплодными. Долголѣтнее участіе во всевозможныхъ междувѣдомственныхъ и международныхъ совѣщаніяхъ давно убѣдило меня, что принимаемая на нихъ резолюція общаго принципиальнаго характера имѣютъ значеніе даже для самихъ участниковъ подобныхъ совѣщеній, только до момента ихъ подписанія. Тотчасъ послѣ этого даже подписавшіе забываютъ самое ихъ содержаніе и продолжаютъ руководствоваться въ практической работѣ своими личными взглядами и мнѣніями.

Не такъ смотрѣли и смотрятъ на подобныя резолюціи наши общественные дѣятели, въ особенности лѣваго лагеря. Для нихъ выносимыя ими рѣшенія составляли, если исключить террористическую дѣятельность, начало и конецъ всей ихъ работы, хотя и для нихъ рѣшенія эти являлись руководящими лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

Привычка работать въ условіяхъ, дающихъ возможность претворить слова въ дѣла, заставляла меня смотрѣть на подобныя яскому общественныя совѣщанія, приводящія лишь къ повисающимъ въ воздухѣ отвлеченнымъ рѣшеніямъ, какъ на бесплодное и безцѣльное толченіе воды. Въ сущности все ихъ значеніе — пропаганда и распространеніе опредѣленныхъ лозунговъ, нерѣдко приводящихъ къ сознательной фальсификаціи общественнаго мнѣнія.

Но о чемъ же спорили съѣхавшіеся въ Яссахъ случайные представители русской общественности? Да рѣшительно обо всемъ. Происходили столь типично русскіе безконечныя, расплывчатые споры, гдѣ, не столько поочередно, сколько одновременно разрѣшались всё вопросы, если не мірозданія, то государственнаго строительства. Путая важное съ ничтожнымъ, останавливались на словахъ и препирались о запятыяхъ.

«Охъ трудно сговориться съ социалистами», какъ то съ убѣжденіемъ заявилъ Милюковъ, очевидно не сознавая, что онъ самъ проявлялъ едва ли не большее упорство, нежели его оппонентъ Фундаминскій.

Спорили о помощи, которую должны дать союзники, спорили о томъ, можетъ ли эта помощь выразиться присылкой румынскихъ войскъ, причемъ Милюковъ рѣзко противъ этого возражалъ, утверждая, что вооруженная помощь Румыніи намъ можетъ стоить окончательнаго отторженія уже захваченной ею Бессарабіи, спорили о томъ, кто долженъ возглавлять русскую, борющуюся противъ большевизма и призванную возсоздать Россію національную силу: социалисты стояли за еще существовавшую въ то время, но лишенную всякой мощи Уфимскую директорію; остальные высказывались за военное возглавленіе въ лицѣ вождя добровольческой арміи, причемъ нѣкоторыми выдвигалось имя великаго князя Николая Николаевича; спорили попутно и о многомъ другомъ, причемъ спорили къ вѣщему изумленію представителей державъ согласія цѣлыхъ десять дней.

Полковникъ Ильинъ, инициаторъ всей этой затѣи всячески убѣждалъ ускорить вынесеніе общаго рѣшенія, такъ какъ иностранные дипломаты ожидаютъ ихъ для сообщенія своимъ правительствамъ. Тутъ же, однако, стало извѣстнымъ, что сообщеніе это и технически трудно исполнимо. Перегруженность единственной радіо-телеграфной станціи, соединяющей весь востокъ съ западными государствами, была столь велика, что телеграммы не передавались по нѣсколько недѣль.

Обстоятельство это побудило придти къ другому рѣшенію — къ немедленной отправкѣ особой делегаціи въ западные политическіе центры, которая тамъ и отстаивала бы положенія, принятыя въ Яссахъ. Делегация должна была представлять всё цвѣта русской политической радуги, а посему выбрали Милюкова,

Третьякова, Титова, Шебеко и меня. Делегация имѣла выѣхать изъ Одессы черезъ Константинополь въ Парижъ и Лондонъ.

Тѣмъ временемъ, наконецъ, сговорились на болѣе или менѣе единогласно принятомъ обращеніи къ союзникамъ, снабженномъ нѣкой компромиссной политической платформой участниковъ собранія. Состоялось затѣмъ и то единственное собраніе, въ которомъ приняли участіе посланники державъ согласія и ихъ военные агенты. Происходило это собраніе уже не въ подвалѣ, а въ залѣ консульства. Участвовали французскій посланникъ Saint Aulaire, англійскій Barday, американскій Wopisko; изъ военныхъ агентовъ припоминаю очень живо относившагося къ русскому вопросу англичанина генерала Ballard, однажды даже пришедшаго на русское собраніе, очевидно, чтобы посмотрѣть, чѣмъ могутъ заниматься люди, въ теченіе столькихъ дней обсасывающіе вопросъ, на какихъ политическихъ основаніяхъ они согласны возстановить существованіе своей родины.

Примѣчательно, что представителя мѣстнаго румынскаго правительства не было. Правительство это, — знала кошка чье мясо съѣла — вообще старательно игнорировало присутствіе въ его мѣстопребываніи представителей русской общности.

Однако, и это собраніе съ иностранцами было фактически одностороннее. Говорили по существу лишь русскіе его участники. Баронъ Меллеръ прочелъ переведенную на французскій языкъ, принятую нами резолюцію, а затѣмъ, по порученію остальныхъ, я постарался описать положеніе Россіи, охарактеризовать большевизмъ и его вождей и разъяснить ту мировую опасность, которую, по нашему общему искреннему убѣжденію, представляетъ большевизмъ и пропаганда его соблазнительнаго для массы лжеученія.

Въ отвѣтъ иностранные дипломаты сказали намъ нѣсколько милыхъ словъ, лишонныхъ реального значенія. Да и что могли бы они сказать, эти второстепенные представители западныхъ державъ, даже не знающіе, какихъ взглядовъ придерживаются въ данную минуту на русскій вопросъ ихъ правительства.

Не безъ удовольствія покинули мы, наконецъ, грязные Яссы съ ихъ непривлекательными ресторанами, пропитанными чадомъ прогорѣлаго масла. Одинъ плачъ заливающихся скрипокъ, неизбѣжныхъ въ каждомъ изъ ихъ оркестровъ, чего стоитъ. Отъ Кіева мы были уже окончательно отрѣзаны, а потому двинулись на житѣе въ Одессу.

Опять проѣхали мы черезъ предательски захваченную румынами Бессарабію, гдѣ всѣ русскія названія станцій были замазаны и замѣнены румынскими и гдѣ мы отъ встрѣченныхъ по пути на станціяхъ русскихъ жителей края наслышались о всѣхъ тѣхъ безчинствахъ, которыя творять румынскія власти по отношенію къ русскому населенію и ко всему, что свидѣтельствовало о недавней вѣковой принадлежности къ Россіи цвѣтущей подъ ея главенствомъ Бессарабіи. А давно ли тѣ же румынскія власти униженно преклонялись передъ Россіей, моля о защитѣ отъ насѣдавшихъ на нихъ австро-германцевъ?

Румынскія войска съ ихъ женоподобными парумяненными офицерами, такъ лихо удиравшими отъ вооруженнаго непріятели, здѣсь, по отношенію къ безоружному мирному населенію, проявляли все то высокомеріе и жестокость, которыя столь свойственны всѣмъ маленькимъ ничтожнымъ и трусливымъ націямъ. Потомки римскихъ ссыльно-поселенцевъ, повидимому, сохранили черты своихъ отдаленныхъ предковъ.

Припоминаю разсказъ о творимыхъ румынами безобразіяхъ встрѣченной нами на какой то станціи русской сельской учительницы, припоминаю владѣвшее ею глубо-

кое возмущеніе. Весьма возможно, подумалъ я тогда, что вчера еще ты, голубушка, подобно многимъ русскимъ интеллигентамъ, исповѣдывала марксистскіе лозунги, мечтала объ интернаціоналѣ и не сознавала значенія національной государственности; нужно было разрушеніе этой государственности, чтобы ты постигла ея глубокое и вполне реальное значеніе для всѣхъ членовъ націи.

Да, лучшей школой патриотизма служить испытаніе иноземной власти, иноземнаго насилія.

Но вотъ и Одесса. Находящаяся на приморскомъ бульварѣ Лондонская гостиница — центръ общественной жизни города — кишитъ народомъ. Застаемъ здѣсь нѣкоторыхъ кievскихъ знакомыхъ, вырвавшихся изъ Кіева окружнымъ путемъ до полпаго прекращенія сообщеній съ югомъ. Какъ всѣ бѣжавшіе отъ опасности, будь она мнимая или дѣйствительная, они рисуютъ положеніе Кіева въ самыхъ черныхъ краскахъ. Разказы ихъ, конечно, не содѣйствуютъ нашему — Н. Н. Шебеко и моему — настроенію. Тамъ взаперти остались наши семьи.

Положеніе въ самой Одессѣ далеко не устойчивое. Петлюровскіе стряды большевицкаго настроенія находятся въ непосредственной близости отъ города, до такой степени, что по ночамъ ожидаютъ ихъ нападенія на желѣзнодорожную станцію, гдѣ, однако, мы продолжаемъ жить все въ томъ же предоставленномъ намъ вагонѣ за отсутствіемъ свободныхъ помѣщеній въ городѣ. Не внушаетъ довѣрія и многочисленное, изобилующее преступными элементами портовое населеніе города, сдерживаемое едва ли не исключительно присутствіемъ двухъ, прибывшихъ въ портъ, французскихъ миноносокъ.

Центромъ общественнаго вниманія въ Одессѣ является облеченный французскимъ правительствомъ консульскимъ званіемъ нѣкій Эно, бывший до тѣхъ поръ не то учителемъ, не то гувернеромъ въ какомъ то русскомъ домѣ. Всѣ ждутъ отъ него спасенія, рѣшивъ, неизвѣстно почему, что онъ обладаетъ какими то особыми полномочіями и можетъ немедленно привести въ Россію чуть ли не всю французскую армію. Держитъ онъ себя съ соотвѣтственной важностью, а тѣмъ временемъ его жена — русская еврейка — обдѣлываетъ какіе то темные гешефты.

Кто фактической хозяйинъ города, не совсѣмъ понятно. Юридически дѣйствуетъ гетманская власть, но проявленій, хотя бы внѣшнихъ, украинизаціи нѣтъ никакихъ. Облеченъ гетманомъ какими то полномочіями генераль Раухъ, но никакихъ средствъ для осуществленія своихъ полномочій онъ не имѣетъ, а потому ограничивается ухаживаніемъ за тѣмъ же Эно. Послѣдній довольно легко поддается его настояніямъ обратиться съ воззваніемъ къ населенію Украины, въ которомъ заявить, что вотъ де завтра придутъ на югъ Россіи войска союзниковъ и обезпечать въ ней порядокъ. Уговариваетъ кромѣ того Раухъ этого самага Эно обратиться и къ находящимся въ Кіевѣ германскимъ властямъ, и тотъ послушно посылаетъ имъ грозную телеграмму, требуя отъ нихъ защиты Кіева отъ петлюровцевъ и грозя въ противномъ случаѣ всѣми карами неба и союзниковъ.

Между тѣмъ получаемыя изъ Кіева свѣдѣнія, — телеграфная связь съ нимъ по прямому проводу сохранилась — становятся все безнадежнѣе. Германскія войска, руководимыя забравшими командованіе солдатскими совѣтами, заняли нейтральное положеніе, будто бы получивъ за это отъ Петлюры 80 милліоновъ украинскихъ рублей. Гетманскія войска, въ томъ числѣ и его гвардія, на которую Скоропадскій возлагалъ особыя надежды, понемного переходятъ по частямъ на сторону Петлюровцевъ. Надежда на своевременное прибытіе союзниковъ падаетъ все ниже. Добровольческія офицерскія дружины однѣ сдерживаютъ напоръ мятежниковъ, но онѣ для защиты всѣхъ подступовъ въ городу явно недостаточны.

Вскорѣ послѣ нашего прїѣзда въ Одессу вернулся изъ Константинополя, куда онъ ѣздилъ по порученію какой то Одесской общественной организаціи, умѣренный эсъ-эръ Н. Р. Кровопусковъ, игравшій видную роль въ одесскомъ городскомъ управленіи. Въ Константинополѣ онъ видѣлся съ представителями Франціи, которые при полной личной любезности уже смотрѣли на Россію сверху внизъ, полу-покровительственно, полу-презрительно.

Изъ разсказовъ Кровопускова мы живо ощутили, поскольку тяжело и унизительно положеніе страны и народа, утратившихъ всякое международное значеніе. Поняли мы, разумѣется, и затруднительность всякихъ воздѣйствій на нашихъ бывшихъ союзниковъ, безразлично заглазныхъ или личныхъ, письменныхъ или устныхъ, слѣдовательно, едва ли не безцѣльность предстоявшей поѣздки делегаціи въ главные европейскіе центры.

Думалось, однако, что поѣздка эта во всякомъ случаѣ полезна, хотя бы для освѣдомленія нашего дипломатическаго представительства при державахъ согласія о положеніи дѣлъ въ Россіи и о господствующихъ въ ней политическихъ теченіяхъ. Представительство это было лишено всякихъ сношеній съ Россіей съ самаго момента захвата власти большевиками, и мы должны впервые возстановить эту связь.

Говорилось также о томъ, что самое прибытіе въ Западную Европу делегаціи, заключавшей въ своемъ составѣ представителей всѣхъ политическихъ теченій въ русскомъ антибольшевицкомъ общественномъ фронтѣ, облегчитъ положеніе нашихъ дипломатовъ въ Парижѣ и Лондонѣ, представлявшихъ въ своемъ лицѣ лишь одну какую то грань русской общественности, придастъ имъ новую силу, новую точку опоры въ ихъ обращеніяхъ къ тѣмъ правительствамъ при коихъ они аккредитованы. Тутъ могла пригодиться и выработанная въ Яссахъ политическая программа.

Надѣялись при этомъ въ особенности на нашего парижскаго посла В. А. Махлакова, который въ качествѣ бывшаго члена Государственной думы и долголѣтняго общественнаго дѣятеля несомнѣнно сумѣлъ самъ связаться съ вліятельными политическими кругами Франціи и, конечно, обрадуется возможности связать ихъ съ русскими общественными дѣятелями.

Если у кого либо изъ насъ и оставалось сомнѣніе относительно поѣздки въ Парижъ и Лондонъ, то ихъ окончательно разсѣялъ прїѣхавшій почти слѣдомъ за нами изъ Яссъ на миноноскѣ уже упомянутый мною англійскій генераль Ballard. Оказалось, что наше описаніе положенія Россіи и той міровой опасности, которую представляетъ большевизмъ, произвело впечатлѣніе на ясскихъ представителей антанты и они командировали Ballard'a въ Одессу со спеціальной цѣлью побудить насъ не медля проѣхать самимъ въ западно-европейскіе правительственные центры и тамъ лично изложить положеніе вещей.

Выѣхать изъ Одессы было, однако, не легко. Срочныхъ рейсовъ въ Константинополь не было. Къ тому же въ портѣ ощущался острый недостатокъ въ углѣ. Исключительная энергія Демченко все это преодолѣла.

Раздобытъ пароходъ Русско-Дунайскаго пароходнаго общества «Велик. Кн. Александръ Михайловичъ». Найдены уголь, найдены и грузчики угля, что тоже было не легко. Пароходъ этотъ, въ сущности роскошная паровая яхта, въ теченіе войны былъ реквизированъ и шель подъ Андреевскимъ флагомъ. Команда на немъ подчинена юридически военно-морской дисциплинѣ, но на дѣлѣ никакой дисциплины не соблюдаетъ, господствуетъ большевицкій духъ. Командный составъ состоитъ изъ офицеровъ, но уже запуганныхъ и утратившихъ вѣру въ себя и свои права. Какъ

бы то ни было, въ послѣднихъ числахъ ноября ст. ст. делегация просторно размѣщается на предоставленномъ ей суднѣ и торжественно подъ Андреевскимъ флагомъ выплываетъ изъ Одесскаго порта.

V.

Константинополь. Верховный комиссаръ Франціи адмиралъ Аметъ. Затрудненія дальнѣйшаго проѣзда. Генераль Franchet d'Esperey. Верховный комиссаръ Англии адмиралъ Webb. По пути въ Римъ. Посѣщеніе Рима парламентской делегацией въ 1916 г. Отъѣздъ въ Парижъ.

Прокачавшись на воднахъ Эксинскаго понта часовъ около 30, мы благополучно прошли дозорный пунктъ у входа въ Босфоръ и бросили якорь по близости отъ моста, соединяющаго черезъ Золотой рогъ европейскую часть Константинополя съ его турецкой частью — Стамбуломъ. Босфорскій рейдъ заполненъ самыми разнообразными судами, среди коихъ большинство военныхъ — державъ Антанты.

Здѣсь на броненосныхъ исполинахъ развѣваются военные флаги всѣхъ нашихъ союзниковъ, нѣтъ только русскаго Андреевскаго флага, украшающаго лишь наше ничтожное по размѣрамъ и коммерческое по назначенію суденышко.

Поражаетъ насъ, невиданное еще нами новшество: борта всѣхъ коммерческихъ судовъ раскрашены разноцвѣтными на носъ расположенными полосами, имѣющими назначеніе скрыть судно отъ глазъ противника. Полосы эти благодаря ихъ расположенію и по приданному имъ цвѣту сливаются съ морской поверхностью и поэтому обнаружить судно на разстояніи значительно труднѣе.

Босфоръ съ его своеобразнымъ очертаніемъ береговъ и расположеннымъ на немъ огромнымъ по занимаемому пространству городомъ все также величественъ, какъ и до войны, но самый Константинополь — его европейская часть — Галата и Пера — сохранивъ прежнюю смѣсь Востока и Запада, восточную грязь съ наружнымъ налетомъ европейской цивилизаціи — значительно измѣнилъ свою фізіономію: онъ заполненъ союзными войсками, причемъ господами положенія, повидимому, являются англичане.

На берегъ насъ спустили безъ всякихъ формальностей, и мы поспѣшили всей гурьбой отправиться къ французскимъ властямъ, дабы выяснитъ способы возможнаго дальнѣйшаго движенія къ цѣли нашего путешествія. Таковой властью былъ командующій французской эскадрой, одновременно облеченный званіемъ верховнаго комиссара въ Турціи — адмиралъ Аметъ. Адмиралъ — типичный морякъ, прямой и откровенный, не прибѣгающій ни къ какимъ дипломатическимъ уловкамъ. Излагаемъ ему цѣль нашего пріѣзда. Милюковъ тотчасъ принимаетъ на себя роль предсѣдателя делегации и приданный ему адмираломъ титулъ «Monsieur le président» принимаетъ какъ должное. Мы не придаемъ этому никакого значенія, да и трудно было бы въ присутствіи иностранца устанавливать наши взаимныя отношенія, а тѣмъ болѣе отрицать за Милюковымъ присвоенное имъ званіе, коль скоро онъ самъ не отказывается отъ него. Однако, это мелкое обстоятельство, какъ это вскорѣ выяснилось, имѣло для судьбы нашей делегации роковыя послѣдствія, а самому Милюкову обошлось очень дорого. Дѣло въ томъ, что французамъ были уже извѣстны предпринятые Милюковымъ шаги для сближенія съ Германіей. Впечатлительные французы тотчасъ признали это за недопустимую измѣну союзникамъ, хотя, на чемъ было основано ихъ притязаніе на непоколебимую вѣрность Антантѣ всѣхъ русскихъ политическихъ дѣятелей — трудно понять послѣ того, какъ они сами проявили готовность признать за законную власть въ Россіи силкомъ и обманомъ захватившихъ эту власть большевиковъ, лишь бы они продолжали войну съ Германіей.

Адмиралъ Аметъ объяснилъ намъ, что Франція почти лишена возможности оказать какую либо помощь Россіи, такъ какъ войска ея, утомленныя продолжительной войной, мечтаютъ лишь объ одномъ, о возвращеніи въ свои домашніе очаги и къ своимъ мирнымъ занятіямъ и вовсе не намѣрены «*se casser la gueule*» ради чуждыхъ имъ русскихъ интересовъ. При этомъ адмиралъ обрушился на русскій народъ и въ частности на русское воинство, будто бы проводящее время въ пьянствѣ и всецѣло полагающееся на постороннюю помощь для возстановленія своего отечества.

Какъ это ни странно, но горячая рѣчь Амета, благодаря его внушающей симпатію личности, не вызвала въ насъ особо непріязненныхъ чувствъ. Милюковъ съ его обычной безстрастностью, къ тому же очевидно выработавшій въ себѣ за свою продолжительную политическую карьеру способность спокойно относиться къ любымъ нападкамъ, не счелъ даже нужнымъ реагировать на этотъ неожиданный выпадъ. Пришлось вступиться другимъ съ рѣшительнымъ заявленіемъ, что Россія отнюдь не имѣетъ въ виду строить свое будущее на иностранной силѣ, но что она, казалось бы, имѣетъ основаніе рассчитывать на нѣкоторую помощь именно для предоставленія ея собственнымъ національнымъ силамъ, распатаннымъ въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, оправиться и приступить къ рѣшительной борьбѣ съ насажденной въ ея предѣлахъ тѣмъ же врагомъ разрушительной силой. Русская національная сила, сосредоточенная на югѣ Россіи, въ Кубани и на Дону, и нынѣ борется съ большевиками, проливая тамъ отнюдь не вино, а свою кровь и подвергаясь тяжелымъ лишениямъ.

Адмиралъ поспѣшилъ извиниться и объяснилъ, что онъ имѣлъ въ виду лишь то русское воинство, которое нынѣ находится въ Македоніи, въ окрестностяхъ Салоникъ. Тутъ услышали мы впервые имя того французскаго генерала, который былъ главнымъ, если не единственнымъ виновникомъ того, что Франція не оказала своевременно помощи русскимъ национальнымъ силамъ, вслѣдствіе чего богатая Малороссія стала жертвой большевиковъ, захватившихъ всѣ обильные запасы, сосредоточенные тамъ по нашему южному фронту.

Роль генерала Franchet d'Esperey, до сихъ поръ недостаточно въ этомъ отношеніи выясненная, въ то время намъ была совершенно неизвѣстна. Дѣло въ томъ, что, какъ это впоследствии было разоблачено французской прессой, Клемансо, диктаторъ того времени Франціи, еще до заключенія мира съ Германіей, а именно сейчасъ послѣ прорыва болгарскаго фронта и капитуляціи Турціи, предписалъ командующему союзными войсками въ Македоніи Franchet d'Esperey перебросить часть своихъ войскъ на югъ Россіи въ помощь добровольческой арміи, но встрѣтилъ съ его стороны рѣшительный отпоръ и упорное противодѣйствіе. Franchet d'Esperey очевидно не улыбалось забиться со своими силами въ Россію, о которой онъ имѣлъ, повидимому, смутное представленіе. Его планъ былъ иной: ему хотѣлось пройти со своими войсками черезъ сложившую оружіе Болгарію и напасть въ тылъ уже окончательно къ тому времени распатанной Австріи. Мерещилось ему, вѣроятно, торжественное вступленіе въ Вѣну и нанесеніе оттуда смертельнаго удара во флангъ ослабѣвшей Германіи. Этотъ планъ онъ и развивалъ въ своихъ донесеніяхъ французскому правительству, доказывая при этомъ, что онъ лишенъ возможности заставить свои войска идти драться по непонятнымъ для нихъ мотивамъ «*dans ce pays de glaces*», которую представляетъ Россія. Эта «страна льдовъ» были берега Чернаго моря. Тотъ же Franchet d'Esperey распространялъ и свѣдѣнія, что русское воинство предается лишь пьянству. Дѣйствительно наша дивизія находившаяся въ Македоніи на французскомъ фронтѣ, подъ воздѣйствіемъ многочисленныхъ, проникшихъ въ нее агитаторовъ, была уже въ полномъ разложеніи и, отведенная въ тылъ,

безчинствовала, а часть офицерства, заполнившая Салоники, за отсутствием дѣла, проводила время въ кофейняхъ.

Относительно дальнѣйшаго нашего путешествія по направленію къ Парижу, узнали мы отъ Амета, что выданныя намъ консуломъ Эно визы не имѣютъ никакого значенія, и что намъ необходимо получить особое разрѣшеніе изъ Парижа, о которомъ онъ и будетъ сейчасъ телеграфировать.

Однако, проходитъ нѣсколько дней, а разрѣшенія мы не получаемъ. Наша полная беспомощность выступаетъ все ярче; все сильнѣе ощущаемъ мы то унижительное, приниженное положеніе, въ которое попала наша родина. Никто ни съ ней, ни, тѣмъ болѣе, съ ея гражданами не считается. Для меня становится все сомнительнѣе успѣхъ возложенной на насъ миссіи. Кто, думается мнѣ, обратитъ вниманіе на наши не опирающіяся на какую либо реальную силу просьбы, если мы лишены даже свободы передвиженія. Невольно припоминается тотъ исключительный почетъ, то заискивающее вниманіе, которое оказывали еще такъ недавно — мѣсяцевъ 18 тому назадъ — державы согласія той русской парламентской делегаціи, состоявшей изъ членовъ государственной думы, которая посѣтила въ то время, по ихъ усиленному приглашенію страны Антанты и въ которую Милюковъ и я, нынѣ беспомощно застрявшіе въ Константинополѣ, оба входили. Тогда мы были представителями великаго народа, мощной державой, а теперь...

Отъ этихъ воспоминаній становится еще обиднѣе, еще невыносимѣе то полное пренебреженіе, которое намъ нынѣ оказываютъ. Ходимъ по Константинополю и чувство безумной горечи отъ понесенной нами безмѣрной утраты усиливается чуть что не на каждомъ шагу.

Вотъ великолѣпныя посольскія зданія Англій и Франціи, гдѣ царствуетъ оживленіе, гдѣ входятъ и выходятъ гордые побѣдой воинскія части этихъ державъ, гдѣ развѣваются ихъ національные флаги, а вотъ русское посольство съ наглухо закрытыми воротами и съ завернутыми черными тряпками русскими государственными орлами. Вотъ блестящіе многочисленные автомобили съ возсѣдающими въ нихъ французскими, англійскими, итальянскими и американскими адмиралами и иными начальствующими лицами, а вотъ шмыгающій маленькій автомобильчикъ съ нарисованнымъ на его дверцахъ трезубцемъ — гербомъ Украины. Въ немъ никѣмъ не признаваемый посолъ гетмана Суковкинъ мечется по городу, тщетно выбиваясь изъ силъ, чтобы чѣмъ либо помочь представляемому имъ эфемерному государству.

Вотъ наконецъ Святая Софія — этотъ единственный въ мірѣ по его дивной пропорціальности памятникъ древняго зодчества, всегда съ новой силой поражающій размѣрами своего свободнаго внутренняго пространства и невѣроятной вслѣдствіе этого воздушности. Предметъ историческихъ вождедѣній русскаго народа. Нынѣ на него простираютъ свои притязанія и даже руки константинопольскіе греки, зазнавшіеся отъ достигнутаго чужими усиліями неожиданнаго для нихъ успѣха. Выродившіеся въ плутоватыхъ торгашей отдаленные потомки героевъ Эллады задумали силкомъ захватить этотъ храмъ въ свое распоряженіе и всполошившіеся турки сосредоточили около него жалкіе остатки своего воинства. Доступъ въ храмъ въ виду этого затрудненъ, но мы все же проникаемъ въ него, чтобы съ душевной болью вспоминать не сбывшееся, но еще недавно казавшееся столь близкимъ къ осуществленію пророчество поэта:

«И своды древніе Софій
Вновь осѣнятъ Христовъ алтарь.
Пади предъ нимъ, о Царь Россій,
И встань какъ всеславянскій Царь!»

Уныло бродимъ мы по тому Царьграду, о которомъ наивно мечтали во время войны и рѣшительно недоумѣваемъ, чѣмъ собственно нашъ прїѣздъ въ Парижъ можетъ кому либо помѣшать.

Загадка эта начинается, однако, понемного разъясняться. Въ Константинополь прїѣхали изъ Салоникъ, куда они были посланы яскимъ совѣщаніемъ, — генераль Голіевскій и полковникъ Новиковъ. Цѣль ихъ поѣздки, по условіямъ времени, весьма трудной вслѣдствіе разрушенія македонскихъ желѣзнодорожныхъ линій и отсутствія поэтому движенія по нимъ, состояла въ томъ, чтобы связаться съ находившимся тамъ главнымъ командованіемъ союзныхъ войскъ, расположенныхъ на бывшемъ македонскомъ фронтѣ, т. е. съ тѣмъ же Franchet d'Esperey, и выяснить, насколько можно надѣяться на быструю присылку оттуда вооруженной помощи Кіеву и вообще югу Россіи. Что такая присылка состоится, мы, по наивности, пока еще не сомнѣвались. Весь вопросъ сводился для насъ — въ какой срокъ, и поэтому задержка въ Константинополѣ представлялась для насъ въ особенности досадной.

Возвращавшіеся изъ Салоникъ въ Одессу Голіевскій и Новиковъ передали намъ, что они были встрѣчены генераломъ Franchet d'Esperey крайне нелюбезно, чтобы не сказать — грубо. Выслушали они отъ него рядъ рѣзкихъ сужденій о русскихъ войскахъ, находящихся въ Македоніи, а также заявленіе, что помимо множества другихъ причинъ, препятствующихъ посылкѣ войскъ въ Россію, у него нѣтъ тѣхъ судовыхъ средствъ, которыя дали бы ему возможность перекинуть сколько нибудь значительное количество войскъ на русское черноморское побережье.

Высказалъ имъ кромѣ того Франше Д'Эспере, что онъ крайне удивленъ посылкой русскими общественными организаціями въ Парижъ делегаціи, имѣющей во главѣ Милюкова. Личность эта, по словамъ Франше, для Франціи совершенно неприемлема, такъ какъ ярко проявленная имъ за послѣднее время германская оріентація въ Парижѣ хорошо извѣстна.

Такимъ путемъ узнали мы, откуда шли тѣ обвиненія русскаго воинства, которыя намъ высказалъ адмиралъ Аметъ, а равно причину встрѣченныхъ нами затрудненій къ продолженію нашего скорбнаго паломничества. Аметъ, повидимому, подчиненный главнокомандующему Франше, сообщилъ ему о нашемъ прїѣздѣ и по всей вѣроятности получилъ отъ него указаніе задержать насъ въ пути. Присвоенное Милюковымъ званіе предсѣдателя делегаціи, пропечатанное во всѣхъ газетахъ, дало ему для этого удобный предлогъ.

Желая парировать это обстоятельство, мы съ Шебеко отправились вновь къ адмиралу подъ предлогомъ узнать, есть ли надежда на нашъ скорый пропускъ. Въ отвѣтъ намъ было сказано, что телеграфныя сношенія съ Парижемъ крайне затруднены, но что тѣмъ не менѣе онъ надѣется, что разрѣшеніе для насъ будетъ получено въ скоромъ времени. Тогда мы сочли нужнымъ объяснить, что до нашего свѣдѣнія дошло, что делегація наша не пользуется фаворомъ въ виду того, что она находится какъ бы подъ флагомъ Милюкова. Между тѣмъ это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Милюковъ предсѣдателемъ делегаціи не состоитъ и является такимъ же рядовымъ ея членомъ, какъ и всѣ остальные. Включаетъ же делегація выразителей всѣхъ имѣющихся въ Россіи политическихъ теченій, объединенныхъ однако одинаковой враждой къ большевикамъ, которыхъ мы всѣ признаемъ за врагомъ нашего отечества.

Послѣднее обстоятельство адмиралу было уже извѣстно даже во всѣхъ подробностяхъ въ смыслѣ того, кто изъ насъ какое теченіе представляетъ, отъ одного изъ нашихъ сочленовъ — Кровопускова, единственнаго изъ насъ, удостоившагося приглашенія отъ Амета къ завтраку. Приглашеніе это было также въ нашихъ глазахъ

симптоматичнымъ. Оно свидѣтельствовало о томъ значеніи, которое тогда придавали русскимъ социалистическимъ партіямъ западныя державы — несомнѣнное послѣдствіе той популярности, которой пользовался въ Россіи въ теченіе нѣкотораго времени демагогъ Керенскій. Въ представленіи запада популярность эта была основана на томъ, что онъ проводилъ программу социалистовъ-революціонеровъ.

Хотя послѣ нашего объясненія Аметъ еще увѣреннѣе сказалъ, что разрѣшеніе на выѣздъ мы получимъ въ ближайшіе дни, но на его обѣщаніе я вовсе не полагался, а посему рѣшилъ испробовать другое средство для выѣзда.

Я не упомянулъ, говоря о приѣздѣ въ Одессу генерала Ballard, что онъ, придавая особое значеніе (очевидно оттого, что въ Яссахъ выразителемъ мнѣнній делегаціи случайно пришлось быть мнѣ) моей поѣздки на Западъ и желая облегчить мой проѣздъ во Францію, трудный уже по одному отсутствію сколько нибудь налаженныхъ морскихъ сообщеній, отправился на своемъ миноносцѣ въ Ялту и привезъ оттуда письмо императрицы Маріи Федоровны къ ея сестрѣ, вдовствующей королевѣ англійской — Александрѣ. Снабдилъ онъ меня кромѣ того чѣмъ то въ родѣ открытаго листа къ англійскимъ военнымъ властямъ, въ которомъ, изобразивъ меня посланцемъ императрицы, просилъ объ оказаніи мнѣ всяческаго содѣйствія для проѣзда въ Англию.

Вооружившись этимъ документомъ, я отправился къ помощнику англійскаго верховнаго комиссара адмиралу Webb (самъ верховный комиссаръ, командующій англійской эскадрой, былъ въ отъѣздѣ). Адмиралъ этотъ, оказавшій намъ всѣмъ, когда мы его посѣтили, весьма любезный пріемъ, проявилъ къ моей просьбѣ о содѣйствіи къ проѣзду на Западъ чрезвычайную отзывчивость. Онъ мнѣ сказалъ, что можетъ меня немедленно доставить на миноносцѣ въ ближайшій итальянскій портъ, откуда мнѣ уже легко будетъ проѣхать дальше. «Мы моряки, добавилъ Webb, такъ любимъ и почитаемъ королеву Александру, что готовы для нея все сдѣлать». На мое заявленіе, что я ѣду не одинъ, что насъ 15 человекъ (кромѣ членовъ делегаціи и двухъ секретарей — Ландау и Чахотина съ нами ѣхала семья С. Н. Третьякова, состоящая изъ 7 человекъ), адмиралъ отвѣтилъ, что это усложняетъ дѣло. На миноносцѣ перевезти такое количество лицъ невозможно, а о времени отплытія большого судна, которыя ходятъ сравнительно рѣдко онъ сейчасъ сказать ничего не можетъ, но что во всякомъ случаѣ на первомъ отходящемъ суднѣ онъ намъ всѣмъ предоставитъ мѣсто.

Заручившись этимъ обѣщаніемъ, я вновь вмѣстѣ съ Шебеко посѣтилъ Амета, желая быть по отношенію къ нему корректнымъ и спросить, имѣетъ ли онъ что либо противъ моего отъѣзда на англійскомъ суднѣ. Изложилъ я это довольо туманно, такъ что въ результатѣ у адмирала, какъ это выяснилось впослѣдствіи, получилось впечатлѣніе объ отъѣздѣ насъ обоихъ — Шебеко и меня — и онъ тотчасъ заявилъ, что ничего противъ этого не имѣетъ.

Не надѣясь однако на скорое отплытіе насъ всѣхъ изъ Константинополя, я возбудилъ въ средѣ нашей делегаціи вопросъ о томъ, чтобы ради выигрыша времени проѣхать впередъ мнѣ одному, но встрѣтилъ опредѣленную оппозицію, въ особенности со стороны Милюкова. Партійная ревность разгорѣлась и среди нашихъ социалистическихъ спутниковъ, и одни лишь Третьяковъ и Шебеко не возражали противъ моей одиночной поѣздки.

Я долженъ сказать, что такая же ревность проявилась и въ Яссахъ при командировкѣ въ Салоники Голіевскаго и Новикова. Полковникъ генеральнаго штаба Новиковъ, проявившій себя открытымъ приверженцемъ воинствующаго социализма, былъ первоначально намѣченъ одинъ для этой поѣздки, причемъ выдвинули его

наши социалисты — Титовъ и Фундаминскій. Тогда правое крыло Яесской делегаціи выдвинуло въ роли спутника Новикова — генерала Голіевскаго. Правда, что о причинахъ присоединенія Голіевскаго къ Новикову ничего не было сказано, но настаивало на этомъ правое крыло упорно, вопреки высказанному Новиковымъ пожеланію ѣхать одному, такъ какъ иначе по правиламъ воинскаго чиновничества онъ, полковникъ Новиковъ, обязанъ будетъ всецѣло подчиняться указаніямъ генерала Голіевскаго. Помирились на томъ, что оба эти офицеры облакаются одинаковыми полномочіями и они, насколько мнѣ извѣстно, мирно и дружно исполнили возложенное на нихъ порученіе.

Не знаю, чѣмъ бы кончились пререканія въ средѣ делегаціи по поводу моей единоличной поѣздки, если бы на другой же день адмиралъ Webb не увѣдомилъ меня, что въ тотъ же день вечеромъ уходитъ большой военный транспортъ «Негоіс» въ Таренту и что онъ самъ заѣдетъ за нами и нашими вещами и отвезетъ насъ въ своемъ автомобилѣ на пристань.

Не безъ большого спѣха и суеты удалось собрать всю нашу разошедшуюся по городу компанію. Какъ бы то ни было, къ назначенному времени, облѣпленные сундуками, мѣшками и тюками, принадлежавшими главнымъ образомъ Третьяковыхъ, ожидали мы всѣ въ сборѣ приѣзда адмирала. Съ совершенно необычайной любезностью принялся Webb таскать вмѣстѣ съ нами вещи на два свои автомобиля, которые двукратной поѣздкой доставили насъ на берегъ Босфора. Здѣсь насъ ожидалъ англійскій военный паровой катеръ, перевезшій насъ на военный транспортъ, гдѣ каждому изъ насъ была предоставлена отдѣльная каюта. Денегъ за проѣздъ съ насъ не взяли.

Передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ вспомнили мы, что надо дать о немъ знать Амету. Съ этой цѣлью Шебеко телефоновалъ во французское посольство гражданскому помощнику Амета — нѣкому Foucque's du Page.

— «Такъ Вы уѣзжаете вдвоемъ, отвѣтили изъ посольства, желаемъ Вамъ добраго пути».

— «Нѣтъ, мы ѣдемъ всѣ вмѣстѣ, въ полномъ составѣ делегаціи».

— «Какъ и Милюковъ?»

— «Да, и Милюковъ ѣдетъ съ нами».

Полное молчаніе. Разговоръ посольствомъ былъ сразу рѣзко прекращенъ.

Здѣсь сказала та глухая неприязнь, которая ясно чувствовалась и временами выступала наружу между французами и англичанами. За громкими официальными выраженіями обоюдной любви и солидарности скрывалось уже во время войны взаимное недоверіе и злая шутка, тотчасъ послѣ окончанія войны превратившіяся въ нескрываемую въ ихъ частныхъ бесѣдахъ антипатію. Англичане въ нашемъ инцидентѣ были рады случаю оказать намъ услугу на зло французамъ.

Сказались одновременно и всѣ черты, какъ англійскія, такъ и французскія. Рабская зависимость агентовъ французской власти, даже высшихъ, отъ центра, а также ихъ мелочность и придирчивость въ вопросахъ даже совершенно третьестепенныхъ, ибо, спрашивается, какое значеніе могъ имѣть для Франціи приѣздъ въ Парижъ нѣсколькихъ русскихъ общественныхъ дѣятелей, лишенныхъ какой бы то ни было «оріентации» и всякой реальной силы... Тутъ же выявилась самостоятельность и широта взглядовъ отдѣльныхъ представителей Англии, не задумывающихся принять на свою отвѣтственность рѣшенія по вопросамъ, не имѣющимъ принципіальнаго значенія, безъ обращенія за ихъ разрѣшеніемъ къ главамъ своего правительства. Проявилась также и англійская задушевность по отношенію къ отдѣльнымъ личностямямъ.

Англійская исконная политика, столь черствая, безжалостная и даже безпринципная уступает мѣсто у отдѣльныхъ англичанъ, коль скоро вопросъ идетъ не о государственныхъ интересахъ, благородству и постоянной готовности оказать всякую помощь любому иностранцу, когда этимъ не затрагивается интересъ націи. Здѣсь они исходятъ изъ того же положенія, котораго не постигали вожди добровольческой арміи *vetita prıvatum, publice jubentur* и обратно. Совершенною противоположностью представляетъ Франція. Руководствуясь въ общественной и государственной жизни высокими принципами права и правды, французы, какъ отдѣльныя личности, отличаются безсердечіемъ, мѣщанской скарედностью и полнымъ пренебреженіемъ къ чувствамъ и интересамъ людей, попавшихъ къ нимъ въ зависимость.

Яркія проявленія этой основной разницы между англійской и французской націей испытала наша родина съ одной стороны, а съ другой — русскіе бѣженцы при ихъ эвакуаціи весной 1919 года французами изъ Одессы и англичанами изъ Крыма.

Нашъ переходъ изъ Константинополя въ Таренту ничѣмъ примѣчательнымъ не ознаменовался. Осталось въ памяти посѣщеніе острова Лемноса, гдѣ нашъ транспортъ простоялъ цѣлый день. Лемносъ былъ въ то время англійской морской операціонной базой, къ чему онъ былъ особенно пригоденъ въ виду своей огромной и чудной по защищенности отъ морской волны бухтѣ. Самый островъ, въ береговой своей части плоскій, весьма мало возвышающійся надъ окружающимъ его моремъ и притомъ лишенный всякой древесной растительности производилъ удручающее впечатлѣніе. Не думалъ никто изъ насъ въ то время, что на этомъ, спаленномъ лучами южнаго солнца, пустынномъ берегу, отмѣченномъ лишь бараками, сооруженными англичанами для храненія различнаго военного имущества и боевыхъ припасовъ, придется въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ протомиться заброшеннымъ сюда волею судебъ и жестокосердіемъ «союзниковъ» сынамъ вольнаго тихаго Дона.

Сокративъ нашъ путь проходомъ черезъ величественный Коринфскій каналъ, отсѣкшій Пелопонезъ отъ европейскаго материка, и благополучно пройдя мимо многочисленныхъ подводныхъ минъ, свободно плававшихъ по всему Средиземному морю, мы, наконецъ, подошли къ Итальянскому военному порту Тарента, гдѣ за надежными брекватерами и желѣзными воротами, запирающими входъ въ обширный внутренній бассейнъ, спокойно простоялъ въ полной безопасности въ теченіе всей войны итальянскій боевой флотъ, столь же мощный своими судовыми единицами, сколь слабый боевыми качествами своего личнаго состава.

Англичане и здѣсь проявили къ намъ необычайную любезность. Пользуясь своимъ положеніемъ, они, не обращая никакого вниманія на мѣстныя итальянскія власти, привезли насъ на берегъ, доставили на станцію желѣзной дороги весь нашъ многочисленный багажъ, усадили въ спальный вагонъ, мѣста въ которомъ они для насъ заранѣе задержали по беспроволочному телеграфу, и напутствовали добрыми пожеланіями.

Въ Римѣ, куда мы прибыли на другой день утромъ, на мнѣ конкретно оправдалась старая, средневѣковая пословица «всѣ пути ведутъ въ Римъ». Дѣйствительно здѣсь сомкнулся для меня кругъ, который мнѣ пришлось за сравнительно короткій срокъ совершить вокругъ центральной Европы. Въ 1916 году попалъ я въ Римъ, въ составѣ посѣтившей эту столицу русской парламентской делегаціи, черезъ Турнео, Бергенъ, Ньюкастль, Лондонъ и Парижъ, а теперь — 18 мѣсяцевъ спустя — черезъ Одессу, Константинополь, Афины и Таренту. Но, Боже, какая разница между этими двумя посѣщеніями.

Никогда я не забуду той восторженной оваціи, которую намъ, представителямъ великой, мощной Россіи, сдѣлала въ то время впечатлительная римская толпа. Это

было въ день посѣщенія нами итальянской палаты депутатовъ. Населеніе, узнавъ, что мы тамъ находимся, заполнило всѣ прилегающіе площади, улицы и переулки. Происходило это въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда въ Римѣ чуть не ежечасно получались все болѣе радостныя свѣдѣнія о нашихъ громовыхъ успѣхахъ на юго-западномъ фронтѣ, объ огромномъ количествѣ забранныхъ нами въ плѣнъ австрійцевъ, превышавшемъ 600 тысячъ. Для Италіи успѣхи эти имѣли исключительное значеніе; они означали освобожденіе Италіи отъ той огромной опасности, которой она въ то время подвергалась отъ побѣдоноснаго шествія австрійскихъ войскъ по направленію къ Венеціи и Падуѣ. Австрія дѣйствительно была вынуждена спѣшно перебросить свои наступавшія на Италію войска на ея оголенный нашими побѣдами восточный фронтъ. Неудивительно поэтому, что выйдя изъ палаты депутатовъ, мы были положительно захвачены толпой. Лишь съ чрезвычайнымъ трудомъ и продвигаясь съ чрезвычайной медленностью, удалось нашимъ автомобилямъ проѣхать среди нея. Крики «*evviva Rossia*» провожали насъ на всемъ протяженіи нашего пути. Подножки нашихъ автомобилей были облѣплены; намъ пожимали руки, забрасывали цвѣтами. Чувство національной гордости, принадлежности къ великому народу, къ великой странѣ было затронуто въ насъ въ высшей степени. Надо было испытать это чувство, чтобы почувствовать всю его невыразимую сладость. И тутъ имѣло огромное значеніе именно то, что не мы лично, совершенно неизвѣстные римскому населенію отдѣльные люди, были предметомъ народныхъ овацій. Тутъ чествовался нашъ народъ, наша страна. Мы являлись лишь случайными ея представителями, но въ насъ видѣли отраженіе великой Россіи и на насъ отражалась вся ея мощь, все ея величіе, «какъ солнцѣ въ малой каплѣ воды».

Вспомнилъ, вѣроятно, и Милюковъ тотъ исключительный успѣхъ, который имѣли въ Римѣ произнесенныя имъ тамъ рѣчи. «*Un altro discorso del Signor Miliukoff*», такъ озаглавлены были крупнымъ шрифтомъ номера газетъ, заключавшихъ его вторую, послѣ первой, прельстившей итальянцевъ, рѣчь.

И вотъ мы остались тѣми же, чѣмъ были раньше, но померкло то солнце, которое въ насъ отражалось, и мы тотчасъ почувствовали какъ свое личное ничтожество, такъ и то безмѣрное значеніе, которое имѣетъ для человѣка принадлежность къ тому или иному національному цѣлому, и какъ степень обаянія этого цѣлага конкретно сказывается въ отношеніяхъ къ нему окружающей международной среды.

Рухнувшая великая имперія увлекла въ своемъ катастрофическомъ паденіи весь тотъ авторитетъ, весь престижъ, которыми дотолѣ обладали внѣ своихъ предѣловъ Россія и русскій народъ. Въ лучшемъ случаѣ являлись мы предметомъ обиднаго сожалѣнія, да и оно оказывалось въ видѣ милости.

Слова «родина», «государство», не столько забытыя, сколько оплеванныя частью русской революціонной интеллигенціи, вдругъ приобрѣли свое истинное, огромное и вполне реальное значеніе.

Въ Римѣ наше національное униженіе не ощущалось, однако, такъ рѣзко и такъ болѣзненно, какъ въ послѣдствіи при посѣщеніи Лондона, а въ особенности Парижа. Здѣсь наше посольство сумѣло сохранить еще до извѣстной степени свое значеніе и мѣстное правительство продолжало повидимому съ нимъ считаться. Со стороны нашего посольства въ Римѣ мы встрѣтили привѣтливый пріемъ. Совѣтникъ посольства Персіани (посолъ Гирсъ находился въ Парижѣ) и повѣренный при Ватиканѣ Лысаковскій насъ тотчасъ ознакомили съ общимъ положеніемъ «русскаго вопроса».

По ихъ словамъ, главнымъ препятствіемъ оказанію реальной помощи Россіи со стороны Антанты являлись западно-европейскія социалистическія партіи. Вожаки

ихъ съ жаромъ требовали не борьбы съ большевиками, а, наоборотъ, ихъ признанія законнымъ правительствомъ Россіи. Играя на усталости народовъ и войскъ, социалистамъ легко было педдерживать среди нихъ враждебное отношеніе къ самой мысли о походѣ въ Россію.

При посредствѣ нашего посольства мы были тотчасъ приняты товарищемъ иностранныхъ дѣлъ. Предсѣдатель совѣта министровъ Орландо и министръ иностранныхъ дѣлъ Соннино уѣзжали въ тотъ же день въ Парижъ и любезно передали намъ, что рассчитываютъ свидѣться съ нами тамъ.

Безпрепятственно получивъ, черезъ посредство того же нашего посольства, визы на Францію, мы черезъ двое сутокъ устремились въ Парижъ.

VI.

Пріѣздъ въ Парижъ. Непріязненное отношеніе къ нашей делегаціи французскаго правительства и В. А. Маклакова. Отъѣздъ въ Лондонъ. Положеніе нашего представителя въ Лондонѣ. Условія общественной работы въ Лондонѣ и въ Парижѣ. Возвращеніе въ Парижъ. Политическое совѣщаніе при русскомъ посольствѣ. Посѣщеніе французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Пишона.

Парижъ насъ встрѣтилъ во всѣхъ отношеніяхъ непривлекательно и хмуро. Былъ холодный, дождливый день и все было окутано туманомъ. На станціи насъ встрѣтилъ какой то французскій офицеръ, оказавшійся мобилизованнымъ канцелярскимъ чиновникомъ нашего посольства. Городъ былъ еще сравнительно пустъ, движеніе на улицахъ незначительное, отчасти за малымъ количествомъ таксомоторовъ: большинство ихъ было реквизировано еще въ началѣ войны, а новые еще не появились. Гостиницы были однако переполнены: уже начался съѣздъ безчисленнаго количества причастныхъ къ предстоявшей мирной конференціи, а также возвращеніе съ фронта нѣкоторыхъ частей союзныхъ войскъ. На улицѣ встрѣчались въ множествѣ англійскіе, австралійскіе, а въ особенности, американскіе офицеры и солдаты — они то и заполняли парижскія гостиницы. Еще явственно ощущались послѣдствія войны. Сахара почти не было — его замѣнялъ сахаринъ, хлѣбъ выдавался по карточкамъ. Уличное освѣщеніе за недостаткомъ угля сокращено до минимума.

Но это была лишь внѣшняя сторона, намъ безразличная. Безконечно хуже былъ пріемъ, оказанный намъ французскимъ правительствомъ и... нашимъ посломъ В. А. Маклаковымъ.

Получивъ отъ сего послѣдняго, послѣ переговоровъ по телефону милостивое разрѣшеніе къ нему явиться въ 9 часовъ вечера, мы услышали отъ него горькія сѣтованія по поводу нашего пріѣзда. Не поинтересовавшись вовсе ни цѣлью нашего пріѣзда, ни причинами, его вызывавшими, онъ намъ заявилъ, что французское правительство въ ярости отъ нашего прибытія все на томъ же основаніи нахождения во главѣ депутаціи Милюкова, для Франціи неприемлемаго вслѣдствіе его... измѣны. То, что Милюковъ не возглавляетъ депутаціи, а состоитъ лишь однимъ изъ ея членовъ, положенія не измѣняетъ, тѣмъ болѣе, что всѣ газеты сообщили о пріѣздѣ депутаціи Милюкова, сопроводивъ это сообщеніе нелестными по его адресу замѣчаніями.

Далѣе Маклаковъ сообщилъ, что его вызвалъ Пишонъ — министръ иностранныхъ дѣлъ, и отъ имени Клемансо передалъ ему его крайнее неудовольствіе и опредѣленное распоряженіе: «qu'ils s'en aillent d'ici». Подлинныя слова Клемансо были вѣроятно красочнѣе. Попали мы къ тому же, по словамъ Маклакова, во Францію лишь случайно, ибо въ Константинополь, а затѣмъ въ Римъ было дано знать о невыдачѣ намъ визъ, а на итальянскую границу — о непроездѣ насъ во Францію.

Заявленія эти, сопровождаемыя указаніемъ на необходимость тотчасъ оставить Парижъ, насъ, разумѣется въ высшей степени поразили. Тутъ только мы сообразили, что намъ слѣдовало разстаться съ Милюковымъ еще въ Константинополѣ, коль скоро намъ стало извѣстно, что французское правительство, да и общественность относятся къ его личности отрицательно. Да и то сказать, инициатива, казалось бы, должна была исходить отъ него самого. Не дооцѣнили мы французскаго мелочнаго, щекотливаго самолюбія. Побѣдители въ міровой войнѣ, казалось, должны были быть выше этого. Подобная мнительность понятна у униженныхъ и побѣжденныхъ и совершенно непонятна у возвеличенныхъ и торжествующихъ.

Но это была лишь одна сторона вопроса. Меня поразило во всемъ этотъ инцидентъ другое, а именно роль нашего посла, повидимому, превратившагося въ послушнаго исполнителя приказаній французскаго правительства. Я не могъ понять, какимъ образомъ Маклаковъ, который къ тому времени могъ черпать свою силу, только опираясь на ту русскую общественность, выразителями которой были члены нашей делегаціи, и притомъ самъ старый общественный дѣятель, не заступился самымъ рѣшительнымъ образомъ за представителей, какъ ни на есть, всего русскаго антибольшевицкаго фронта. Если даже допустить, что онъ не былъ въ состояніи отстоять передъ французами Милюкова, то вѣдь за другими членами делегаціи никакихъ винъ по отношенію къ Франціи не числилось и намъ таковыя никѣмъ не приписывались.

Положеніе Маклакова въ Парижѣ было несомнѣнно весьма трудное, тѣмъ болѣе, что онъ не успѣлъ представить свои вѣрительныя грамоты до паденія временнаго правительства, которымъ онъ былъ аккредитованъ, а посему оффиціально признаннымъ Франціей посломъ ни единой минуты не былъ. Дабы удержаться на положеніи хотя бы полупризнаннаго посла государственной Россіи, онъ поневолѣ вынужденъ былъ идти на компромиссы. Въ результатъ получилось представленіе, что изъ защитника русскихъ интересовъ во Франціи Маклаковъ превратился въ проводника французскихъ пожеланій въ русскіе общественные круги.

Изъ отношенія Маклакова къ нашей делегаціи я кромѣ того пришелъ къ убѣжденію, что нашъ пріѣздъ ему по существу едва ли не болѣе непріятенъ, нежели сумасбродному Клемансо, для котораго фактически онъ не могъ имѣть существеннаго значенія. Наоборотъ, Маклаковъ не могъ не понимать, что его полномочія, формально даже меньшія, нежели наши, которыя все же исходили отъ организацій существующихъ, тогда какъ своими полномочіями онъ былъ облеченъ безвозвратно потонувшимъ въ Летѣ временнымъ правительствомъ. Пріѣздъ Милюкова долженъ былъ быть ему особенно непріятенъ, ибо именно подписью Милюкова, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ первыхъ недѣлъ существованія временнаго правительства, были скрѣплены его вѣрительныя грамоты. Посему, если признавать погибшее прошлое, то уже лучше въ лицѣ давшаго извѣстныя полномочія, нежели получившаго ихъ. Будь, слѣдовательно, Милюковъ пріемлемъ для Франціи, онъ могъ бы легко занять въ Парижѣ такое положеніе, которое свело бы положеніе Маклакова къ нулю. Трудно было при такихъ условіяхъ ожидать, что Маклаковъ приложитъ какія либо старанія къ реабилитаціи Милюкова въ глазахъ французскаго правительства.

Исходя изъ всего этого и возмущенный столь быстрой утратой обаянія русскаго имени въ той Франціи, которая безъ самоотверженнаго содѣйствія русской военной силы давно была бы стерта въ порошокъ Германіей, я высказалъ Маклакову все, что думалъ объ его образѣ дѣйствій. «Казалось бы, сказалъ я между прочимъ, что представителю Россіи, оторванному отъ нея въ теченіе 14 мѣсяцевъ, самому важно прежде всего знать, что творится въ странѣ, интересы которой онъ призванъ отстаивать. Вѣдь со времени большевицкаго переворота мы первые русскіе

люди, отъ которыхъ вы можете услышать вполне обоснованное описаніе существующаго тамъ положенія. Между тѣмъ всѣ ваши заботы сводятся къ тому, чтобы насъ скорѣе отсюда сплавить. Вы даже не поинтересовались насъ спросить, что творится въ Россіи, каково положеніе большевицкой власти и есть ли надежда на ея скорое сверженіе».

Послѣ этого, само собой разумѣется, послѣдовалъ между Маклаковымъ и мною рѣзкій обмѣнъ мнѣній, конечно не содѣйствовавшій измѣненію его отношенія къ нашей делегаціи, а посему мы лишены были всякой возможности даже попытаться осуществить нашу миссію. Между тѣмъ, делегація наша могла бы оказать тому же Маклакову существенную помощь въ его дипломатической работѣ. Отъ него зависѣло расшумѣть насъ, придать намъ въ глазахъ французскаго правительства и общественности даже большее значеніе нежели мы имѣли, словомъ насъ всецѣло использовать. По существу это могло лишь укрѣпить его собственное положеніе, такъ какъ никому изъ насъ и въ голову не приходило развѣнчивать положеніе нашего посла. Съ Милюковымъ включительно мы желали лишь укрѣпить его престижъ. Въ этихъ видахъ ему нужно было самому какъ бы стать во главѣ прибывшей делегаціи и вмѣстѣ съ ней посѣтить видныхъ французскихъ политическихъ дѣятелей.

Талантливый адвокатъ, блестящій ораторъ, Маклаковъ, увы, не былъ созданъ для роли отвѣтственнаго представителя великаго государства, роли, исполняемой впоследствии, надо это съ прискорбіемъ признать, съ большимъ достоинствомъ посланцами большевиковъ, даромъ, что большинство ихъ не принадлежитъ къ русскому племени.

Я долженъ впрочемъ прибавить, что въ представленіи Маклакова могла быть и иная причина, оправдывающая его отрицательное, чтобы не сказать враждебное, отношеніе къ нашей делегаціи, а именно участіе въ ней Шебеко, а въ особенности меня, слывущаго, не безъ основаній, за приверженца правыхъ монархическихъ убѣжденій.

Была впрочемъ, повидимому, и иная причина, по которой я также не былъ *persona grata* для Клемансо. Зависѣла она отъ того положенія, которое занялъ въ Парижѣ высланный Керенскимъ изъ Россіи братъ мой, бывшій одно время начальникомъ штаба верховнаго главнокомандующаго. Онъ громко и рѣзко заявлялъ повсюду, что Россію, а тѣмъ болѣе ея участіе въ міровой войнѣ, можетъ возродить только монархія. Это уже не нравилось Клемансо, а къ этому еще прибавилось бывшее у брата личное острое столкновеніе съ Клемансо по поводу перевоза тѣла своей жены изъ сферы военныхъ дѣйствій, гдѣ она, работая въ передовомъ лазаретѣ, была убита бомбой, брошенной съ аэроплана.

По поводу участія въ нашей делегаціи представителей праваго крыла нашей общественности надо прибавить, что если въ предѣлахъ Россіи даже социалистическія партіи понимали, что правое теченіе въ ней отнюдь не умерло, что безъ участія его представителей Россія, какъ таковая, не можетъ быть представлена, то на Западѣ, при его сказочномъ незнакомствѣ съ условіями жизни нашей родины, господствовало убѣжденіе, что правыя политическія партіи въ Россіи никакихъ корней въ толщѣ населенія не имѣютъ и представляютъ лишь жалкіе обломки безвозвратнаго пропалаго; шли на Западѣ даже дальше и полагали, что всѣ буржуазные элементы страны лишились въ Россіи всякой мощи и даже значенія. Соціалисты одни нынѣ могутъ играть какую либо роль въ Россіи, думалъ весь Западъ. Недалекъ былъ, повидимому, отъ этого взгляда и самъ Маклаковъ и во всякомъ случаѣ считалъ, что лишь въ союзѣ съ социалистами и примкнувшими къ нимъ, при полномъ отчужденіи отъ всякихъ правыхъ элементовъ, можетъ онъ добиться отъ странъ согласія, въ част-

ности отъ Франціи, какой либо реальной помощи для сверженія большевицкаго ига. Наглядно доказываетъ это то окруженіе, которое онъ вокругъ себя создалъ. Но объ этомъ позднѣе.

Сила солому ломить; что могли мы, представители лишившейся всякаго международнаго обаянія русской общественности, сдѣлать, имѣя противъ себя и французское правительство, въ лицѣ его своенравнаго главы, и представителя во Франціи интересовъ той же русской общественности. Ясно, что мы должны были исчезнуть *ad majorem* Маклакова *laetitiam*. Дѣйствительно не прошло и трехъ дней, какъ мы уныло поплелись въ Лондонъ, хотя было совершенно ясно, что вся наша миссія вылетѣла въ трубу и что мы могли съ такимъ же успѣхомъ вернуться во свояси.

Кто могъ придать въ Англии значеніе делегаціи, безцеремонно выкинутой изъ предѣловъ ея союзницы, которая къ тому же играла въ то время среди странъ со-гласія, по крайней мѣрѣ по видимости, первенствующую роль.

Правда передъ нашимъ отъѣздомъ Маклаковъ обѣщалъ «выхлопотать» у Клемансо черезъ Пишона разрѣшеніе намъ вернуться во Францію и здѣсь все же попытаться повидаться съ вліятельными политическими дѣятелями. Но въ нашемъ дѣлѣ отсрочка была равносильна утратѣ имъ всякаго значенія.

Передъ отъѣздомъ изъ Парижа делегація наша единогласно рѣшила разстаться съ Милюковымъ, подвергнутымъ окончательному ostracismu изъ Франціи, ostracismu, продолжавшемуся около двухъ лѣтъ. Присутствіе Милюкова въ нашей средѣ могло поставить насъ въ Лондонѣ въ столь же тяжелое положеніе, въ какомъ мы очутились въ Парижѣ. Достигли мы этого однако не сразу. Наше предложеніе Милюкову замѣнить себя въ нашей средѣ какимъ либо инымъ членомъ кадетской партіи, недостатка въ которыхъ въ Парижѣ, да и въ Лондонѣ, не было — онъ рѣшительно отвергъ.

Помирились подъ конецъ на томъ, что въ Англию мы выѣдемъ съ нимъ вмѣстѣ, но въ Лондонѣ онъ уже къ нашему составу принадлежать не будетъ и во всѣхъ нашихъ выступленіяхъ участія не приметъ.

Въ Лондонѣ насъ ожидалъ новый сюрпризъ, хотя и мелкій, но еще рѣзче характеризовавшій отношеніе нашихъ дипломатическихъ представителей къ представителямъ русской общественности.

Предполагая, что, по примѣру Парижа, гостиницы Лондона также переполнены, мы телеграфировали исполнявшему обязанность посла совѣтнику нашего посольства Набокову просьбу задержать намъ какое либо помѣщеніе. Необходимо это было тѣмъ болѣе, что изъ Франціи насъ, по просту говоря, вытолкнули какъ разъ въ Рождественскій сочельникъ и, слѣдовательно, въ Лондонъ мы должны были пріѣхать въ самый день Рождества, когда весь городъ представляетъ пустыню и даже лишенъ средствъ сообщеній. Однако, на лондонской станціи насъ никто не встрѣтилъ и, когда мы не безъ труда добились телефоннаго сообщенія съ нашимъ посольствомъ, то намъ оттуда сообщили, что всѣ гостиницы Лондона переполнены, и посему помѣщенія для насъ не удалось задержать.

Очутились мы такимъ образомъ въ томъ же положеніи, въ которомъ Шебеко и я были мѣсяца за два передъ тѣмъ въ Екатеринодарѣ, съ той существенной разницей, что тамъ были по крайней мѣрѣ извозчики, а здѣсь, благодаря праздничному дню, и ихъ не было. Пришлось въ совершенно незнакомомъ городѣ-лабиринтѣ распутываться самимъ. Не стану описывать нашихъ дальнѣйшихъ похожденій. Въ концѣ концовъ, мы разумѣется устроились.

Въ тотъ же день побывали мы, конечно, и въ посольствѣ, гдѣ опять пришлось высказать нѣсколько кислыхъ словъ нашему представителю, впрочемъ отнесшемуся

къ нашему прїѣзду безъ непрїязни, а просто индифферентно. Русскіе люди, пребывавшіе съ давнихъ поръ за границей и не испытывшіе того, къ чему привелъ въ Россіи захватъ власти большевиками, были совершенно иначе настроены, нежели мы, видѣвшіе воочию, во что превращаетъ страну хозяйничанье шайки преступныхъ изувѣровъ. По нимъ мы могли судить о степени индифферентизма къ несчастіямъ нашей родины иностранцевъ, положеніе которыхъ послѣ изнурительной войны было у самихъ незавидное.

Отъ Набокова мы слышали лишь безконечныя іереміеды о трудности его положенія. Нашу миссію онъ признавалъ совершенно безнадежной. Трудность положенія Набокова существовала несомнѣнно, но, какъ мы впоследствии узнали, происходила она въ значительной степени отъ его собственнаго образа дѣйствій. Занимая довольно продолжительное время постъ совѣтника русскаго посольства въ Лондонѣ, Набоковъ успѣлъ себѣ составить тамъ, какъ въ дипломатическомъ, такъ и въ политическомъ мірѣ довольно обширныя связи. Испортилъ онъ свое положеніе тѣмъ, что послѣ первой, февральской революціи, громко и повсемѣстно высказывалъ свое удовольствіе по поводу сверженія монархіи. Англичане прежде всего цѣнятъ корректность. Они не могли понять, какимъ образомъ долголѣтній представитель царскаго правительства, облеченный къ тому же придворнымъ званіемъ, могъ со дня на день повернуться спиной ко всему прошлому, которому самъ же служилъ, и поклоняться новымъ еще ничѣмъ себя не проявившимъ богамъ. Англійскіе друзья Набокова сочли этотъ поступокъ некорректнымъ и не замедлили отъ него отвернуться.

Впрочемъ, примѣръ Набокова, его крутой политической *volte face*, далеко не единичный: онъ свидѣтельствовалъ о глубокомъ разложеніи, о гнилости рухнувшаго режима.

Словомъ, если Маклаковъ не желалъ намъ помочь исполнить нашу трудную миссію, то Набоковъ просто не могъ этого сдѣлать, и мы были предоставлены въ Лондонѣ, какъ и въ Парижѣ, собственнымъ силамъ. Силы же наши были тѣмъ болѣе слабыя, что въ Лондонѣ наша делегація представляла лишь оба фланга русской общности — опредѣленно социалистической и опредѣленно консервативно-монархической. Середина изъ нашей делегаціи выпала, такъ какъ, кромѣ Милюкова, съ которымъ мы разстались сознательно, выбылъ и Третьяковъ, оставшійся въ Парижѣ вслѣдствіе болѣзни одного изъ его дѣтей. Для Третьякова Маклаковъ соблаговолилъ сдѣлать исключеніе и получилъ для него разрѣшеніе остаться въ Парижѣ, чѣмъ еще очевиднѣе выяснилось, что отъ него вполне зависѣло предоставить намъ всѣмъ, скажемъ, за исключеніемъ Милюкова, дѣйствительно вооружившаго противъ себя Клемансо, возможность остаться въ Парижѣ и тамъ въ мѣрѣ нашихъ силъ и разумѣнія исполнить возложенное на насъ порученіе.

Само собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ намъ не удалось даже проникнуть къ находившимся у власти англійскимъ политическимъ дѣятелямъ. Не безъ труда добились мы пріема у товарища министра иностранныхъ дѣлъ — Грэхама. Впрочемъ самъ министръ иностранныхъ дѣлъ — лордъ Хардингъ, равно какъ премьеръ Ллойдъ Джорджъ, были уже въ Парижѣ для участія въ прелиминарныхъ разговорахъ союзниковъ по предстоявшей мирной конференціи.

Грэхаму мы высказали лишь одно пожеланіе, а именно, чтобы союзники намъ дали опредѣленный отвѣтъ, намѣрены ли они оказать дѣйствительную помощь Россіи или нѣтъ и въ утвердительномъ случаѣ объяснили бы, въ чемъ помощь ихъ будетъ состоять и въ какой срокъ осуществится, дабы русскія борющіяся съ большевизмомъ силы знали, чего держаться и согласовали бы съ этимъ свои дѣйствія. Грэхамъ, повидимому, призналъ правильность нашего пожеланія, но объяснилъ, что для раз-

рѣшенія этого вопроса намъ слѣдуетъ отправиться въ Парижъ, гдѣ нынѣ находятся всѣ главы союзныхъ государствъ.

Еще разъ пришлось пожалѣть о нашемъ изгнаніи изъ Парижа, гдѣ, увы, наше дипломатическое представительство не сумѣло дать этому вопросу приведенную единственно правильную постановку. Послѣднее и привело къ тому, что союзники въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ (до ноября 1920 г.), не отказывая намъ въ помощи и даже частично по временамъ ее проявляя, фактически лишь содѣйствовали ослабленію и разрушенію русской государственной мощи.

Если въ правительственныхъ кругахъ Англіи намъ не удалось даже, за упомянутымъ исключеніемъ, толково изложить цѣль нашего приѣзда, а тѣмъ болѣе высказать нашу точку зрѣнія на большевизмъ и представляемую имъ міровую опасность, то въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ это оказалось вполнѣ возможнымъ.

Наши коллеги социалисты завязали сношенія съ представителями англійскихъ социалистическихъ круговъ и тамъ проводили то неоспоримое положеніе, что большевики опаснѣйшіе враги социализма, какъ его понимаютъ англійскіе рабочіе круги. Они держали насъ въ курсѣ предпринимаемыхъ ими шаговъ, и вообще я долженъ сказать, что за все время нашей совмѣстной, правда иллюзорной, дѣятельности мы дѣйствовали вполнѣ солидарно и даже дружно и никакихъ конфликтовъ между нами не возникало.

Вообще общественная работа въ Англіи для иностранцевъ, желающихъ ознакомиться страну со своими взглядами и устремленіями, безмѣрно легче, нежели во Франціи. Содѣйствуетъ этому прежде всего широкій интересъ англійской общественности къ самымъ разнообразнымъ вопросамъ, хотя бы они непосредственно не затрагивали чисто англійскихъ интересовъ. Страна мореплавателей, раскинувшая своихъ сыновъ по всѣмъ частямъ свѣта, естественно отличается болѣе широкимъ умственнымъ горизонтомъ, нежели страны, замкнувшіяся въ себѣ и подобно Франціи централизовавшія едва ли не всю свою культурную силу въ одномъ пунктѣ—Парижѣ. Вслѣдствіе этого во Франціи сколько нибудь широкая публика, кромѣ чисто мѣстныхъ вопросовъ, рѣшительно ничѣмъ не интересуется, и вообще отличается въ вопросахъ международныхъ крайнимъ невѣжествомъ. Отражается это прежде всего въ временной печати. Парижская пресса, по содержанію вообще убогая, почти всецѣло заполнена сообщеніями о мѣстныхъ происшествіяхъ, причемъ особенное вниманіе обращено на уголовную хронику. Кромѣ того, она отличается откровенной продажностью. Помѣстить статью или замѣтку по любому вопросу изъ области международной политики можно въ любой газетѣ любого направленія, но исключительно за плату и притомъ высокую. Исключеніе составляютъ органы обоихъ крайнихъ фланговъ — коммунистическаго и ройялистическаго. Въ нихъ соблюдается строжайшая партійность. Въ остальной массѣ органовъ печати можно сплошь и рядомъ усмотрѣть рѣзкіе переходы по вопросамъ, касающимся какихъ либо иностранныхъ государствъ, съ одной точки зрѣнія на другую, обратную. На выраженное желаніе помѣстить статью по украинскому вопросу редакція одного изъ крупнѣйшихъ органовъ французской печати мнѣ цинично отвѣтила: «passez à la caisse». Дѣлается это, слѣдовательно, совершенно явно и прикрывается именемъ «publicité».

Совершенно иначе поставлена англійская пресса. Помѣстить статью въ пользу защищаемаго тезиса, коль скоро онъ не противорѣчитъ взгляду, проводимому самой газетой, не представляетъ труда. Это тѣмъ болѣе легко, что каждый номеръ англійскихъ ежедневныхъ газетъ представляетъ по объему цѣлую книгу. Разнообразіе имѣющихся въ Англіи мнѣній обуславливаетъ и множество различныхъ

печатныхъ органовъ, что и даетъ возможность найти такой органъ, который въ общемъ поддерживаетъ ту точку зрѣнія, которую отстаиваешь и стремишься проводить.

Столь же легко въ Англіи собрать многочисленную аудиторію для публичнаго сообщенія на любую тему. Во Франціи и это невозможно. За исключеніемъ злободневныхъ вопросовъ, близко затрагивающихъ въ данную минуту французскіе, преимущественно матеріальные интересы, никакое сообщеніе сколько-нибудь многочисленной публики не соберетъ, а тѣ, что приходятъ, состоятъ исключительно изъ вашихъ же единомышленниковъ, а слѣдовательно убѣждать ихъ бесполезно. Это значитъ, просто ломиться въ открытую дверь. Въ Лондонѣ, наоборотъ, среди любой аудиторіи всегда найдутся лица, не раздѣляющія мнѣнія докладчика и готовые вступить съ нимъ, какъ выражаются большевики, въ дискуссію. Вліять при такихъ условіяхъ на англійское общественное мнѣніе всегда возможно, притомъ не безуспѣшно. Къ тому же въ Лондонѣ съ его многочисленными политическими клубами можно найти опору для своей дѣятельности въ той или иной партійной группировкѣ.

Всѣ эти условія мы испытали тотчасъ по приѣздѣ въ Лондонъ, хотя лично почти никакими связями не обладали, а наше посольство, какъ я уже упомянулъ, отчасти не дало себѣ этого труда, отчасти не могло.

Начать съ того, что одинъ изъ крупнѣйшихъ политическихъ клубовъ Лондона — National Liberal club далъ намъ доступъ въ свою среду на опредѣленный, если не ошибаюсь, мѣсячный срокъ. По уставу клуба для болѣе продолжительнаго права его посѣщенія надо вступить въ его постоянные члены, что впрочемъ достигается безъ труда, но связано съ довольно крупной ежегодной платой. Но этимъ клубъ не ограничился. Онъ устроилъ въ своихъ стѣнахъ, въ одной изъ своихъ многочисленныхъ залъ, публичное собраніе, на которомъ мы получили возможность сдѣлать сообщеніе о положеніи Россіи и о томъ, что представляетъ большевизмъ.

Устроилъ въ нашу честь многолюдный банкетъ и British-Russian club, членами коего состоятъ англійскіе промышленники, имѣющіе предпріятія въ Россіи (изъ нихъ многіе въ теченіе долгихъ лѣтъ жили въ Россіи и мечтаютъ лишь о скорѣйшемъ возвращеніи туда; они даже просили насъ произнести въ дополненіе къ нашимъ англійскимъ банкетнымъ рѣчамъ нѣсколько словъ по русски, вызвавшихъ среди нихъ неподдѣльный энтузіазмъ).

British-Russian club велъ въ ту пору дѣятельную пропаганду въ пользу англійской матеріальной помощи русскимъ силамъ, борющимся съ большевиками. Онъ печаталъ брошюры на эту тему, использовалъ съ той же цѣлью сочувствующую этой мысли прессу и устраивалъ въ тѣхъ же видахъ многолюдныя публичныя собранія, предсѣдательствуемая видными политическими дѣятелями. Наболѣе энергичнымъ членомъ этого клуба былъ Лесли Урквардъ, столь впоследствии нашумѣвшій своей попыткой сговориться съ совѣтской властью по вопросу о возвращеніи акціонерамъ Киштымскаго металлургическаго предпріятія.

Нѣкоторые изъ насъ были приглашены и въ City luncheon club, средоточіе мѣстныхъ крупныхъ промышленниковъ, и тамъ имѣли возможность сдѣлать сообщеніе по русскому вопросу.

Словомъ общественная работа русскихъ политическихъ дѣятелей въ Лондонѣ была и есть возможна, однако работа эта длительная и хотя несомнѣнно полезная, но достигнуть реальныхъ результатовъ ею одною едва ли возможно.

Еще болѣе или, вѣрнѣе, совершенно безнадежно провести что либо черезъ посредство королевскаго двора. Англійская королевская семья, связанная узами родства съ русскимъ императорскимъ домомъ, несомнѣнно относится вполне враждеб-

но къ большевикамъ, но оказать какое-либо вліяніе на англійскую политику рѣшительно не въ состояніи. Королева Александра, весьма любезно меня принявшая, рекомендовала меня одному лицу, могущему мнѣ помочь войти въ сношеніе съ нѣкоторыми оффиціальными лицами. Вошелъ я такимъ образомъ въ связь съ нѣкоторыми вліятельными лицами изъ англійскаго военнаго міра, по убѣжденіямъ въ общемъ весьма консервативнаго. Лица эти высказывали большое сочувствіе къ Россіи, причѣмъ тутъ, вѣроятно, играло роль чувство братства по оружію. Однако, и эти лица сказали мнѣ, что о посылкѣ англійскихъ войскъ въ Россію не можетъ быть и рѣчи. Демобилизацію своихъ войскъ Англія вынуждена произвести немедленно, иначе ей угрожаютъ военные бунты (въ Folkestone такой бунтъ произошелъ черезъ нѣсколько дней послѣ бесѣды съ лицами изъ War office).

По словамъ моихъ собесѣдниковъ въ War office возникла, однако, мысль образовать, со специальной цѣлью ихъ посылки въ Россію, нѣсколько дивизій изъ добровольцевъ. Для этого, по ихъ словамъ, нужны были только деньги, добровольцевъ же будетъ сколько угодно, такъ какъ многіе солдаты да и офицеры утратили со вступленіемъ въ ряды войскъ свои прежніе заработки и послѣ демобилизаціи не легко и во всякомъ случаѣ не сразу принцуютъ себѣ вновь платныя занятія. Вотъ эта категорія и можетъ составить въ общемъ цѣлую армію волонтеровъ, причѣмъ большихъ лишнихъ расходовъ это не вызоветъ, такъ какъ англійское правительство все равно вынуждено будетъ оказывать безработнымъ денежную помощь.

Если таковы были предположенія нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ изъ War office, то совершенно иные взгляды понемногу обнаруживались у главы англійскаго правительства Ллойдъ Джорджа, что отражалось и на взглядахъ Foreign office, истиннаго руководителя англійской политики и хранителя ея вѣковыхъ завѣтовъ. Ослабленіе Россіи было давней мечтой Англіи и John Bull не могъ упустить неожиданно представившагося случая осуществить эту мечту. Завѣдующій русскимъ отдѣломъ въ Foreign office — Ховардъ, а въ особенности одинъ изъ его сотрудниковъ профессоръ Симсонъ, выражая на словахъ горячее сочувствіе Россіи, на дѣлѣ, очевидно, по распоряженію свыше, уже приступили, какъ мы объ этомъ осведомились, къ разрѣшенію вопроса о способѣ наиболѣе выгоднаго для Англіи расчлененія Россіи, а также разграниченія въ ея предѣлахъ сферъ вліянія отдѣльныхъ государствъ Антанты. Такъ уже въ то время выкраивались на картѣ самостоятельныя Эстонія и Латвія, равно какъ экономическій захватъ Баку съ его нефтеноснымъ райономъ. А тѣмъ временемъ, наивные вожди нашей добровольческой арміи все не разставались съ мыслью о сохраненіи чистоты своихъ ризъ въ отношеніи своихъ бывшихъ союзниковъ.

Войти въ болѣе тѣсныя, или хотя бы разнородныя сношенія съ лицами, стоящими у власти, для нашей делегаціи не было физической возможности. Всѣ скольконибудь вліятельныя лица, принадлежащія къ правившей въ то время партіи, изъ Лондона отсутствовали; они всѣ переѣхали въ Парижъ на готовившуюся мирную конференцію. Дѣловая свита Ллойдъ Джорджа насчитывала болѣе тысячи чело-вѣкъ. Географическимъ центромъ всей политической жизни Европы временно сдѣлался Парижъ.

Нашей делегаціи въ Лондонѣ было нечего дѣлать. Тѣхъ лицъ, которымъ намъ казалось полезнымъ изложить цѣль нашего пріѣзда, мы всѣхъ перевидали, причѣмъ убѣдились, что лица эти, при всей ихъ благонадежности къ Россіи, значенія не имѣютъ, ибо лишены серьезнаго вліянія на ходъ дѣлъ. Такими были между прочимъ бывшіе послы въ Петербургѣ — американскій Франсисъ и англійскій Бьюкенъ. Оба они, на словахъ по крайней мѣрѣ, раздѣляли нашу точку зрѣнія на боль-

шевизмъ, какъ на міровую опасность, но при этомъ оба говорили, что намъ не слѣдуетъ надѣяться на военную помощь державъ Антанты. Слѣдовало перечисленіе тѣхъ же причинъ — утомленіе войскъ, противодѣйствіе социалистическихъ партій, несочувствіе массъ.

То же самое весьма подробно развилъ долголѣтній французскій посолъ въ Лондонѣ — Paul Cambon. Дипломатъ старой школы — умный, тонкій, очаровательный въ обращеніи, онъ намъ сказалъ, что какъ мирная конференція, такъ и вообще судьбы Европы нынѣ всецѣло въ рукахъ Америки или вѣрнѣе президента сѣверо-американскихъ штатовъ — Вильсона. Это иллюминатъ, мистически помѣшанный на своихъ 14 пунктахъ. Однимъ изъ нихъ является право самоопредѣленія всѣхъ націй и племенъ.

«Быть можетъ, играя на этомъ, сказалъ Cambon, вы могли бы настроить его противъ большевиковъ, интернаціоналистовъ по существу, да къ тому же на этихъ дняхъ свергнувшихъ кіевскую директорію Винниченко и присоединившихъ Украину къ совѣтской Россіи».

Для насъ подобный мотивъ былъ, разумѣется, неприемлемъ, да и до Вильсона мы добраться не могли: онъ тоже былъ въ Парижѣ. Принялись усиленно хлопотать о визахъ на Францію, черезъ того же Paul Cambon, принявшаго въ насъ живое участіе, но на запросъ объ этомъ Парижа онъ получилъ отрицательный отвѣтъ. Маклаковъ съ своей стороны посылалъ намъ телеграммы полууспокоительнаго свойства, призывающія къ терпѣнію: «вотъ, де, ужо я вамъ все устрою».

Тѣмъ временемъ, событія шли своимъ головокружительнымъ темпомъ. Кіевъ, какъ я уже упоминалъ, былъ вновь во власти большевиковъ и, слѣдовательно, основная цѣль нашей поѣздки — спасти Украину — была уже позади: помощь Антанты въ смыслѣ спасенія богатаго юга и имѣющихся въ немъ всевозможныхъ продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ уже запоздала. Положеніе старой государственной Россіи въ Западной Европѣ становилось въ связи съ этимъ все безпомощнѣе, все унизительнѣй. На мирную конференцію даже въ качествѣ свѣдущихъ людей, представителей Россіи допустить никоимъ образомъ не желали, не взирая на всѣ старанія образовавшагося съ этой цѣлью въ Парижѣ при русскомъ посольствѣ политическаго комитета, составившагося изъ кн. Львова, Сазонова и Маклакова.

Наконецъ, проявилось и истинное лицо Антанты, а въ особенности Англій по отношенію къ Россіи, и вся тщета возлагавшихся на нее надежды выявилась вполне. По предложенію Ллойдъ Джорджа мирная конференція, или вѣрнѣе, участвовавшіе въ ней державы согласія постановили предложить всѣмъ образовавшимся на территоріи бывшей Россійской имперіи правительствамъ и политическимъ новообразованиямъ, въ томъ числѣ и большевикамъ, собраться на общую конференцію, въ которой примутъ участіе и представители Антанты, причемъ мѣстомъ для этой конференціи самовластно назначили Принцесы острова, что на Мраморномъ морѣ вблизи Константинополя. Острова эти извѣстны между прочимъ тѣмъ, что на одинъ изъ нихъ были свезены и заморены голодомъ всѣ безчисленныя собаки, заполнявшія до тѣхъ поръ улицы турецкой столицы. Цѣль была совершенно ясная — закрѣпить расчлененіе Россіи на множество слабыхъ политическихъ единицъ.

Предложеніе это вызвало крайнее возмущеніе среди имѣвшихся въ Лондонѣ русскихъ общественныхъ круговъ, даромъ, что большинство изъ нихъ принадлежало къ бывшимъ эмигрантскимъ кругамъ. Надо отдать справедливость Набокову: не въ примѣръ Маклакову, съ мѣста отмежевавшемуся отъ русской общественности, надо полагать изъ опасенія, что эта общественность вовлечетъ его въ такія дѣйствія, которыя поколеблютъ его положеніе передъ французскимъ правитель-

ствомъ, Набоковъ, наоборотъ, широко раскрылъ двери русскаго посольства всѣмъ образовавшимся въ Лондонѣ русскимъ организаціямъ. Послѣднія, соединившись благодаря этому воедино, образовали одинъ общій центральный комитетъ, собиравшійся въ Chesham House — зданіи, занимаемомъ русскимъ посольствомъ.

Здѣсь мирно засѣдали рядомъ представители старой, царской Россіи и видные представители революціонныхъ теченій. Близкій другъ Керенскаго — докторъ Гавронскій, лѣвый кадетъ журналистъ Поляковъ-Литовцевъ, г-жа Тыркова-Вилльямсъ и бывшіе чины посольства и другихъ народившихся за время войны въ Лондонѣ русскихъ правительственныхъ учрежденій какъ будто нашли общій языкъ, какъ будто превратились изъ партійныхъ представителей попросту въ русскихъ гражданъ. Нашу делегацію объединеніе это встрѣтило вполне дружественно и пригласило принять участіе въ своихъ сужденіяхъ, причемъ выказало живой интересъ къ нашимъ сообщеніямъ о положеніи дѣлъ въ Россіи.

Да, Лондонъ далъ намъ образчикъ одного весьма страннаго, но ясно сказавшагося явленія: представители бывшаго царскаго правительства повсюду шли навстрѣчу общественности и искали въ ней опоры для своей дѣятельности, наоборотъ старые общественные дѣятели, самой общественностью выдвинутые, коль скоро они занимали правительственныя должности, всячески чурались связи съ общественными кругами, выказывая по отношенію къ нимъ стчасти презрѣніе, отчасти нѣкоторую боязнь. Подобную тенденцію проявило прежде всего временное правительство. Выдвинутое государственной думой, оно тотчасъ оторвалось отъ нея и перестало ее признавать. Столь же охотно не признавало бы оно и совѣта рабочихъ депутатовъ, но тотъ, отчасти именно вслѣдствіе развѣнчанія Государственной Думы, занялъ ея мѣсто и принудилъ считаться съ собой.

Яркимъ примѣромъ такого превращенія явились именно Лондонъ, въ лицѣ нашихъ бывшихъ дипломатическихъ тамъ представителей Набокова и смѣнившаго его впоследствии Саблина, и Парижъ въ лицѣ б. члена государственной думы — Маклакова.

Наступилъ, однако, и конецъ нашему Лондонскому заточенію. Рѣшивъ, вѣроятно, что мы для него болѣе не опасны, Маклаковъ «выхлопоталъ» намъ наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, визы во Францію.

Наше почти мѣсячное пребываніе въ Лондонѣ, не давшее и не могшее дать никакихъ реальныхъ результатовъ, было все же заполнено, если не дѣломъ, то по крайней мѣрѣ видимостью дѣла. При нѣкоторой, правда, здоровой дозѣ оптимизма мы могли даже воображать, что произвели нѣкоторую полезную работу. Съ возвращеніемъ въ Парижъ, мы вынуждены были утратить всякія иллюзіи въ отношеніи смысла и пользы нашей поѣздки.

За наше отсутствіе въ Парижѣ произошли весьма крупныя относительно Россіи событія, ясно указавшія, что рѣшительно ни на чью безкорыстную помощь страна наша рассчитывать не можетъ. Россія, государственная Россія, вмѣсто того, чтобы почитаться за жертвы ея дѣйствительно самоотверженнаго участія въ войнѣ, оказалась на скамьѣ подсудимыхъ. Иначе какъ въ связи со словомъ «предатель» имя Россіи не произносилось. «La trahison russe» — вотъ выраженіе, которое можно было встрѣтить на столбахъ любого органа печати. *Môt d'ordre* въ этомъ смыслѣ былъ данъ сверху. Совершенно забывъ про то, что русская армія на поляхъ сраженій съ австро-германцами потеряла болѣе двухъ милліоновъ людей убитыми, забывъ и про то, что эта армія дважды предотвратила гибель своихъ союзниковъ, первый разъ вторженіемъ въ Восточную Пруссію, стоившимъ ей цѣлой арміи, но спасшимъ Парижъ, а второй разъ наступленіемъ Брусилова, спасшимъ Италію отъ ея разгрома и

захвата нѣмцами, президентъ французской республики въ рѣчи, которой онъ открылъ мирную конференцію, не счелъ нужнымъ даже произнести имя Россіи, какъ будто она никогда не существовала. За то онъ счелъ возможнымъ сказать, что Румынія получила предательскій ударъ въ спину, причемъ изъ контекста его рѣчи было ясно, что онъ имѣетъ въ виду неназванную имъ Россію. Выдающійся государственный дѣятель Пуанкарэ выказалъ себя здѣсь тѣмъ, что онъ есть — превосходнымъ мыслительнымъ аппаратомъ, лишеннымъ души, чѣмъ въ значительной степени и объясняется его неудача въ переговорахъ съ Германіей.

Произошли перемѣны и на *quai de Grenelle* въ бывшемъ русскомъ императорскомъ посольствѣ. Появившійся въ Парижѣ изъ Сибири князь Львовъ успѣлъ уже проявить свои основныя свойства, а именно умѣнье чрезвычайно ловко занять любое предсѣдательское кресло и полное неумѣніе играть на этомъ креслѣ роль дѣйствительнаго руководителя дѣла. Подобно тому какъ на креслѣ предсѣдателя всероссійскаго земскаго союза онъ былъ игрушкой заполонившаго союзъ безчисленнаго множества различныхъ служащихъ, а на креслѣ предсѣдателя временнаго правительства игрушкой событій, бурному теченію коихъ онъ лишь успѣшно очищаль путь, такъ и здѣсь въ Парижѣ вся его дѣятельность свелась къ занятію предсѣдательскаго кресла въ образовавшемся русскомъ политическомъ совѣщаніи, на которомъ онъ тотчасъ же и увялъ.

Совѣщаніе это, образованное изъ Львова, Сазонова и Маклакова, постаралось сейчасъ же дать себѣ модный, по условіямъ момента, уклонъ влѣво: въ него были введены видные представители воинствующаго социализма въ лицѣ престарѣлаго революціоннаго вождя — Чайковскаго и бывшаго предсѣдателя пресловутаго «временнаго совѣта російской республики» Авксентьева. Былъ по нашему возвращеніи въ Парижъ кооптированъ и членъ нашей делегаціи Титовъ. О включеніи кого либо изъ остальныхъ членовъ делегаціи, въ томъ числѣ и бывшаго члена временнаго правительства Третьякова, не могло быть и рѣчи по ихъ недопустимой правизнѣ. Впрочемъ, я не сомнѣваюсь, что если бы мы въ рѣшительной формѣ предъявили свои права на участіе въ совѣщаніи, правда безъ всякой пользы для дѣла, то достигли бы этого. Такъ именно поступилъ Савинковъ, заявившій, что либо его введутъ въ составъ совѣщанія, либо онъ самъ рѣшительно станетъ противъ этого органа, ведущаго свою преемственность отъ прежняго царскаго строя, и это его требованіе привело къ его немедленной кооптаціи.

Быть можетъ, также должны были дѣйствовать и мы — представители праваго крыла русской общественности, указавъ, что въ противномъ случаѣ организованное совѣщаніе не можетъ быть признано за отраженіе всей русской политической мысли. Но для такого образа дѣйствій у насъ не хватало рѣшимости. Нами владѣла психологія побѣжденныхъ.

Старый строй въ своемъ стремительномъ крушеніи увлекъ съ собой, если не вѣру въ наши идеалы, то во всякомъ случаѣ увѣренность, что они въ данное время имѣютъ сколько нибудь значительное число сторонниковъ въ русскихъ народныхъ массахъ, хотя бы въ культурныхъ кругахъ.

Въ обратномъ настроеніи находились социалистически мыслящіе элементы; имъ казалось, что народныя массы въ Россіи слились съ русской социаль-революціонной «интеллигенціей» и всецѣло восприняли ея лозунги, совершенно не уразумѣвъ, что изъ этихъ лозунговъ народу были любы лишь тѣ, которые ему сулили «млечныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ» и прежде всего безпредѣльное количество земли, фактически же въ нихъ пробудились отнюдь не социалистическія, а наоборотъ индивидуалистическія устремленія и ярко собственническіе инстинкты.

Была, впрочемъ, и другая причина и едва ли не главная, а именно, мы вполне сознавали, что для демократическаго запада, участіе монархистовъ въ русскомъ представительствѣ не только не поможетъ этому представительству въ его работѣ, а наоборотъ затруднитъ ее.

Повидимому, того же мнѣнія былъ и Сазоновъ, не поднявъ вопроса о пополненіи совѣщанія представителями праваго крыла общественности. Впрочемъ, самъ Сазоновъ попалъ формально въ подчиненное положеніе къ кн. Львову. Первоначально по приѣздѣ въ Парижъ Сазоновъ, сильный своимъ прошлымъ и тѣмъ, что онъ тамъ появился въ качествѣ представителя добровольческой арміи, не хотѣлъ вообще признавать никакого коллегіальнаго органа, представляющаго Россію въ Западной Европѣ, и мечталъ сосредоточить это представительство всецѣло въ своемъ лицѣ. Но тутъ онъ встрѣтился съ рѣшительнымъ противодействіемъ со стороны Маклакова, отнюдь не пожелавшаго признавать добровольческую армію за правопреемницу б. русской государственной власти, что поставило бы сохраненіе имъ своего поста отъ усмотрѣнія командованія этой арміи, а предпочелъ представлять нереальную власть, а лишь отвлеченную Россію, которая смѣнить его не въ состояніи. Воспротивился этому, разумѣется, и кн. Львовъ, успѣвшій забѣжать къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ и убѣдить его, что онъ—единственное лицо въ Парижѣ, которое имѣетъ органическія связи въ широкихъ русскихъ слояхъ, а въ особенности среди ея интеллигенціи, что и побудило Пишона поддержать кандидатуру кн. Львова на постъ предсѣдателя русскаго политическаго совѣщанія.

Передъ этимъ напоромъ Сазоновъ, не добившійся даже свиданія съ Клемансо, вынужденъ былъ склониться и смиренно пошелъ подъ главенство кн. Львова.

При наличіи въ Парижѣ упомянутаго совѣщанія наша делегация окончательно утратила значеніе и всякій смыслъ существованія. Приступи она къ работѣ тотчасъ по приѣздѣ въ Парижъ, она могла бы представить интересъ хотя бы въ отношеніи інформаціонномъ о творящемся въ Россіи. Быстрая смѣна событій привела къ тому, что ко времени нашего второго приѣзда въ Парижъ наши свѣдѣнія оказывались уже устарѣвшими и это тѣмъ болѣе, что уже съ половины января начался приливъ въ Парижъ новыхъ приѣзжихъ изъ Россіи, какъ съ сѣвера, такъ и съ юга, могущихъ сообщить значительно болѣе свѣжія свѣдѣнія и данныя.

Единственный официальный шагъ, сдѣланный нами въ Парижѣ по приѣздѣ изъ Лондона, да и то лишь для очистки совѣсти, было посѣщеніе министра иностранныхъ дѣлъ Пишона. При свиданіи съ нимъ мы не скрыли нашего возмущенія по поводу рѣчи президента французской республики при открытіи мирной конференціи, выразивъ между прочимъ удивленіе, что президентъ, повидимому, забылъ старую французскую максиму: «*coup de chapeau et parole aimable ne content rien et toujours bon est*». По этому поводу Пишонъ, отмѣтивъ, что ему не принадлежитъ право критиковать слова и поступки главы государства, сказалъ, что въ его добрыхъ чувствахъ къ Россіи мы не можемъ сомнѣваться, такъ какъ онъ только что громкогласно ихъ высказалъ съ трибуны палаты депутатовъ, гдѣ имъ дѣйствительно были произнесены слова, четко отмѣтившія заслуги Россіи въ только что закончившейся войнѣ¹⁾.

¹⁾ Къ этому времени произошелъ и нѣкоторый сдвигъ общественнаго мнѣнія по отношенію къ Россіи. Такъ парижскій муниципалитетъ, въ большинствѣ социалистически настроенный, на доскѣ помѣщенной въ *Hôtel de Ville*, имѣвшей увѣковѣчить участіе Парижа въ минувшей войнѣ, отмѣтилъ, что Парижъ обязанъ своимъ спасеніемъ отъ захвата германской арміей самоотверженному натиску русскихъ войскъ на восточную Пруссію.

Этимъ послѣднимъ актомъ закончилась вся слабая, безрезультатная дѣятельность нашей делегаціи, что произошло однако не только отъ общей политической обстановки, но и отъ присутствія въ нашей средѣ лица, вызвавшаго къ себѣ непріязненные чувства со стороны Франціи, въ особенности же отъ положенія, которое занялъ по отношенію къ намъ представитель русскихъ государственныхъ интересовъ въ Парижѣ, гдѣ какъ разъ ко времени нашего приѣзда съѣзжались всѣ руководители политики державъ побѣдительницъ.

О какой либо публичной общественной работѣ въ Парижѣ, какъ я упомянулъ выше, и думать было нечего, а посему делегація не только распалась, но и распалась по Парижу, утративъ даже связь между отдѣльными своими членами.

VII.

Отъѣздъ изъ Парижа въ Одессу. Бухарестъ. Одесса. Французскія войска въ Одессѣ. Отношеніе добровольческой арміи къ генералу А. В. Шварцъ. Полковникъ Fredenberg. Эвакуація Одессы. Отплытіе въ Константинополь.

Дальнѣйшее пребываніе въ Парижѣ было безцѣльно, и я поспѣшилъ направиться въ обратный путь на югъ Россіи, въ Одессу, гдѣ еще кое какъ держалась русская государственная власть. Началась нудная канитель по добыванію безчисленнаго количества визъ черезъ тѣ новыя клѣточки, которыя къ тому времени самообразовались въ центральной Европѣ. Самое путешествіе было продолжительное и тоскливое, но совершалось еще въ условіяхъ прежняго комфорта. Изъ Парижа возобновили къ началу марта свои рейсы *Orient express*, доходя, однако, не до Константинополя, а только до Бухареста, откуда можно было проѣхать черезъ Галацъ пароходомъ въ Одессу. Проходъ этого поѣзда былъ обставленъ нѣкоторыми предосторожностями, свидѣтельствовавшими о тѣхъ глубокихъ потрясеніяхъ, которыя вызвала война во всѣхъ европейскихъ странахъ. Шелъ онъ въ сопровожденіи небольшой военной команды и былъ даже вооруженъ пулеметомъ: утверждали, что въ предѣлахъ Австріи и Трансильваніи были случаи вооруженнаго на него нападенія, но съ чьей стороны они производились, оставалось неизвѣстнымъ. Въ составѣ поѣзда былъ цѣлый вагонъ съ провизіей, такъ какъ по пути раздобыть пищевые продукты не было возможности. Въ пути онъ былъ пять сутокъ, но неизмѣнно опаздывалъ часовъ на 12, а то и на сутки. За исключеніемъ безчисленныхъ осмотровъ документовъ, и багажа, мы однако никакихъ ни приключеній, ни стѣсненій не испытали.

Проѣзжая черезъ Вѣну, мы могли удостовѣриться, до какой степени этотъ до войны столь оживленный городъ положительно вымеръ. На улицахъ не видно было ни одного экипажа, да и пѣшеходы насчитывались единицами. Острый недостатокъ въ пищевыхъ продуктахъ былъ также явственно замѣтенъ. Буфеты на большихъ станціяхъ въ предѣлахъ б. Австрійской имперіи были либо закрыты, либо почти совершенно пусты. Поражали тѣ многочисленныя разрушенія, которыя произвела война въ Трансильваніи и сѣверной Румыніи, хотя на фронтѣ этомъ никакого существеннаго отпора наступающему врагу храбрые румыны, ворвавшіеся было въ Трансильванію, не оказали. Въ довольно обширной полосѣ всѣ станціи были разрушены, лѣса выжжены, а разбросанныя по пути отдѣльныя постройки артиллерійскимъ огнемъ превращены въ груды камней и мусора.

Бухарестъ оказался по какимъ то непонятнымъ причинамъ переполненъ, а сами румыны были, повидимому, озабочены лишь однимъ — создать пребываніе у нихъ сколь можно болѣе неприятнымъ, причемъ, разумѣется, объектомъ наибольшихъ придирокъ и неприятностей были мы, русскіе. Русскихъ они не только не выпускали безъ спеціальныхъ визъ, но даже не выпускали безъ особыхъ разрѣшеній. Одновременно лишь съ величайшимъ трудомъ добивалась наша военная миссія въ Бухарестѣ, возглавленная бывшимъ главнокомандующимъ нашимъ юго-западнымъ фронтомъ генераломъ Щербачевымъ, отпуска въ ея распоряженіе для отправки въ добровольческую армію хотя бы малой части того огромнаго военнаго имущества, которое принадлежало этому фронту и было цѣликомъ захвачено румынскимъ правительствомъ. Уступали румыны часть этого имущества лишь подъ воздѣйствіемъ представителей Франціи, которые въ этомъ отношеніи намъ дѣятельно помогали. Но недостаточно было вырвать у румынъ часть намъ же принадлежащаго оружія, медикаментовъ и т. д., надо было еще добыть вагоны для его доставки въ ближайшій черноморскій портъ, откуда онъ направлялся моремъ въ Новороссійскъ, и тутъ вновь приходилось преодолѣвать миллионъ сознательно чинимыхъ препятствій.

Еще по пути въ Бухарестъ циркулировали въ нашемъ поѣздѣ зловѣщія слухи, что Одесса уже эвакуирована, что тѣ чернокожія французскія войска и греческія части, которыя наконецъ туда были присланы, уже отозваны, и Одесса во власти большевиковъ.

Прибывъ въ Бухарестъ, я еще на станціи отъ случайно тамъ встрѣченнаго мною нашего посланника узналъ, что свѣдѣнія эти невѣрны и, разумѣется, обрадовался. Увы, радость моя была кратковременная. На другой же день изъ весьма достовернаго источника я узналъ, что французское правительство рѣшило эвакуировать Одессу въ ближайшій срокъ, что несомнѣнно обусловитъ захватъ этого города большевиками. Свѣдѣніе это мнѣ было передано въ столь категорической формѣ, что если бы не то, что въ Одессѣ находилась моя семья (такъ, по крайней мѣрѣ, я думалъ, на дѣлѣ она была въ Ялтѣ), которую я надѣялся вывезти изъ превратившейся въ застѣнокъ сага patria, я бы туда вовсе не поѣхалъ. При данныхъ условіяхъ свѣдѣніе это лишь побудило меня ускорить мой отъѣздъ туда, что мнѣ наконецъ и удалось.

Въ отвратительномъ вагонѣ, окна коего были сплошь разбиты, двигаясь черепашьимъ шагомъ, добрался я до Галаца. Сообщеніе съ Одессой здѣсь поддерживалъ крошечный и прескверный русскій пароходишко, носящій имя какого то адмирала — плоскодонка, снабженная фальшивымъ килемъ. На этомъ суденышкѣ, переполненномъ пассажирами, послѣ бурнаго морского перехода, вывернувшего ѣхавшимъ всѣ внутренности, добрался я приблизительно черезъ сутки въ Одессу.

Въ Одессѣ я засталъ приблизительно ту же картину, которую оставилъ тамъ мѣсяца за три передъ тѣмъ, а именно ту же Лондонскую гостиницу, гудѣвшую съ утра до поздняго вечера безчисленнымъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ обломковъ прежняго строя, стекшихся сюда изъ различныхъ мѣстностей Россіи. По прежнему здѣсь былъ центръ общественной, опредѣленно бѣженскаго характера жизни. Петроградскій бомондъ, гвардейское офицерство, множество южныхъ землевладѣльцевъ, представители мѣстнаго искони космополитическаго общества, бывшие крупные и средніе чиновники; спекулянты, банкиры, дамы полусвѣта, все здѣсь перемѣшалось и даже слилось. Здѣсь многіе проводили за явствами и питіемъ долгіе часы; здѣсь изобрѣтались, передавались и распространялись весьма противорѣчивые, но преимущественно оптимистическаго свойства разнообразные слухи, среди которыхъ внезапно раздавались паническія ноты.

Эти двѣ крайности были типичной чертой бѣженской жизни, бѣженской психологii. Между «громъ побѣды раздавайся» и «ратуйте» переходныхъ степеней не было. Въ общемъ же жилось весело и безопасно. Деньги, казалось, утратили всякую цѣнность. Въ мѣстномъ клубѣ, воспринявшемъ въ свою среду многочисленныхъ бѣженцевъ изъ столицъ, оживленіе царствовало съ утра. Группа гурмановъ затѣяла устройство особо тонкихъ гастрономическихъ обѣдовъ, оплачиваемыхъ какой то фантастической суммой. Шла безумная игра, даже принимая въ расчетъ обезцѣненіе денежныхъ знаковъ: проигрывались въ одну ночь десятки тысячъ украинскихъ, да и сохранившихъ еще цѣнность Романовскихъ денегъ. Появились, разумѣется, игорные и иные притоны, учрежденные и состоявшіе въ завѣдываніи людей съ совершенно инымъ и, казалось бы, не соответствующимъ этому промыслу прошлымъ. На роляхъ крупье видны были офицеры, украшенные боевыми знаками отличія, на роляхъ соблазнительницъ еще вчера безукоризненные женщины. Нищета разоренныхъ еще столь недавно состоятельныхъ, а не то и богатыхъ людей уже явственно проступала. На улицѣ встрѣчались знакомые, которымъ Лондонская и ей подобныя гостиницы, уже были недоступны: они ютились чуть не по постояннымъ дворамъ и по снимаемымъ въ частныхъ квартирахъ отдѣльнымъ комнатамъ.

Новымъ являлись въ Одессѣ спекуляція и иноземныя войска. Спекуляціей занимались въ той или иной формѣ рѣшительно всѣ, кто только могъ. Спекулировали на иностранной валютѣ, спекулировали товарами, въ томъ числѣ и продовольственными, едва ли не въ особенности сахаромъ, взятымъ на учетъ, но все же какимъ то таинственнымъ путемъ исчезавшимъ и вывозимымъ.

Что касается иноземныхъ войскъ, то они отличались грубостью, разнузданностью и полнымъ нежеланіемъ сражаться. Чернокожія хари разгуливали по приморскому бульвару и выглядывали изъ есѣхъ оконъ б. дворца командующаго войсками округа, который они сразу привели въ совершенно безобразный видъ. Убранство этого дома, нѣкогда принадлежавшаго фавориткѣ Александра I Маріи Антоновнѣ Нарышкиной и купленнаго впоследствии известнымъ поставщикомъ нашей арміи въ Севастопольскую кампанію Волошинымъ, отъ котораго онъ перешелъ, по предъявленному къ нему искамъ, въ казну, — отличалось рѣдкимъ вкусомъ и богатствомъ. Убранство это, сильно попорченное соединенными усиліями различныхъ перебивавшихъ уже въ Одессѣ властей, было окончательно испакощено чернокожими, присланными Франціей избавить Россію отъ бѣлыхъ варваровъ. «Ну и избавители» — говорили одесситы, шарахаясь при встрѣчѣ съ нами въ сторону.

Русская власть въ Одессѣ за мое отсутствіе дважды перемѣнилась. Первоначально, скоро послѣ нашего отъѣзда за границу, захватили Одессу петлюровцы, но продержались они не долго. Появились добровольцы и, опираясь на прибывшія французскія военныя суда, петлюровцевъ выгнали, но сами завести порядокъ не сумѣли. Во главѣ добровольцевъ былъ поставленъ генералъ Колчаковскаго производства Гришинъ-Алмазовъ, не задолго передъ тѣмъ прибывшій изъ Сибири. Обладая несомнѣнной энергіей и нѣкоторыми организаціонными способностями, онъ былъ авантюристъ въ душѣ и къ сожалѣнію отличался необузданными страстями. Этимъ страстямъ, попавъ въ главенствующее положеніе въ Одессѣ, онъ далъ полную волю. Предался онъ совершенно недопустимымъ оргіямъ и тѣмъ утратилъ всякое обаяніе, какъ въ городѣ, такъ и передъ французскимъ командованіемъ прибывшихъ въ Одессу союзныхъ войскъ. Другой представитель добровольческой арміи, назначенный начальникомъ тыла и снабженія (фамиліи не припомню), держался лично вполне

безупречно, но не обладалъ должной энергіей и вовсе не былъ на высотѣ порученнаго ему дѣла.

Перебравшійся изъ Кіева въ Одессу совѣтъ государственнаго національнаго объединенія, сговорившись предварительно съ французскимъ командованіемъ, причѣмъ инициатива шла, повидимому, отъ послѣдняго, рѣшилъ смѣнить командованіе русскими войсками и областью и, опираясь на французовъ, предложилъ Гришину-Алмазову и начальнику тыла выѣхать изъ Одессы, сдавъ командованіе генералу А. В. Шварцу — славному защитнику Ивангородской крѣпости. Смѣна эта отнюдь не должна была обозначить разрыва съ добровольческой арміей и обуславливалась исключительно непригодностью назначенныхъ ею въ Одессу начальствующихъ лицъ. Предварительный сговоръ съ Добровольческой арміей не представлялся возможнымъ за дальностью разстоянія и необходимостью принять рѣшеніе по этому дѣлу незамедлительно. Дабы разъяснить причины этой спѣшки и сгладить могущія произойти по этому поводу тренія съ Добровольческой арміей названный совѣтъ командировалъ въ штабъ арміи своего предсѣдателя барона Меллера и одного изъ своихъ членовъ Н. В. Савича.

Командованіе Добровольческой арміей признало тѣмъ не менѣе произведенную смѣну за открытый бунтъ и недопустимое умаленіе ея авторитета. Не только не пожелало оно санкціонировать назначеніе генерала Шварца, но возгорѣлось открытой ненавистью къ нему, принявшей впослѣдствіи, послѣ эвакуаціи Одессы, совершенно недопустимыя формы. Управление Добровольческой арміей не остановилось даже передъ взведеніемъ на генерала Шварца совершенно необоснованныхъ обвиненій и даже обратилось къ константинопольскимъ англійскимъ властямъ съ просьбой выслать, «именующаго себя командующимъ войсками эвакуированными изъ Одессы» генерала Шварца изъ Константинополя, предварительно отобравъ отъ него будто бы вывезенныя имъ изъ Одессы огромныя казенныя суммы. Между тѣмъ суммы эти — въ общемъ незначительныя — нѣсколько милліоновъ украинскихъ рублей и очень незначительное количество иностранной валюты, преимущественно австрійской, къ тому же въ негодныхъ мелкихъ купюрахъ — расходовались не генераломъ Шварцемъ, а особой коллегіей, по ордерамъ министра финансовъ той же Добровольческой арміи М. В. Бернацкаго, случайно находившагося въ Одессѣ въ моментъ ея эвакуаціи и выѣхавшаго вмѣстѣ съ штабомъ одесскихъ войскъ въ Константинополь.

Эта, скажу не обинуясь, позорная страница политической дѣятельности Добровольческой арміи мнѣ въ точности извѣстна, такъ какъ я былъ включенъ въ тотъ совѣтъ, который вѣдалъ дѣлами одесской арміи послѣ ея эвакуаціи изъ Одессы и посему былъ въ курсѣ всей возбужденной Добровольческой арміей по поводу генерала Шварца перепиской. Вызвала она во мнѣ глубокое возмущеніе.

Обращеніе къ иностранной державѣ съ ничѣмъ необоснованнымъ и, слѣдовательно, по существу клеветническимъ обвиненіемъ доблестнаго боевого русскаго генерала и стремленіе иноземными руками развѣнчать и даже покарать начальника значительныхъ русскихъ боевыхъ силъ ради удовлетворенія мелкаго личнаго самолюбія — было дѣйствіемъ и не политичнымъ, и глубоко антипатріотическимъ, да къ тому же и безцѣльнымъ, ибо никакихъ реальныхъ результатовъ дать не могло. Французское командованіе въ Константинополѣ, на распоряженіе котораго англійское командованіе передало полученную имъ изъ Добровольческой арміи просьбу о насильственномъ лишеніи генерала Шварца власти надъ вывезенными изъ Одессы офицерскими кадрами и объ его личной высылкѣ изъ предѣловъ нахождения этихъ

кадровъ, переслало эту просьбу генералу Шварцу, прося его дать по ея поводу нужныя объясненія.

Подавивъ ту личную обиду, которую онъ не могъ не чувствовать, и думая лишь объ одномъ, о соблюденіи чести и достоинства начальниковъ русской арміи, Шварцъ во всемъ этомъ прискорбнѣйшемъ инцидентѣ выказалъ исключительное благородство и большой политическій тактъ. Онъ воздержался отъ всякой квалификаціи предъявленнаго ему клеветническаго обвиненія и какихъ либо отвѣтныхъ обвиненій, а ограничился указаніемъ, что отношеніе, — ему пересланное, результатъ, очевидно, недоразумѣнія, происшедшаго вслѣдствіе удаленности и разобщенности Одессы съ центромъ управленія русской арміи, придавшимъ вѣру дошедшимъ до него слухамъ, неизбѣжно возникающимъ при наличности тѣхъ условій, которыя существовали въ Одессѣ въ моментъ ея эвакуаціи.

Этимъ фактически весь инцидентъ и ограничился, что не помѣшало однако управленію Добровольческой арміи, получившему по всему этому дѣлу подробное сообщеніе отъ своего же министра финансовъ М. В. Бернацкаго, продолжать всемѣрно преслѣдовать генерала Шварца и даже циркулярно извѣстить всѣхъ дипломатическихъ представителей старой русской государственности за границей о невыдачѣ Шварцу никакихъ удостовѣреній, необходимыхъ для свободнаго передвиженія, т. е. для полученія иностранныхъ визъ.

Что до Добровольческой арміи дошли слухи, что Шварцъ вывезъ изъ Одессы значительныя суммы и притомъ въ валютѣ — несомнѣнно. Происхожденіе этихъ слуховъ слѣдующее. Въ Одессѣ за нѣсколько времени до эвакуаціи была затѣяна какъ всегда по существу безрезультатная борьба съ спекулирующими иностранной валютой, что вело къ вящему обезцѣненію мѣстныхъ бумажныхъ денегъ. Въ спекуляціи были обвинены нѣсколько мѣстныхъ банкировъ, причемъ сами они были арестованы, а хранившіяся въ ихъ сейфахъ принадлежавшія имъ суммы въ иностранной валютѣ секвестрованы. Суммы эти при выѣздѣ изъ Одессы были перевезены на пароходъ, на которомъ выѣзжалъ генералъ Шварцъ со своимъ штабомъ. На пути къ Константинополю эти же суммы были при непосредственномъ участіи Бернацкаго, его товарища Курилло и завѣдующаго контрольной частью Ильяшенко-Синяговскаго, пересчитаны, запечатаны и сложены въ несгораемое помѣщеніе парохода, къ которому приставленъ офицерскій караулъ. Оказалось этихъ суммъ немало болѣе 800 тысячъ франковъ золотомъ.

Наличность на пароходѣ суммъ въ золотой валютѣ, конечно, скоро стала извѣстна всѣмъ находившимся на немъ, число коихъ превышало 1200 человекъ, причемъ размѣръ этихъ суммъ во время морского перехода въ представленіи ѣдущихъ все увеличивался. Говорили сначала о нѣсколькихъ милліонахъ, затѣмъ уже о десяткахъ милліоновъ и, наконецъ, о многихъ сотняхъ. Слухи эти, къ сожалѣнію, разожгли аппетиты нѣкоторой части ѣдущихъ, и появилась даже кучка негодяевъ, агитировавшихъ за завладѣніе этими суммами ѣдущимъ офицерствомъ и ихъ раздѣлъ между собой. Дошло до того, что написали соответствующее воззваніе и расклеили по трюмамъ, гдѣ ютилась превратившаяся въ бѣженцевъ офицерская масса. Дѣло грозило принять самый нежелательный оборотъ. Удержать дисциплину среди физически изстрадавшейся и, увы, нравственно распатанной массы было не легко. Соблазнъ былъ несомнѣнно великъ. Усиливался онъ еще тѣмъ, что на томъ же пароходѣ ѣхали нѣкоторые одесскіе банкиры, везшіе по слухамъ тоже большія цѣнности, принадлежащія ихъ банкамъ. Зашла рѣчь и объ ихъ отобраніи на томъ основаніи, что цѣнности эти принадлежатъ не самимъ банкирамъ, а кліентамъ ихъ банковъ; банкиры суммы эти несомнѣнно присвоятъ себѣ лично, а посему справед-

ливѣе ихъ тоже распредѣлить. Разсужденіе довольно специфическое, хотя, насколько основная посылка была невѣрна, трудно сказать: привлечь къ суду банкировъ, вывезшихъ кліентскія суммы, въ виду того, что банки ихъ несомнѣнно большевиками были въ послѣдствіи ограблены, не представится никакой возможности. Обстоятельство это не давало, разумѣется, права третьимъ лицамъ присвоить находившіяся у банкировъ суммы себѣ.

Во время принятыми мѣрами и, конечно, прежде всего благодаря безусловной порядочности преобладающаго большинства сосредоточеннаго на суднѣ офицерства агитація эта не имѣла успѣха и не привела ни къ какимъ послѣдствіямъ.

По высадкѣ на островъ Халки, куда французскія власти законопатили прибывшіе изъ Одессы воинскіе кадры, секвестрованные суммы были вновь пересчитаны и сданы Бернацкимъ въ Оттоманскій банкъ на храненіе на совокупное имя русскаго представителя въ Константинополь и командующаго Добровольческой арміей, впредь до разбора дѣла о степени отвѣтственности собственниковъ этихъ суммъ. Послѣдніе тоже прибыли въ Константинополь и всячески добивались возврата имъ ихъ денегъ. Съ своей стороны я признавалъ произведенную секвестрацію незаконной и полагаю, что секвестрованные суммы должны быть по-просту возвращены ихъ собственникамъ. Состоявшій при Шварцѣ совѣтъ, отъ котораго, какъ я уже упоминалъ, зависѣло разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ денежными ассигнованіями и вообще общаго значенія, высказался за предоставленіе разрѣшенія этого вопроса суду, не указавъ, однако, какому. Что стало въ послѣдствіи съ этими суммами, поступили ли онѣ въ кассу Добровольческой арміи или были возвращены ихъ собственникамъ, я точно не знаю, слышалъ же я, что въ конечномъ результатѣ собственники добились ихъ возвращенія.

Какъ бы то ни было, въ теченіе нѣкотораго времени управленіе Добровольческой арміей могло добросовѣстно заблуждаться на счетъ присвоенія генераломъ Шварцемъ какихъ то несчастныхъ капиталовъ, но заблужденіе это могло продолжаться только до полученія разъясненія его же агента — Бернацкаго, а посему всѣ дальнѣйшіе предпринимавшіеся противъ Шварца шаги были столь же недобросовѣстны, какъ въ высшей степени безтактны.

Возвращусь однако къ Одессѣ и тому положенію, въ которомъ я ее засталъ. Какъ я уже сказалъ, она веселилась и... спекулировала, веселилась настолько, что на умъ приходили стихи:

«Пусть тѣшится младое племя!
Внезапно среди его утѣхъ
Прогрянетъ черни ревъ голодный
И предъ анаемой народной
Утихнетъ наглый этотъ смѣхъ.»

На мое заявленіе, что по полученнымъ мною опредѣленнымъ свѣдѣніямъ Одесса будетъ на дняхъ французами эвакуирована, отвѣчали тѣмъ же смѣхомъ.

«Какъ можетъ это быть, говорили одесситы, какъ постоянные, такъ и заброшенные туда ходомъ событій, когда всего за два дня до вашего приѣзда приѣзжали въ Одессу изъ Константинополя генераль Franchet d'Esperey, а изъ Бухареста командующій французскимъ войсками въ Румыніи генераль Berthelot и торжественно заявили, что количество союзныхъ войскъ, находящихся въ Россіи, будетъ въ ближайшее время значительно увеличено.

Увѣренъ въ этомъ былъ и генераль Шварцъ, переживавшій въ эти дни тяжелое время. Большевики напирали со всѣхъ сторонъ, число русскихъ воинскихъ элементовъ было незначительно — всего лишь нѣсколько тысячъ, преимущественно

офицеровъ, а союзныя войска оказывали лишь слабое сопротивленіе наступающему противнику. Тѣмъ не менѣ ихъ присутствіе имѣло рѣшающее въ психологическомъ отношеніи значеніе. Внушали противнику спасительный страхъ и стоявшія на рейдѣ военныя суда, не помню, какія именно, но однако достаточно большія, чтобы принять на бортъ всѣ имѣвшіяся въ районѣ Одессы союзныя войска. Шварцъ былъ лихорадочно занятъ формированіемъ при помощи имѣющихся кадровъ новыхъ воинскихъ частей, пополняемыхъ путемъ набора, и дѣло это продвигалось весьма успѣшно: еще двѣ-три недѣли и русскія воинскія части, защищавшія подступы къ Одессѣ, представили бы мощную силу. Командующій союзными войсками — французскими сингалезцами и греческими батальонами — совокупная численность коихъ, если не ошибаюсь, достигала 10-12 тысячъ — генераль Ансельмъ былъ въ лучшихъ отношеніяхъ съ Шварцемъ и оказывалъ ему полное содѣйствіе въ трудномъ дѣлѣ.

Словомъ, все предвѣщало скорое наступленіе лучшихъ временъ и оправдывало оптимизмъ одесситовъ. Но не прошло и нѣсколькихъ дней послѣ моего возвращенія, какъ среди этого кажущагося благополучія разнесся грозный слухъ, что по распоряженію изъ Парижа союзныя войска на дняхъ покинутъ Одессу. Слухъ этотъ разнесся съ быстротой молніи и тотчасъ вызвалъ всеобщую панику. Напрасно, надѣясь сдержать панику и произвести неизбежную при этихъ условіяхъ эвакуацію сколь возможно спокойнѣе и планомѣрнѣе, генераль Шварцъ утверждалъ въ своихъ объявленіяхъ, что положеніе Одессы безопасно.

Началось снятіе союзныхъ войскъ съ занимавшихся ими позицій и стягиваніе ихъ въ Одессу для послѣдующей посадки на суда, а также ихъ постепенный уходъ по береговой полосѣ въ Румынію. Самъ генераль Шварцъ былъ вынужденъ скоро перенести свое и своего штаба мѣстопробываніе изъ центра города на Приморскій бульваръ, гдѣ реквизирована была съ этой цѣлью все та же Лондонская Гостиница, постояльцы которой вынуждены были переселиться въ другія уже переполненныя гостиницы города. Переѣздъ этотъ былъ вызванъ необходимостью сосредоточить всю оборону города поблизости къ порту, подъ защиту стоящихъ на рейдѣ союзныхъ военныхъ судовъ.¹⁾

Безобразнымъ былъ не самый фактъ эвакуаціи, а та молниеносная спѣшность, съ которой она была произведена, вслѣдствіе чего русскія войска лишены были всякой возможности организовать самостоятельную защиту Одессы. Это вполне сознавали мѣстные французскіе военнопольначальники Ансельмъ и даже Franchet d'Esperey и въ разговорѣ съ русскими проявляли по этому поводу большое смущеніе.

Тѣмъ временемъ, буржуазія бросилась за полученіемъ визъ на проѣздъ въ Западную Европу. Выдавались эти визы штабомъ генерала Ансельма, и фактически вѣдалъ этимъ дѣломъ начальникъ этого штаба полковникъ Fredenberg, уже успѣвшій создать себѣ весьма незавидную репутацію. Вызвалъ онъ къ себѣ своей заносчивостью и грубостью общую ненависть и почитался за отъявленнаго взяточника. Дѣйствительно безъ взятки, какъ утверждали въ Одессѣ, невозможно было получить разрѣшеніе на все, что находилось въ зависимости отъ согласія француз-

¹⁾ Произведенная по распоряженію изъ Парижа спѣшная эвакуація изъ Одессы французскихъ и греческихъ войскъ была очевидно вызвана происшедшимъ не задолго передъ тѣмъ возмущеніемъ части команды на двухъ французскихъ броненосцахъ, стоявшихъ на Севастопольскомъ рейдѣ. Возмущеніе это испугало французское правительство до крайности. Оно убѣдилось въ заразительности большевизма и рѣшило увести свои войска подальше отъ источника заразы. Винить въ этомъ Францію не приходится. Каждое государство обязано прежде всего охранять свои жизненные интересы.

скаго командованія. Что за выдачу визъ Fredenberg взималъ весьма крупную мзду, не подлежитъ сомнѣнію. Мнѣ лично извѣстенъ случай оплаты визы для двухъ лицъ 50 тысячами романовскихъ рублей, что составляло въ то время примѣрно 12 тысячъ франковъ. Любопытно всею, что эти визы оказались совершенно недействительными. Французскія власти въ Константинополѣ ихъ не признавали, причемъ и сами ихъ выдавали лишь по полученіи для каждого отдѣльнаго лица разрѣшенія изъ Парижа — яркій примѣръ французской мертвящей централизаціи и недоувѣрія къ своимъ мѣстнымъ даже столь крупнымъ, какъ ихъ верховные комиссары, агентамъ.¹⁾

Одновременно съ переѣздомъ Шварца въ Лондонскую гостиницу началась тамъ же запись и выдача свидѣтельствъ для посадки на тѣ или иныя имѣющіяся въ порту суда, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ должны были идти въ Крымъ—Ялту—Севастополь, не подозрѣвая, что тамъ тоже идетъ эвакуація, производившаяся англичанами, нѣкоторыя — въ Новороссійскъ и, наконецъ, нѣкоторыя — въ Константинополь. Офицерству, распределеніе коего происходило особымъ порядкомъ, предоставлено было право выбора направленія, при чемъ отчасти благодаря возникшимъ пререканіямъ между одесскимъ командованіемъ и Добровольческой арміей, отчасти вслѣдствіе огромной нравственной усталости, большинство предпочло временно выйти изъ игры и направиться въ Константинополь, а многіе лелѣяли надежду перебраться отсюда на Дальній Востокъ и вступить въ ряды арміи Колчака. Ту же надежду питалъ и генералъ Шварцъ.

Со дня на день Лондонская гостиница совершенно измѣняла свою фізіономію. Безпрерывной лентой направилась туда буржуазія и вообще гражданское населеніе, желавшее покинуть Одессу. Для многихъ непрічастныхъ ни къ какой полтичкѣ и притомъ не имѣющихъ наличныхъ средствъ для существованія въ чужой странѣ такое рѣшеніе было подсказано охватившей городъ стихійной паникой и бросило ихъ въ пучину такихъ лишеній и страданій, которыя они едва ли бы испытали въ большей степени, оставаясь въ Одессѣ.

Въ Лондонскую гостиницу приходили и толкались въ обширномъ ея вестибюлѣ самыя разнообразныя лица, о присутствіи которыхъ въ Одессѣ я, по крайней мѣрѣ, и не подозрѣвалъ. Среди нихъ было множество петроградцевъ, уже настолько лишенныхъ средствъ существованія, что это сказывалось не только на ихъ платьѣ и обуви, но даже и на ихъ лицахъ. Появились тутъ внезапно и какіе то наряженные въ театральные костюмы петлюровскіе офицеры. Оказалось, что они пришли неизвѣстно какими путями съ предложеніемъ войти въ союзъ съ гдѣ то еще имѣющимися отрядами Петлюры для совмѣстной охраны Одессы отъ большевиковъ.

Совѣту національнаго объединенія, въ составъ котораго я входилъ, была обѣщана французскимъ командованіемъ выдача визъ во Францію для всѣхъ его членовъ. Однако, отправившійся съ этой цѣлью въ соответствующее бюро одинъ изъ нашихъ сочленовъ даже не могъ туда проникнуть вслѣдствіе той толпы, которая

¹⁾ Слухи о взяточничествѣ Fredenberg'a дошли и до французскаго правительства и, вѣроятно, въ связи съ тѣмъ, что сей грабитель тотчасъ по прибытіи въ Константинополь вышелъ въ отставку и открылъ тамъ же, очевидно на награбленные деньги, банкъ, признало нужнымъ произвести по этому поводу разслѣдованіе, которое за отсутствіемъ жалобщиковъ и уликъ не привело ни къ какимъ результатамъ. Производившій разслѣдованіе графъ Шевельи, которому французское правительство благодаря его русскимъ связямъ давало различныя порученія, касающіяся Россіи, мнѣ даже говорилъ, что изъ произведеннаго имъ разслѣдованія у него получилось убѣжденіе, что всѣ навѣты на Fredenberg'a ни на чемъ не основаны, съ чѣмъ я однако позволилъ себѣ не согласиться.

его осаждала. Тогда я рѣшилъ отправиться непосредственно въ самый штабъ генерала Ансельма, помѣщавшійся тутъ же на приморскомъ бульварѣ, въ реквизированной имъ Петербургской гостиницѣ, но тамъ я засталъ полный хаосъ. Проникнуть туда было весьма легко, но найти тамъ соотвѣтствующее лицо весьма затруднительно. Блуждая по комнатамъ, занятымъ штабомъ, впрочемъ въ большинствѣ пустыннымъ, я наконецъ набрелъ на какого то русскаго офицера, являвшагося офицеромъ связи.

Во время моего разговора съ нимъ въ комнату вошелъ какой то маленькій коренастый французскій офицеръ совершенно не французскаго типа, и рѣзко меня спросилъ, что мнѣ надо, и на мое указаніе моего дѣла объяснилъ мнѣ въ грубой формѣ, что исполнить онъ этого не можетъ. Не имѣя понятія, съ кѣмъ я имѣю дѣло, и видя передъ собой образчикъ французскаго грубаго высокомерія (куда дѣвалась былая *politesse gauloise*?), я не постѣснялся ему въ повышенномъ тонѣ указать на совершенную недопустимость подобнаго обращенія, причемъ добавилъ нѣсколько нелестныхъ словъ относительно всего управленія, возглавляемаго прославившимся въ Одессѣ Фредембергомъ. Въ отвѣтъ на мой выпадъ французскій офицеръ какъ то сразу ступевался, пробормоталъ какія то извиненія и мигомъ исчезъ.

Присутствовавшій при этомъ русскій офицеръ послѣ ухода француза обратился ко мнѣ съ возгласомъ: «Наконецъ то нашелся кто-нибудь, чтобы осадить этого нахала. Давно бы такъ».

— «Да кто это такой?»

— «Какъ, вы не знали. Да это и есть самый полковникъ *Fredenberg*».

Ясно, что послѣ этого инцидента я прекратилъ всякія хлопоты по полученію визъ, которыя, впрочемъ, какъ я уже упомянулъ, рѣшительно никакого значенія не имѣли.

Недолго продолжалось пребываніе Шварца въ Лондонской гостиницѣ — всего два дня. Еще утромъ въ день посадки бѣженцевъ на суда, возможно было ходить по прилегающимъ къ приморскому бульвару улицамъ, но магазины и банки уже спѣшно запирались, а къ 6 часамъ дня уже почти весь городъ былъ въ рукахъ большевиковъ. Все же приморскій бульваръ и спускъ къ порту, однако лишь черезъ Сабанѣевъ мостъ, былъ еще болѣе или менѣе безопасенъ. Я лично былъ записанъ на транспортъ Шилка, направлявшійся въ Крымъ, куда еще до возвращенія моего въ Одессу выѣхала моя семья, но по приходѣ моемъ на это судно узналъ, что команда его забастовала и никуда двигаться не намѣрена (впослѣдствіи ее наполовину уломала, наполовину принудила огромная скопившаяся на этомъ суднѣ толпа, положеніе которой въ противномъ случаѣ было совершенно безвыходное).

Съ своей стороны я рѣшилъ скрѣпя сердце направиться на какое-либо судно, имѣющее назначеніемъ Константинополь — таковыхъ было четыре, надѣясь уже оттуда при помощи моихъ англійскихъ связей — въ Лондонѣ мнѣ дали новый открытый листъ къ англійскимъ военнымъ властямъ — добраться до Ялты.

Раздумывая, какъ добраться до такого судна — о мѣстѣ ихъ нахождения я не имѣлъ понятія — я замѣтилъ небольшую кучку народа, толпящуюся въ какой нибудь сотнѣ сажень отъ меня на томъ же участкѣ обширнаго Одесскаго порта, гдѣ я находился. Наудачу направился къ ней и узналъ, что это пассажиры, записанные на пароходъ «Caucase» и ожидающіе парового баркаса, чтобы доставиться на него: «Кавказъ» стоялъ на рейдѣ, не опшвартованный.

Никакихъ удостовѣреній для перехода на «Кавказъ» я не имѣлъ, но это отнюдь не помѣшало мнѣ беспрепятственно сѣсть по его приходѣ на обслуживавшій

его баркасъ и подѣхать на немъ къ названному судну. Само собой разумѣется, что могъ я все это продѣлать только благодаря тому, что въ видѣ багажа у меня были лишь два ручные чемоданчика, представлявшіе все оставшееся у меня имущество. Сундукъ съ вещами пришлось бросить въ Одессѣ.

«Кавказъ» оказался огромнымъ французскимъ транспортомъ, перевозившимъ во время войны туземныя войска съ острова Мадагаскара во Францію. Переданный вновь въ частную эксплуатацію, онъ, однако, еще сохранилъ устроенныя на немъ приспособленія для массовой перевозки людей: обширныя трюмы его были снабжены устроенными въ нѣсколько этажей нарами. На этомъ суднѣ долженъ былъ отплыть генералъ Шварцъ и его штабъ; на немъ же было посажено множество бѣженцевъ обоюго пола и болѣе тысячи офицеровъ.

Взойдя на бортъ «Кавказа», я засталъ на немъ буквально столпотвореніе вавилонское. Не успѣвшіе еще размѣститься по трюмамъ стояли густой толпой на палубѣ, заваленной всевозможнымъ багажомъ. Наступившая темнота и весьма слабое искусственное освѣщеніе парохода въ высшей степени тормазили установленіе какого либо порядка. Въ полумракѣ раздавался плачь дѣтей, которыхъ было не малое количество и... мычаніе животныхъ; то были волы, тутъ же находившіеся на палубѣ, предназначенныя для продовольствія ѣдущихъ. По временамъ между сгрудившимися бѣженцами возникали перебранки, и воздухъ оглашался крѣпкими словами.

Странное зрѣлище представляла и каютъ-компанія. Ярко освѣщенная, она была сплошь забита народомъ, среди коего я замѣтилъ высшихъ духовныхъ іерарховъ — митрополита Платона, архіепископа кишиневскаго Анастасія и множество священниковъ. Всѣ они скромно помѣстились по стѣнкамъ, а по серединѣ каютъ-компаніи — за столомъ сидѣли и смачно что то ѣли какіе то штатскіе люди экзотическаго типа. Оказалось, что это купцы, почти исключительно греки, пріѣхавшіе въ Одессу изъ Константинополя съ разнообразнымъ товаромъ, надѣясь его выгодно тамъ сбыть. Попали они въ Одессу какъ разъ ко времени ея эвакуаціи, а посему на берегъ даже не были спущены. Это были все платныя пассажиры 1-го класса, занявшіе почти всѣ пассажирскія, расположенныя вокругъ каютъ-компаніи, помѣщенія и, конечно, не пожелавшіе ихъ уступить нахлынувшимъ бѣженцамъ, какого бы они званія ни были. Нѣкоторымъ лицамъ все же въ конечномъ результатѣ удалось устроиться въ каютахъ, остальнымъ же наиболѣе привилегированнымъ, не пожелавшимъ помѣститься въ одномъ изъ трюмовъ, было предоставлено право сидѣть въ каютъ-компаніи, конечно, за исключеніемъ обѣденныхъ часовъ, когда мѣста были заняты обѣдающими. Тутъ они просидѣли въ теченіе десяти сутокъ, ни разу не ложась, такъ какъ по прибытіи въ Константинополь насъ на берегъ не спустили, а продержали въ продолжительномъ карантинѣ. Мнѣ лично удалось однако устроиться. Войдя въ частную сдѣлку съ завѣдующимъ хозяйствомъ всего парохода — такъ называемымъ *maître d'armes*, я за сравнительно умѣренную плату получилъ въ мое единоличное пользованіе его собственное просторное и уютное помѣщеніе.

Часамъ къ 12 ночи прибылъ на пароходъ и генералъ Шварцъ, и мы были готовы къ отплытію. Въ это время городъ уже былъ фактически беззащитенъ, и лишь нѣсколько выпущенныхъ по городу выстрѣловъ со стоящаго на рейдѣ французскаго броненосца, повидимому, удерживали вступившихъ въ городъ большевиковъ приблизиться къ порту, а посему притокъ на «Кавказъ» новыхъ бѣженцевъ изъ офицерскаго состава въ теченіе нѣкотораго времени все еще продолжался.

Ночь мы простояли однако на рейдѣ и лишь послѣ разсвѣта подняли якорь. Повемного скрывались въ утреннемъ туманѣ очертанія красавицы русскаго юга —

Одессы. Прошли мимо Малаго и Большого фонтановъ, столь мнѣ знакомыхъ съ давнихъ поръ, и наконецъ, потеряли берегъ изъ вида. Съ тяжелымъ сердцемъ слѣдили мы за тѣмъ, какъ онъ постепенно исчезалъ изъ нашихъ глазъ, и несомнѣнно тѣ же мысли охватили всѣхъ наблюдавшихъ за нимъ съ «Кавказа»: что ждетъ впереди и когда уже назадъ въ разрушенную, загрязненную, заплеванную, но все же бесконечно дорогую Родину?

Да, когда же?

Парижъ. Апрель 1924 г.
